

ПРОЕКТ
«КУКЛИН УГОЛ»

УДК 316.343.32(470.316)(093.3)
ББК ТЗ(2Рос-4Яро)я43+Т214-2я43
Т61

Т61 **Тороповские страницы:** сборник статей и воспоминаний. —
Ярославль: ЯрГУ, 2013. —
Вып. 3: Род Кругликовых. Часть 2. — 240 с. 120 ил.

Данный выпуск альманаха полностью посвящен дворянскому роду Кругликовых, бывших владельцев Тороповской усадьбы. Первая часть содержит документы по истории рода и генеалогическую информацию. Вторая часть содержит воспоминания разных авторов о представителях рода Кругликовых и фотоархив.

УДК 316.343.32(470.316)(093.3)
ББК ТЗ(2Рос-4Яро)я43+Т214-2я43

Общественное творческое достояние. Свободное распространение
BY-NC-ND «с указанием авторства/некоммерческое/без производных»

ISBN 978-5-8397-0909-6

РОД КРУГЛИКОВЫХ

ТОРОПОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Сборник статей и воспоминаний

Выпуск 3

Часть 2

Ярославль 2013

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Часть I

С. П. Фортинский. Родословная Кругликовых

Поколенная роспись рода Кругликовых

А. П. Кругликов. Мои воспоминания

Часть II

Семён Николаевич Кругликов 6

В. М. Дорошевич. Петроний оперного партера 8

Елизавета Сергеевна Кругликова 19

*С. П. Фортинский (19), Н. С. Сошальская (29),
С. П. Яремич (35), Е. Д. Чичагова-Россинская (45),
Н. М. Полунина, А. И. Фролов (48), З. И. Елгашина
(52), Э. Ф. Голлербах (54), А. А. Сидоров (56),
С. С. Перерве (60)*

Николай Сергеевич Кругликов
Автобиография 67

Из архивов И. И. Стин
Воспоминания Н. В. Яблочковой 85

Николай Владимирович Кругликов 124
М. С. Михайлов. "Два мира, две войны" 126
Н. И. Мурганова. Воспоминания 142

Ю. А. Бахрушин. Воспоминания 166

В. Л. Козлов. Апрельевские окрестности 178

Аполлон Николаевич Кругликов 192
И. И. Генкин. Среди политкаторжан 196
Из писем А. Н. Кругликова В. П. Ермаковой 206

Приложения: фамильное древо,
перечень упоминаемых фамилий 230

СЕМЁН НИКОЛАЕВИЧ КРУГЛИКОВ

*С. Н. Кругликов. Москва, 1904 г.
(из архива Сошальской)*

Семен Николаевич Кругликов, 25.05.1851—9.02.1910, русский музыкальный критик. Ученик (и друг) Н. А. Римского-Корсакова, учитель (и друг) В. С. Калинникова (который посвятил ему свою знаменитую Первую Симфонию), друг (и шафер, вместе с С. В. Рахманиновым) Ф. И. Шалапина...

Консультант Московской русской частной оперы Мамонтова, пропагандист творчества «Могучей кучки», у зрителей заслужил прозвище «московского Стасова». Преподаватель и директор московского музыкального училища, у учеников заслужил прозвище «Симеона-квинтоприимца». Неординарный музыкальный критик, у братьев по перу заслужил прозвище *Magister elegantiarum* — Учитель изящества.

Г. Риман. Музыкальный словарь. 1905 г..

Семен Николаевич Кругликов родился в Москве в 1851 г. Слушал лекции в московском университете (математический факультет), затем в С.-Пб., в институтах путей сообщения, горном и лесном. Музыкальное образование Кругликова находилось сначала в руках матери, даровой ученицы Виллуана по фортепиано и Виотти по пению. Знакомство в С.-Пб. с кружком Балакирева способствовало музыкальному развитию Кругликова и наложило печать на всю его последующую деятельность. Некоторое время Кругликов брал также уроки теории музыки у Римского-Корсакова. Возвратившись в Москву (1879), Кругликов всецело посвятил себя музыке. В 1881 он приглашен был читать теорию музыки и гармонию в музыкальном училище Шостаковского, преобразованном в 1883 в музыкально-драматическое училище московского филармонического общества. На этой должности Кругликов состоит и ныне; в 1898—1901 он был еще и директором того же училища. Кроме того Кругликов — член Наблюдательного Совета при Синодальном училище церковного пения. На поприще музыкальной критики Кругликов выступил впервые в 1881, в "Современных известиях", под псевдонимом "Старого музыканта", а затем "Молодого музыканта". Кроме того писал в других изданиях, главным образом в "Искусстве", "Музыкальном обозрении" и "Артисте"; в последнем Кругликов заведывал музыкальным отделом. С начала 90-х годов по сие время Кругликов сотрудничает в "Новостях дня". В своих статьях Кругликов является рьяным поборником новой русской музыки и в этом смысле примыкает к школе В. Стасова и Кюи.

ПЕТРОНИЙ ОПЕРНОГО ПАРТЕРА¹

Влас Михайлович Дорошевич

Интеллигентская голова на солидном, плотном, грузном туловище.

— Это наш знаменитый критик. Музыкант Кругликов.

Поджарый, весь высушенный, весь нервы, — немец-музыкант, которому я указал С. Н. Кругликова, в отчаянии схватился за голову.

— А-а! Изумительный город! Пирогов... как они у вас называются? Растегаев... блинов, икры, поросят, стерлядей! У вас всё сдобное, пышное, рассыпчатое! Любовники Малого театра, как отпоенные молоком телята! Это? Музыкальный? Критик? Это директор банка! Директор-распорядитель акционерной компании! Музыкальный? Он питается звуками? Критик? Да где же у него может быть желчь?

У него были добрые, усталые, снисходительные глаза.

В глубине которых, в самой глубине, прыгала едва заметная искорка насмешливости.

Добрая, усталая, благожелательная улыбка.

Чуть-чуть, едва приметно, ироническая.

Мягкая, несколько ленивая, медленная походка.

Он шёл в жизни медленно, не торопясь, лакомясь жизнью.

Он любил жизнь, её радости и умел ими лакомиться.

Настоящий гастроном жизни.

Заходила речь об еде, — он говорил со вкусом умевшего тонко поесть человека.

Когда в фойе театра появлялась красивая женщина, — он останавливался, разглядывал её внимательно и любуясь.

Делал несколько замечаний выдавшего по этой части виды человека.

Угадывая детали, которые может угадать только знаток.

¹ Из сборника: Дорошевич В. М. Старая театральная Москва. — Пг.: «Петроград», 1923. — С. 49-57. См. commons.wikimedia.org. *Петроний* — писатель-сатирик, автор древнеримского романа «Сатирикон». Имел прозвище *Arbiter elegantiarum* (Арбитр, законодатель изящного вкуса).

Он говорил о красотах Альп, Рейна, старинных французских замков так, что подмывало взять билет и поехать.

С упоением слушал Гайдна, Баха.

Находил, что Оффенбах:

— Гений,

в оперетке:

— Которая тоже прелестное искусство.

Серьёзный критик, смел писать, что, конечно, искусство г-жи Вяльцевой не велико, но Вяльцева:

— Явление в этом искусстве. Очаровательное. Событие!

В нём была масса вкуса.

И ни капли педанта.

Ни на грош фарисейства.

За всю жизнь он не израсходовал ни одного фигового листика.

Он был скептик, и в нём было немножко философского безразличия человека, много видевшего на своём веку.

И когда все кругом возмущалось какой-нибудь г-жой Пищалкиной, готовясь учинить над ней суд Линча:

— Ошикать, освистать её после арии в последующем акте!

Кругликов только улыбался снисходительно.

И к певице, и к негодованию.

О, боже! Сколько было плохих певиц, — а, ведь, свет от этого не провалился.

И когда критики кругом уже точили назавтра свои перья, — Кругликов пожимал своими мягкими плечами:

— У неё такая любовь петь! Это приятно отметить. Без голоса, — но поёт!

Это был Петроний нашего оперного партера.

*Magister elegantiarum*¹:

— Музыкальных и критических.

Как критика, его ценили не только артисты, но и публика.

Задвумя-тремя исключениями, наши музыкальные критики разделяются на две категории.

Одни знают.

¹ лат. *Magister elegantiarum* – учитель изящества (ср. *Arbiter elegantiarum*)

Но так наполняют свои рецензии бемолями и диезами, — словно писал фортепианный настройщик!

Другие пишут интересно, иногда даже увлекательно.

Но, услышав Шалапина в «Демоне», уверены, что у него:

— Высокий баритон.

А если Собинову в дружеской компании придёт фантазия спеть «На земле весь род людской», — способны написать, что:

— У нашего превосходного тенора великолепный бас.

Я знал одного такого критика.

Nomina sunt odiosa¹.

Он должен был писать о концерте, на котором должен был исполняться листовский «Фауст».

Он добросовестно был на концерте, — с критиками не всегда случается.

Слышал всё.

И как Фауст с Мефистофелем мчатся через лес. И как шумят старые деревья. И как приближается духовная процессия.

Видел, — духовными очами сам видел, как два путника зашли в кабачок, где справлялась крестьянская свадьба.

Умилился над простодушным сельским вальсом. Пришёл в восторг от бешеного, inferнального танца, который заиграл Мефистофель, вырвав скрипку у одного из музыкантов. Ужасался прерывающим мелодию раскатам демонического хохота.

И назавтра всё это описал в газете.

Описал талантливо, блестяще, увлекательно.

И только тогда, из других газет, выяснилось, что, вместо всем известного «Фауста», в концерте вчера играли почему-то увертюру к «Струензэ»!

Кругликов соединял в себе и знание, и литературный талант.

Редкое и чудное сочетание!

Особенно, когда оно приправлено тонким вкусом.

И любовью к такой радости жизни, как искусство.

Прочитав его рецензию, хотелось пойти и послушать это самому.

¹ лат. Nomina sunt odiosa – имена ненавистны (не будем называть имён).

Театр у нас наполовину загублен нашей критикой.

Не её строгостью. Не её бранью. Нет.

Насчёт брани есть отличный, — конечно, грубый, — афоризм Н. И. Пастухова.

Он был в ссоре с г. Коршем и желал ему всякого зла.

Рецензент его газеты бранил театр Корша.

Находил пьесу плохой, исполнение ещё хуже.

«Николай Иванович» остался недоволен рецензией.

— Ни к чему! Вы пишете: «плохо». А человек спросит у знакомого: «Хорошо?» — «Хорошо!». И пойдёт. Нет, ты напиши, что в театре с потолка кирпичи валятся. Вот, тогда кто в такой театр пойдёт!

Критика губит театр не бранью.

Публика всё-таки больше верит знакомым, чем незнакомым.

Соседу за столом больше, чем критику.

Театр губят эти «осторожные из добросовестности» похвалы.

«Умеренные».

«Средние».

— Артистка такая-то добросовестно спела свою партию. Остальные были достаточно тверды.

Я пойду смотреть превосходное исполнение.

Я готов идти смотреть из рук вон плохое, скандал, чёрт знает что, а не представление.

Это тоже любопытно.

Но какое мне дело до чьей-то добросовестности, да ещё в пении?!

Ну, пусть будет добросовестна! Очень хорошо с её стороны! Получит награду на том свете!

Но я-то, я-то зачем буду тащиться из дома, платить деньги, чтобы убедиться, что кто-то поёт:

— Добросовестно!

Ведь, это всё равно, что сказать мне:

— По Кузнецкому мосту идёт сейчас прилично одетая дама.

Вы думаете, что я побегу?

— Ах, как это интересно!

Кругликов писал всегда сочно, со вкусом, со смаком.

Снова переживал спектакль.

На ваших глазах лакомился, и у вас возбуждал аппетит.

В этом его большая заслуга перед театром.

Был ли он беспристрастен?

К чести его скажу:

— Нет.

Это евнухи беспристрастно проходят среди красавиц гарема.

Евнухи искусства могут быть вполне:

— Беспристрастны.

В Кругликове было слишком много желания любить, способности любить, чтобы он мог относиться «беспристрастно» к прелестям искусства.

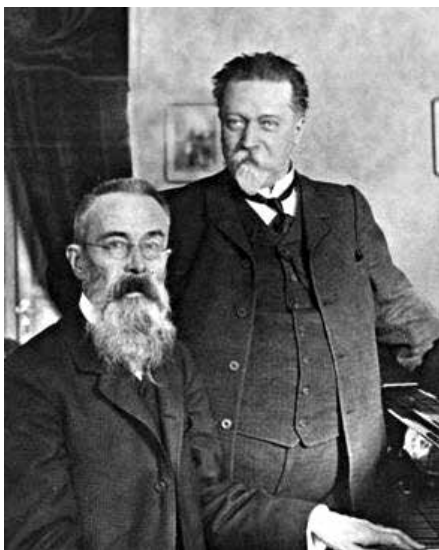
Он любил, а, следовательно, и ненавидел, чувствовал отвращение и увлекался, симпатизировал, презирал, испытывал беспричинную антипатию.

Чувствовал всю гамму ощущений.

Был пристрастен.

К тому, что ему нравилось. К тому, что ему не нравилось.

Мог почти замолчать новую оперу Рахманинова и, в то время, когда в Большом театре совершалось «событие», — мог

*Николай Андреевич
Римский-Корсаков
и Семен Николаевич
Кругликов. 1907 г.*

написать огромную статью о тысяча восьмисотом представлении «Травиаты» в опере Зимина!

В нём не было многих достоинств критика.

Были большие недостатки.

Но их искренность, смелость, с которой он их не скрывал, блестящая форма, в которой они выливались, — делали их очаровательными.

Не в одних женщинах пороки подчас бывают очаровательнее добродетелей!

О, боже! Одни добродетели!

Одна добросовестность! Одно беспристрастие! Одна осторожность!

Можно и Венеру Милосскую описать так:

— У неё правильное лицо. Грудь развита нормально. Дефектов в сложении не замечается. И, к сожалению, недостаёт рук.

Так тысячи критиков, добросовестных критиков, изо дня в день описывают спектакли, искусство, артистов.

Но кого интересует эта:

— Безрукая статуя?

Эта женщина:

— С нормально развитою грудью, лицом чистым, носом умеренным, подбородком обыкновенным?

Нет.

Восторгался ли Кругликов Венерой Милосской, или бранил её, — но он судил её как дон Жуан, а не Лепорелло.

И в этом был секрет его обаяния на публику.

Он писал с улыбкой.

Не был ни забиякой, ни бретёром.

Но если вызывали, — был не прочь:

— Скрестить перья.

И фехтовал пером хорошо.

Моя первая встреча с ним была полемическая.

Мы не убили друг друга.

Но кольнули.

И я через много лет с удовольствием вспоминаю об этой «встрече», как о встрече с противником, с которым скрестить оружие — и честь, и большое удовольствие.

Это было давно!

Когда в Москве гремели «Новости Дня»¹.

Тогда и я был юн, и Кругликов не служил ещё «ради места» в директорах какого-то синодального хора, и Липскеров не держал ещё скаковой конюшни.

Тогда, когда в Москве было лучше, и солнце светило ярче, и женщины на свете были красивее.

— И фунты были больше! — как вспоминают о своей молодости бабушки.

Лентовский держал зимой оперу.

Которой, кроме рецензентов, никто не посещал.

В «Сельской чести» выступила какая-то дебютантка.

Фамилии её теперь не помню, но глаза помню.

Это была именно такая головка, какую Нерон приказал отрубить и подать себе «отдельно», на блюде.

— Всё остальное её только портит.

Совершенство.

И глаза. Какие глаза!

Мне показалось, что она поёт, как Патти. Играет, как Дузе.

И я добросовестно написал всё, что, действительно, чувствовал, в газете.

— Патти, Дузе и Венера.

На следующей день должна была идти с нею «Кармен».

Когда, без пяти восемь, я явился в театр, Лентовский встретил меня в ужасе:

— Что вы наделали?!

— Именно?

— Да знаете ли вы, что сегодня к двум часам не было ни одного билета?! У театра появились барышники! Барышники, про которых я позабыл даже, как они выглядят! Театр будет переполнен! Предлагают по десяти рублей за приставное место!

И всё это с отчаянием!

— Но вам-то чего же так огорчаться?!

¹ В. М. Дорошевич, после дебютов в юмористических журналах, стал фельетонистом «Новости Дня», которым создал успех ежедневными фельетонами, под заголовком «День за день».

— Да поймите вы, что она, оказывается, не знает даже партии! Всё, что она знает в своей жизни, это — только Сантуцца в «Сельской чести». Она — не певица!

— Ах, чёрт возьми!

Действительно, неприятно.

— Пусть заболит. Отменить спектакль.

— Хорошо говорить! В два все билеты были проданы. А в пять минут третьего все деньги взяты кредиторами!

В этот вечер фонды театральной критики не высоко стояли у публики.

Как провалилась моя богиня!

В жизни не видывал, чтоб кто-нибудь, когда-нибудь, в чём-нибудь так провалился!

Нет, это что! Но как ругалась публика!

А на следующий день я прочёл в той же самой газете, где я сотрудничал, строки Кругликова:

— Мой молодой собрат так увлёкся глазами и т. д., и т. д., и т. д.

Моё полное невежество в музыке!

Не мог же я, — тогда! — оставить этого без ответа.

И в той же газете, на другой день, я отвечал «ударом на удар».

— Мой собрат средних лет напрасно так свысока говорит о глазах. Прекрасные глаза выше музыки. Как причина выше следствия. Если бы не было на свете прекрасных глаз, в честь кого звучала бы ваша музыка? Если бы не было на свете прекрасных глаз, не было бы ни музыки, ни песней. Ни педантов музыки и т. д., и т. д., и т. д.

Я застал в редакции записку:

— «Желаю вам как можно дольше сохранить способность восторгаться красивыми глазами. Быть может, в жизни это самое главное... С. Кругликов».

А через несколько дней мы познакомились лично.

— Да вы с ней хоть знакомы?

— Нет.

Он расхохотался.

— Зибель!¹

— Петроний!

Мы встретились с Семёном Николаевичем в последний раз прошлой весной².

Для дружеского и литературного разговора, мы «дали себе свидание», — как выразился он, сговариваясь по телефону, — за завтраком в «Эрмитаже».

Он был уже «нехорош».

— Я теперь должен всего беречься.

Мы не сели на террасе:

— Воздух!

Но сели у открытого окна:

— Знаете, всё-таки воздух!

Карточку завтрака он прочёл с интересом, но с грустью:

— Я теперь на строжайшей диете!

Метрдотеля продержал у стола долго.

— Осетрина. Мне, собственно говоря, запрещено Но как приготовлено? Ах, так! Ну, тогда... Мне запрещено, но...

— Почки на чёрной сковородке. Да ещё с костяным мозгом?! Мне именно запрещено. Но...

От вина отказался.

— Мне всякое вино запрещено, но...

Стакан пододвинул.

— Это хорошее вино.

Кофе ему было:

— Совсем нельзя.

Но...

— А уж коньяку ни-ни.

Но марка и год были соблазнительны.

— Но...

Нам обоим было грустно.

Мне — за него, ему — за себя.

Он с иронией, подёрнутой печалью, рассказывал о своём «казённом месте».

— Я теперь «ваше превосходительство»! Да-с.

¹ Зибель — пылкий влюбленный (персонаж оперы «Фауст»)

² 1909 г. (примечание автора).

Рассказывал, как он устраивал «для архиереев» полуспектакль, полуцерковное торжество — «Пещное действо».

И со скукой добавлял:

— Это, знаете, очень, — это очень интересно.

Страшно любивший Европу и её культуру, шутил над собой, что принуждён поехать в этом году не куда-нибудь за границу, а на Кавказ.

— Вместо какой-нибудь кельнерши в этом гофренном переднике, — армяшки! Вы понимаете, армяшки!

И в этой шутке слышалась «времени непоправимая обида».

Позавтракав среди грустных шуток, мы разошлись в разные стороны.

Пожав друг другу руку. В последний раз.

Нам было не по дороге.

Ему в синодальное училище.

Мне в редакцию.

Пока ещё в редакцию.

Интересная фигура милой «старой Москвы» ушла из жизни...

Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922), русский журналист, публицист, театральный критик, один из известных фельетонистов конца XIX–начала XX века. Сборник «Старая театральная Москва» составлен из статей В. М. Дорошевича, написанных им в период 1903—1916 гг.

ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА КРУГЛИКОВА

*И. Королев. Портрет
Е. С. Кругликовой. 1940.*

БЮИГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

*С. П. Фортинский*¹

19 января (1 февраля) 1865 года в Петербурге в семье подполковника С. Н. Кругликова родилась дочь Елизавета. Род Кругликовых был военный. Двадцать его представителей участвовали в войнах, которые вела Россия в XIX веке. Но не только этим примечательна родословная художницы. Гораздо интереснее то, что мы имеем возможность проследить художественные способности семьи Кругликовых на протяжении почти полутора столетий.

Дед художницы, Николай Александрович Кругликов (1788—1868), был превосходным рисовальщиком-самоучкой и силуэтистом. До наших дней дошло довольно большое число портретов родных и знакомых, рисованных им карандашом или черной тушью. Искусство силуэта, вырезанного из черной бумаги, имевшее столь широкое распространение в XVIII веке и понемногу сходившее на нет к середине XIX века, особенно его увлекало².

Отец художницы, Сергей Николаевич Кругликов (1832—1910), кадровый военный, хотя не имел специального художественного образования, весьма неплохо владел карандашом и кистью. Сохранились его акварели с изображением разных мест Петербурга. Братья Николая Александровича — деда художницы — также хорошо рисовали.

Родная сестра художницы, Мария Сергеевна (1871—1941), превосходно делала небольшие скульптуры-куклы, изображая в них характерные типы. Эти куклы имели успех на Брюссельской выставке прикладного искусства в конце 1920-х годов и на первой ленинградской выставке работ художников кукольных театров в 1936 году.

Но из всей семьи только Елизавете Сергеевне Кругликовой было суждено стать художником-профессионалом.

Раннее детство Елизаветы Сергеевны прошло в Петербурге, затем в Омске, где служил ее отец. Гимназию будущая

¹ Из сборника «Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество.» Ленинград, 1969. (далее [ЕК69]).

² См. силуэты Н. А. Кругликова стр. 93-94 и часть 1.

художница окончила в Москве. Именно там и зародилась у Елизаветы Сергеевны любовь к рисованию. Начальные навыки дал ей гимназический учитель рисования Н. А. Мартынов. Сама художница считала своим первым учителем А. А. Агина, так как еще в раннем детстве любила рассматривать и копировать его рисунки. В те же ученические годы большое влияние на развитие художественного вкуса Елизаветы Сергеевны оказал художник Я. С. Башилов. В Полтаве, куда в 1880-х годах был переведен по службе отец, она встречалась с местными передвижниками — Г. Г. Мясоедовым, Л. В. Позеном, что углубило и расширило ее интерес к изобразительному искусству.

В 1890 году Елизавета Сергеевна поступила вольнослушательницей в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где застала еще И. М. Прянишникова, работала под его руководством, училась у С. А. Коровина, К. А. Савицкого и А. Е. Архипова. В 1893 году работы художницы впервые были показаны на XVI ученической выставке картин.

В 1895 году Елизавета Сергеевна приехала в Париж, побывав до этого в Греции. Парижу и Франции было суждено сыграть огромную роль в творческом развитии художницы. В 1900 году Елизавета Сергеевна обосновалась в собственной парижской мастерской на улице Буассонад, 17, где жила и работала до 1914 года, ежегодно приезжая в Россию на несколько месяцев. Постепенно мастерская Кругликовой превратилась в центр, где собирались русские в Париже. Не говоря о молодых художниках, считавших своим долгом побывать у Кругликовой, посетителями ее мастерской были ученые, писатели, поэты. У нее бывали Мечников и Максим Ковалевский, Плеханов и Бехтерев, Алексей Николаевич Толстой, Бальмонт, Валерий Брюсов и Андрей Белый, Дягилев и многие другие.

Елизавета Сергеевна проявляла много энергии и энтузиазма в организации выставок, она помогала в продаже картин начинающих художников, в приискании им заработка. Скульптор Голубкина, учившаяся у Родена, тяжело заболела в Париже. Елизавета Сергеевна приняла большое участие в ее судьбе, помогла уехать в Россию. Они навсегда остались друзьями.

Множеству русских, приезжавших в Париж, Елизавета Сергеевна оказывала посильную помощь в организации их жизни и

быта. 21 января 1907 года она писала брату в Россию: "У меня все приезжие, теперь Малявин с семьей. Я вот ищу им *atelier*". Или 26 марта 1913 года: "Вчера приехал Ал. Никол. [Толстой]. Я его встретила на вокзале и водворила в пансион *Jeanne*. Сейчас водила графа к моему портному". И так из года в год, из месяца в месяц. Кругликова охотно предоставляла свой станок и свою мастерскую другим художникам. Во время ее ежегодных поездок в Россию мастерская не пустовала. И. Г. Эренбург рассказывал пишущему эти строки, что он никогда не встречал Кругликову, но бывал в ее мастерской у М. А. Волошина, которому художница оставляла мастерскую на время своего отъезда из Парижа. Художник Б. Н. Матвеев писал матери 11 августа 1906 года: "Кругликова уехала в деревню и имела любезность оставить мне свою мастерскую для занятий офортами, так как у нее пресс чудный".

Мастерская Кругликовой играла для многих русских, живших в Париже, роль клуба, где обсуждались не только вопросы искусства и литературы, но читались иногда и научные доклады. Так, известно, что Мечников сделал в мастерской Кругликовой доклад о радиации.

В мастерской между делом развлекались, шутили, музицировали. "Бываю у Кругликовой, — писал 22 мая 1904 года Б. Н. Матвеев. — Вчера играл с ней в четыре руки Фауста и Шумана". А двумя годами раньше, 30 марта 1902 года, он же рассказывал: "Был на вечере у Кругликовой. Там было много народа: компания французов, в которой участвовал и я, устроили шарады в лицах. Было слово "Волошин" — *Vol-oh-chin*. А целое, то есть самого Волошина, представлял я, загримировавшись очень удачно: я сопел, как он, и читал его стихи".

Елизавета Сергеевна чутко реагировала на события общественной жизни. 20 октября 1905 года она писала из Москвы брату в Петербург: "Товарищ, брат и гражданин! Сегодня Москва торжественно хоронит павшего вождя освобождения Н. Баумана. 300 000-ная толпа в полном порядке шествует через всю Москву". Когда в 1905 году царскими войсками было разгромлено училище И. Фидлера в Москве, директор и педагоги были вынуждены эмигрировать во Францию и под Парижем создали русскую гимназию. Елизавета Сергеевна оказалась

полезной как своими советами, так и связями и знакомствами. Когда разразилась империалистическая война, Кругликова доход от издания альбома "Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой" целиком отдала на нужды русских художников и их семей, застигнутых в Париже войной.

Кругликова относилась с интересом ко всем видам искусства. Унаследовав от матери, ученицы Гензельта, любовь к музыке, она с увлечением играла на рояле и не пропускала ни одного интересного концерта в Париже. Она увлекалась и театром, была частой посетительницей дягилевского балета в Париже в 1906 — 1909 годах. Елизавета Сергеевна участвовала в съемках кинофабрикой де Форбервиля кинокартины "Русская свадьба", исполняя в ней роль матери невесты. Она же была и автором костюмов. К съемкам широко привлекались русские молодые художники, получавшие возможность на заработок от этой работы покупать краски, а зачастую и предметы первой необходимости. В письме к брату 17 июня 1909 года Елизавета Сергеевна писала: "Вчера, наконец, состоялось наше представление перед синемаграфом с участием любителей и 8 танцоров из балета. Изображали мы малороссийскую свадьбу. Было очень весело, но и утомительно, так как пришлось всех одевать. Костюмы вышли удачные".

Кругликова много путешествовала. Она очень любила поездки в Бретань, неоднократно бывала в Италии, путешествовала по Испании и даже совершила путешествие (наполовину пешеходное) в Андорру.

Начиная с 1902 года Елизавета Сергеевна посылала корреспонденции в Россию. Она писала о парижских выставках, о новостях русского искусства за границей. Писала интересные путевые заметки, в частности о своем путешествии в Андорру — страну малоизвестную в Европе и совершенно неизвестную в России. Ее корреспонденции, сопровождавшиеся рисунками, были живыми, интересными, остроумными, их время от времени печатали русские газеты и журналы.

В 1904 году художница вошла во французское "Общество оригинальной гравюры в красках".

С 1909 года Кругликова преподавала офорт в парижской академии "Ла Палетт".

В 1914 году в киевском журнале "Искусство в Южной России" появилась статья Кругликовой "Художественная гравюра и техника офорта и монотипии". По словам автора, в написании статьи ей помог хранитель Румянцевского музея в Москве Николай Ильич Романов.

В начале лета 1914 года Елизавета Сергеевна приехала в Россию, предполагая, как обычно, возвратиться затем в свою парижскую мастерскую. Но началась империалистическая война. Позднее, летом 1923 года, в письме к А.Н.Бенуа художница просила узнать, что случилось с ее мастерской, станком, картинами, досками. Ответ был неутешительным: все пропало.

По счастью, ряд парижских работ был привезен ею на родину, что дало возможность издать в 1916 году книгу "Париж накануне войны" с воспроизведениями монотипий и силуэтов Е. С. Кругликовой.

Революционные события застали Кругликову в Петрограде. Она неоднократно бывала в Таврическом дворце, делала зарисовки. С 1922 по 1929 год Елизавета Сергеевна была профессором полиграфического факультета Академии художеств в Петрограде — Ленинграде, где руководила обучением технике офорта.

В 1930 году полиграфический факультет был ликвидирован, Елизавета Сергеевна продолжала работать с учениками в кружке при Академии художеств. Позднее ей удалось организовать при Ленинградском Доме санитарной культуры графическую мастерскую с офортным станком. В 1934 году на базе этого оборудования было начато восстановление графической мастерской в Академии художеств. Таким образом, именно Елизавета Сергеевна как бы сохранила офортную мастерскую и ее кадры для Академии художеств.

Квартира Елизаветы Сергеевны привлекала литераторов и работников искусств не только Ленинграда, но и Москвы и других городов. Ее друзьями и частыми посетителями были артистка Александринского театра Корчагина-Александровская, искусствовед профессор А. А. Сидоров и многие другие. Обаятельная собеседница, Кругликова охотно и увлекательно рассказывала о своих многочисленных путешествиях, о Париже, который очень

любила, о интересных людях, которых встречала на протяжении своей долгой жизни.

Елизавета Сергеевна могла с удовлетворением сказать: "Я стремилась внушать людям любовь к офорту, и, кажется, мало кто не интересуется этим теперь".

В апреле 1934 года исполнилось сорок лет творческой и двадцать пять лет педагогической деятельности Елизаветы Сергеевны Кругликовой. В Ленинградском Доме художника состоялось торжественное заседание, посвященное ее творчеству, а в Государственном Русском музее открылась юбилейная выставка работ Е. С. Кругликовой и работ ее учеников. Газеты "Ленинградская правда" и "Смена" отметили эту юбилейную дату в творчестве художницы. Друзья, ученики и почитатели таланта Елизаветы Сергеевны тепло приветствовали ее.

1 февраля 1935 года друзья художницы отметили ее семидесятилетие. Полная жизненных сил и творческой энергии, Кругликова не мирилась со своими годами и была молодой душой. На поздравление Эрика Федоровича Голлербаха она ответила таким экспромтом:

*Напоминанье о годах,
Прожитых мной на этом свете,
Пропел мне милый Голлербах.
А я скажу ему в ответе,
Что не знаком мне смерти страх.
Душа моя еще в расцвете,
И песня счастья на устах.
Рука тверда. Прошу: поверьте,
Не видно дрожи на чертах
В моих офортах, в силуэте,
Иль слепоты при ярком свете,
Иль дисгармонии в цветах.*

И здесь не было преувеличения. Живая, энергичная, полная сил и стремлений, постоянно молодая в своем искусстве, Елизавета Сергеевна продолжала служить искусству до самой своей кончины.

*М. В. Нестеров. Портрет
Е. С. Кругликовой. 1938 г.*

*М. В. Нестеров. Портрет
Е. С. Кругликовой. 1939 г.*

В 1938–1939 годах Михаил Васильевич Нестеров написал два портрета Кругликовой. Наиболее характерен первый из них, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Художница изображена у рояля, на котором стоит бокал с розой. Изящество фигуры, своеобразная голова с крупными чертами лица, привычная для художницы манера держаться — все придает портрету большое сходство с оригиналом. Нестеров писал оба портрета с большим увлечением.

В 1940 году в Ленинграде отметили семидесятипятилетие художницы. Ее чествование было устроено Ленинградским Союзом советских художников и Государственным Русским музеем. Ленинградский Дом искусств имени К.С.Станиславского организовал две встречи с Кругликовой; художница делилась воспоминаниями о пройденном пути и о своем пятидесятилетнем служении искусству.

В мае-июне 1941 года Елизавета Сергеевна посетила в Москве М. В. Нестерова. Они проектировали осенью того же года организовать выставку бывших художников "Мира искусства", но разразилась война, а через месяц после ее начала, 21 июля 1941 года, Е. С. Кругликова скончалась.

Ее друг художница А. П. Остроумова-Лебедева так описывает похороны¹: «Умерла известный художник Елизавета Сергеевна Кругликова — мой друг дорогой и вер-

¹ А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки. Т.3. М., Изд-во Академии художеств СССР, 1951, стр. 133.

ный. Какая для меня потеря! 22 июля мы хоронили ее на Волковом кладбище. Собралось много народа. Говорили прощальные слова В. П. Белкин, А. А. Брянцев и другие. И вдруг раздалась воздушная тревога. И было так странно: открытый гроб с покойницей, освещенный заходящим солнцем. Вокруг большая группа народа. Кругом зелено, ярко. Прозрачное небо. И надо всем этим завывание сирен и тревожные, громкие гудки заводов и фабрик. Над головой шум моторов летающих самолетов. Было грустно и тяжело».

Кругликова оставила огромное художественное наследие и богатый личный архив, к сожалению, погибший во время блокады Ленинграда. Высокие душевные качества, талантливость и обаятельность Елизаветы Сергеевны Кругликовой сделали незабываемым ее светлый образ для всех тех, кому посчастливилось быть с ней знакомым.

*Автопортрет. Конец 1890-х. Акварель, белила,
черный карандаш. 16 × 12.5.*

О Е. С. Кругликовой

*Н. С. Сошальская*¹

Рисование в семье Кругликовых было в большом почете. Все рисовали, и никого не удивляло пристрастие детей к этого рода занятиям; наибольший интерес и любовь проявляла старшая дочь Елизавета.

Забившись в дальний угол и притаившись как мышка, она часами могла сидеть и выводить на бумаге контуры облаков, деревьев. Постепенно сюжетом становился весь окружающий ее мир.

Но не только тишина и уединение привлекали ее сюда. Время от времени происходило здесь необыкновенное: то приходили люди в диковинных костюмах, размахивали руками, долго и громко говорили, то пела скрипка, звучало пение. Шли репетиции к домашним спектаклям и концертам.

Душой и организатором их была мать художницы, Ольга Юльевна Кругликова. Прекрасная музыкантша, она исполняла все фортепьянные партии. Музыки в доме было много, музыки хорошей, настоящей. Было время, когда девочка колебалась: что выбрать? Музыку? Живопись? Остановилась на втором.

Судьбу решил А. А. Агин своими иллюстрациями к «Мертвым душам». Открылся новый мир. Все это происходило в Омске, а было ей около семи-восьми лет от роду.

Позднее начались занятия в Полтаве, потом в Москве, потом захотелось большего.

О Париже разговора еще не было, а на поездку в Грецию для ознакомления с памятниками старины будущая художница с трудом, но все же получила разрешение родителей.

И вот она в Одессе. По неопытности и не имея с кем посоветоваться, она садится на какое-то судно, по-видимому транспортное, куда пассажиров брали, не предоставляя им никаких удобств. Публика оказалась весьма сомнительной. Старый капитан заметил растерянность Елизаветы Сергеевны, понял ее страхи и взял под свое покровительство. Она всегда с

¹ Наталья Сергеевна Сошальская, племянница Е. С. Кругликовой..

благодарностью вспоминала о его заботах и чисто отеческом отношении. Этому же капитану она была обязана своей поездкой в Париж: он помог устроиться на судне, доставившем ее в Марсель.

В душе она мечтала о такой поездке, но говорить об этом в Москве не могла. Заранее обдуманного обмана не было, просто соблазн оказался слишком велик. Пришлось поставить родителей перед совершившимся фактом, а родителям пришлось примириться. Важно то, что она в Париже, она счастлива...

Но не легко дается счастье! Сколько сил, сколько труда надо было вложить, чтобы пробить себе дорогу к искусству. То, что было приобретено раньше, оказалось недостаточным, надо было почти все начинать сначала; но это не испугало, не остановило. Идут годы упорного труда. Наконец, самостоятельное лицо в искусстве, участие в выставках, успех. Казалось бы, все достигнуто, но удовлетворения и успокоенности нет, цель кажется все такой же далекой и недостижимой.

Обо всем этом я узнала много лет спустя, частью от самой Елизаветы Сергеевны, частью же от ее младших сестер...

Итак, Париж стал ее домом: было свое ателье, светлое, просторное, правда, мало комфортабельное, но в нем было самое главное — условия для работы. Большущее окно, обращенное на север, печатный станок, рабочие столы, шкаф для хранения бумаги и папок с рисунками. Все остальное было очень примитивным: вместо диванов — топчаны, столы, стулья, табуретки кустарного производства и весьма неказистые; среди комнаты круглая железная печь с трубой.

Мастерская Круликовой в Париже. Фото М. Волошина [Куп]

Обживалась комната медленно. Уют создавался вкусом и пониманием, но не деньгами, которых на это не хватало и вообще было мало.

Чем дальше, тем привлекательнее становилось жилище: топчаны покрылись пестрыми тканями с экзотическими рисунками; на столах вместо скатертей появились русские шерстяные платки с кистями, ярких расцветок; на стенах — картины, всюду цветы в горшках, в вазах, стаканах. Стало совсем хорошо. По утрам являлась прислуга, приносила уголь, растапливала печку, наводила чистоту и порядок, и, когда после завтрака из кафе возвращалась хозяйка, можно было спокойно садиться за работу.

Позднее приходили ученики, с которыми она занималась вплоть до обеда. Никто не смел нарушать распорядок дня. Для друзей и знакомых был вечер. Собирались в том же ателье или в зависимости от настроения и состояния финансов отправлялись в ближайший кабачок посмотреть и послушать, как отдыхают и веселятся французы. Иногда и сами танцевали, дурачились, но больше наблюдали и зарисовывали Париж.

Беспорядок вносили приезжие русские: они как снег сваливались на голову. Одному требовалось помещение, другого надо было с кем-то свести, познакомить, третьему показать город, четвертому подыскать работу. На все это уходило время, было досадно, но отказать было невозможно. Так в труде и заботах налаживалась жизнь в Париже.

Но не одним трудом и заботами было занято время, его хватало и на отдых и на развлечения, главным из которых были путешествия. Францию она изъездила вдоль и поперек: жила в Бретани и Нормандии, побывала в Гаскони и Провансе, не говоря об окрестностях Парижа, ближних и дальних. По Испании она путешествовала пешком. В Италии, на островах Сардинии и Корсике побывала не раз. В Австрии и Германии она, правда, ограничилась Веной и Берлином. Лондон она тоже повидала, а Грецию, то есть Афины и Микены, она знала по своему первому выезду за границу.

Война 1914 года застала Елизавету Сергеевну в России, куда она приехала, как обычно, с одним чемоданчиком.

Москва была охвачена порывом патриотизма; решительно все стремились что-то сделать, чем-то помочь. Дамы, занятые до тех пор туалетами, с энтузиазмом выполняли самую тяжелую,

Мастерская Кругликовой в Париже. Фото Волошина [Куп]

самую грязную работу в лазаретах. Елизавета Сергеевна не отставала. В каких только комитетах она ни состояла, в каких мероприятиях ни участвовала!

С благотворительной целью устраивались концерты, лекции, выставки, шилось белье, вязались теплые вещи, упаковывались подарки на фронт. Везде она попевала.

На следующий год многое изменилось, упало настроение, прошел пыл, в победе начали сомневаться. Началось нечто вроде «пира во время чумы». Никогда так не веселилась Москва. С фронта на побывку стали приезжать офицеры; после окопов, после ужасов войны всем хотелось радости, тепла, рассуждали: «Хоть день, да мой!»

Вокруг Елизаветы Сергеевны стало группироваться самое разнообразное общество: незначительное количество старых, испытанных друзей, несколько художников, фамилий которых теперь не помню, а остальные — случайные, ничем не связанные с нею люди: писатели, поэты со своими поклонниками, художники-футуристы, художники-нефутуристы, меценатствующие московские толстосумы. Была попытка создать в Москве то, что было утрачено в Париже, но из этого ничего не вышло. Собирались, читали свои произведения, восхищались друг другом, делали вид, что всем очень весело. Со стороны было видно, что все это не то, что нет в этом правды. Елизавета Сергеевна вскорости в этом убедилась и в 1916 году окончательно переселилась к брату в Петроград.

Здесь нашлось для нее настоящее дело — издание книги «Париж накануне войны». Как известно, все вырученные за издание деньги были отправлены в Париж в помощь художникам и их семьям, задержанным там войной.

Здесь же, в Петрограде, она стала возвращаться к своему искусству. Начались поиски станка. Бумагу и краски с трудом можно еще было достать. Впоследствии жизнь заставила пользоваться чем попало, вплоть до оберточной бумаги.

В годы войны самое значительное место в творчестве Елизаветы Сергеевны занял силуэт. Одной из причин увлечения было то, что для этой работы требуются минимальные средства и орудия труда: нужна лишь черная бумага и маникюрные ножницы....

С. П. Яремич. Париж в отражении русской художницы¹

В жизни русской артистической колонии Парижа последних пятнадцати лет наиболее видная роль, вне всякого сомнения, принадлежит художнице Е. С. Кругликовой. Едва ли кто-либо из людей, причастных с какой-либо стороны к художественному миру, посещавших Париж в период времени между всемирной выставкой 1900 года и кончая первым полугодием 1914 года, не побывал хоть мельком на пестрых собраниях в ателье художницы на rue Boissonade. Можно не посетить каткомбы, можно воздержаться от подъема на Эйфелеву башню, даже *Opera* и *Theatre français* не обязательны, но сюда влечет каждого интересующегося искусством и художественной стороной быта.

Ателье Кругликовой ютится в тихом, чистеньком дворике у самого входа в тупик, который со временем должен образовать улицу, соединяющую бульвар *Raspail* с бульваром *Montparnasse*, но для этого должна быть отрезана часть сада, принадлежащего женскому монастырю, а пока улица все еще остается тупиком. В двух шагах отсюда *Lion de Belfort*, обсерватория и одно из красивейших мест Парижа — *Carrefour del'Observatoire* с чуднейшим фонтаном Карпо и видом на Люксембургский дворец и далекий Монмартр. В окружности находится улица *Campagne Première*, битком набитая маленькими ателье для художников, живописнейший рынок *rue del a Gaieté* — улица маленьких театров, балов и подозрительных кабачков, вечно оживленная, людная и вполне оправдывающая свое название. Короче сказать, это та своеобразная часть города, которую особенно любят русские и наружный облик которой так мастерски запечатлен в романах Гюисманса.

И вот в сумерки длинного зимнего сезона, когда работа дня окончена и товарищи сходятся друг к другу, чтобы поболтать и выкурить трубку, ателье Кругликовой начинает наполняться народом. И кого только здесь в такой час не представляется возможным встретить! Почти каждый день новая смена лиц,

¹ С. П. Яремич, Париж в отражении русской художницы. 1916 г. [ЕК69, стр. 75]

свежие пришельцы. И лишь при внимательном и довольно продолжительном наблюдении можно заметить, что дружеский круг хозяйки постоянен и прилив и отлив его не уносит.

Среди постоянных посетителей наиболее яркое впечатление производит типично русская фигура И. И. Мечникова. Общительный, прямой, он охотно выражает свои взгляды и наблюдения над окружающей жизнью, дает превосходные характеристики наших соотечественников, приезжающих за границу, делится попутно своими воспоминаниями о далеких «шестидесятых годах», и благодаря своей колоссальной памяти и своеобразному углу зрения в его рассказах события, нравы и люди того времени приобретают необыкновенную выпуклость.

Здесь же нередко читал свои стихи Бальмонт, а иногда поэт давал предпочтение беседе о дорогих его сердцу предметах. Муза М. Волошина нашла своих первых ценителей и поклонников на собраниях Кругликовой. Тут же очень часто слышались в спорах проникнутые тонкой иронией замечания Н. М. Минского. Русский язык постоянно сменяется журчанием французской речи, так как здесь довольно часто появлялись в разное время наряду с русскими знаменитостями Ромен Роллан, Поль Фор, Рене Гиль, Дени Рош, Шарль Герен и многие другие писатели и художники.

Но пусть не подумает читатель, что эти собрания носили какую-нибудь определенную окраску или преследовали какие-либо узкоспециальные цели. Собрания Кругликовой ничего общего не имеют с литературно-артистическим салоном И. П. Щукина, процветавшим в Париже в начале текущего столетия. Там посетители были строго процежены и имели доступ только такие лица, которые занимали определенное положение в обществе и являлись всегда с запасом важных политических, театральных, литературных и всяких других новостей, или же те из знакомых, которые были симпатичны самому хозяину дома.

Ничего подобного не наблюдается у Кругликовой. Наряду с светилами искусства и науки мелькают целые толпы молодежи — поэты, живописцы, ученые, актеры, певцы, музыканты, курсистки, а очень часто и обыкновенные туристы — все по

Ателье Кругликовой в Париже. Фото Волошина [Кул]

большей части народ, едва начинающий жить и поэтому нуждающийся в хорошем обществе и добром отношении к себе. И сотовой доле этих людей не суждено проявить в какой-либо специальности свои способности по той простой причине, что их у них мало, но независимо от своей талантливости всякий посетитель находит радушный прием, может рассчитывать на участливое отношение и в трудные моменты жизни может найти некоторую опору.

И сама хозяйка не задается целью привлекать знаменитостей во что бы то ни стало. Тайна ее популярности заключается не в том, что ее ателье посещается известными людьми, а в том, что она с большой сердечностью относится к самому незаметному и самому скромному пришельцу, помогает советом, указывает способы выхода из затруднительного положения, в которое так часто попадают люди, обладающие ограниченными средствами.

* * *

Елизавета Кругликова

Из воспоминаний о Максе Волошине¹

1901 год. Ранняя весна. Париж, ул. Буассонад, 17. Ателье Давиденко и Кругликовой. Позирует модель-итальянец. Работают Е. Н. Давиденко, Б. Н. Матвеев и я. Стук в дверь. “*Entrez!*” Стремительно появляется толстый юноша с львиной шевелюрой, в пенсне на широкой ленте и заявляет с изысканно-вежливым поклоном, что он имеет рекомендации со всех концов мира к Елизавете Сергеевне Кругликовой. — “Я Макс Волошин”. — “Милости просим”, — отвечаю я, прерывая работу. “Садитесь...” — “А можно и мне тоже порисовать? Я никогда не пробовал”. Даем ему мольберт и бумагу, и он, пыхтя, усердно принимается за рисунок. В перерыве вопрос: “Ну как?” Указываю ему ошибки... Он еще усерднее работает и все спрашивает: “А теперь уже хорошо?” К концу сеанса — дружба на всю жизнь.

С этого дня мы стали почти неразлучны. Прогулки по Парижу и его окрестностям. Музеи, выставки картин, театры, кафе, кабаре, фуары, рынки и т. п. Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки. Я нередко бранила его за выбор “кратчайших путей”, оказывавшихся самыми длинными. Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в *Halles Centrales*, то на Монмартр, то еще куда-нибудь, к восходу солнца. Очень скоро Макс становится центром моего круга знакомых, бесконечно увеличивая его. В мастерской появляются новые лица, русские и французские поэты и писатели — К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов, Алексей Н. Толстой, Аничков, Иван Странник, Гофман, Гумилев, Боборыкин, Ковалевский, Александр Мерсеро, Рене Гиль, <...> Ромен Роллан, Меродак и многие другие. Из художников в этот период постоянными посетителями бывали: Н. В. Досекин,

¹ Воспоминания Е. С. Кругликовой неоднократно публиковались в сборниках-воспоминаниях, посвященных Волошину. Сборник ЕК69 содержит несколько иной вариант описания данных событий.

Париж, ул. Буассонад, 17. Давиденко и Кругликова [Куп].

Б. Н. Матвеев, Шервашидзе, Александр Бенуа, Яремич, <...> Сабашникова, Тархов <...>

Часто посещали мы лекции русского университета (Мечников, Де-Роберти, Макс Ковалевский, Боборыкин, Аничков, Бальмонт и др.). При участии Макса созданся Русский артистический кружок в Париже.

В первое же лето Макс уговаривает нас совершить путешествие пешком в Испанию и посетить Балеарские острова (Майорку). Его необыкновенная энергия заставляет меня согласиться, несмотря на то, что я вовсе не люблю ни гор, ни пешего хождения. Появляются географические карты, Бедекеры, составляется маршрут. По системе Макса готовятся костюмы: какие-то необычайные кофты из непромокаемой материи с множеством карманов для альбомов, красок, кистей и карандашей, рюкзаки, сапоги на гвоздях, велосипедные шаровары, береты... Когда мы нарядились чучелами вроде Тартарена, то оказалось, что не только пешком нельзя двинуться, но в вагон едва влезешь. Отступать поздно. Билеты взяты... В поезде мы доехали до Тараскона. Когда прошли несколько километров, я легла на дорогу, говоря, что дальше не пойду. Макс взял мой рюкзак в зубы, так как сам был перегружен.

Так дотащились до границы, откуда все лишнее отправили в Париж. Компания наша состояла из Елизаветы Николаевны Давиденко, меня, Макса и художника Александра Алексеевича Киселева. Раннее утро. Впереди горы. Не веря “кратчайшим путям” Макса, я беру пастуха-проводника. Макс недоволен. Убегает вперед, не желая пользоваться им. “Сам лучше знаю, куда идти”. Догнали его на вершине. Спит на снегу. Далее спуск на собственных салазках. Встреча. Два подозрительных субъекта. Страшновато, да и они, видно, испугались. Остановились. Шепчут что-то на непонятном языке. Предлагают Максиму сигареты. Очевидно, контрабандисты. Мужчины наши некурящие — пришлось нам выкурить по сигаре. Благополучно разошлись.

Вторая ночевка была в каком-то сарае. Утром Макс уверял нас, будто его разбудил поцелуй коровы. Поздравили его с успехом... После полудня добрались до столицы Андорры. Крошечный городок республики. Макс сейчас же отыскал президента республики, хозяина кабачка, и привел его к нам в единственный

*Е. С. Кругликова. Портрет М. А. Волошина. 1903.
Мягкий лак, 30.5×24.*

auberge, где мы остановились. Каким образом Макс сумел договориться с ним — неизвестно, так как президент ни на каком европейском языке, кроме андорро-испанского жаргона, говорить не мог. Однако от Макса мы узнали, что республика живет доходами от контрабанды между Францией и Испанией, меняя быков на сигары. Смотрели на ратушу и гильотину, ни разу не действовавшую, но сохраняемую для устрашения. Политических партий две: одна за проведение дорог, другая — против. Жителей в республике 300 человек. Расположена она в узком ущелье гор. Воздух живой. Больниц и больных не имеется. Жаль, что наш общий дневник остался в Париже и пропал, конечно, со всем моим имуществом. В него мы должны были ежедневно по очереди вписывать или врисовывать впечатления дня путешествия. Макс начал его в первую же ночь стихотворением “В вагоне”. Мы вместе слушали, как “...стучит это: ти-та-та — та-та-та... ти-та-та...”. Его описание Андорры с моими рисунками было напечатано в каком-то петербургском или московском журнале.

Пробыв в Андорре до следующего утра, тронулись дальше. Вот и граница Испании. Таможня. Макса увели куда-то. Возвращается слегка сконфуженный. Дело в том, что его толщина показалась подозрительной, и ему пришлось раздеться, чтобы доказать, что она природная, а не контрабандная. Мы заливались смехом вместе с Максом и спешили дальше. Но вот я увидела дилижанс и, несмотря на протесты Макса, уселась. Остальные последовали моему примеру, а Макс очень неохотно влезал на козлы. Допотопный дилижанс, вероятно, возил когда-то Жорж Санд и Шопена и героев А. Дюма и множество раз был описан в романах с разбойничьими приключениями. Запряжен он четырьмя длинноухими мулами, кучер с длинным кнутом потеснился, чтобы Макс его не раздавил. Дорога спускалась зигзагами с гор, и Макс сравнивал ее красоту с Кавказом, отдавая преимущество величине последнего.

Быстро домчали нас мулы до железнодорожной станции, а поезд — до Барселоны. Опять Макс вошел в роль гида, и пошли всякие курьезы... Никогда, ни с кем я так весело не путешествовала... Макс находил, что богатые люди ничего самого интересного не замечают: их водят по шаблону. Дорогие отели всюду на один лад, еда тоже. И он был прав!..

Когда я поступила в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, семья Кругликовых уже года два или три как приехала из Полтавы²; в семье было четыре дочери и сын (он уехал в Петербург).

Я познакомилась с Елизаветой Сергеевной очень оригинально. Это произошло в вагоне конки во время одной из нередких остановок; на Лубянской площади запрягали дополнительно двух лошадей, чтобы везти вагон в гору. Мы долго ждали конца этой процедуры. На полу вагона была набросана солома, для того чтобы не мерзли ноги. Вдруг раздается чей-то голос: одна из пассажирок принимается рассказывать нам о своих недавних приключениях — как у нее пропал багаж где-то на захолустных дорогах. Рассказ был интересен, пассажиры заслушались, и время прошло незаметно... Я познакомилась с рассказчицей и узнала, что это была Кругликова, которая училась вместе со мною в Школе живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой (теперь Кировская). Елизавета Сергеевна была на редкость общительна, всегда умела входить в положение человека, о себе она как-то и не думала. Ее всегда окружали люди, которым она старалась в той или иной форме оказать помощь. Я была необщительна и одинока, и Елизавета Сергеевна сразу приняла меня в свою компанию. Я стала бывать у нее. Жила семья на Арбате в небольшом деревянном доме рядом с теперешним кинотеатром. Там устраивались вечера, на которых рисовали многочисленных гостей, угощались домашними угощениями из имения Кругликовых Чегодаево Тульской губернии — какими-то смоквами, вареньями, солеными грибами и т. п. Меня пленяли эти веселые сборища. Я бывала с ней и в театре, куда водил нас ее двоюродный брат Сеня Кругликов³ (впоследствии известный музыкальный критик). Так мы были на первом представлении «Князя Игоря» Бородина.

...Кругликова под влиянием Гогена резко переменила свою манеру живописи, и в Москве на выставках мы видели ее живопись, резко отличающуюся от ее прежней. Отец даже лишил ее денежной поддержки, так ему не нравилась ее новая манера. Трудно ей было жить в Париже без помощи отца, она тогда ничего не зарабатывала, но ей оказал поддержку брат, инженер путей сообщения, живший в Петербурге...

¹ ЕК69, стр. 71

² Семья часто совершала переезды в связи со службой отца.

³ Семён Николаевич Кругликов, см. стр. 6.

Елизавета Кругликова.

Рождение монотипий "Париж накануне войны"

В 1909 году при работе на театральные темы мне не хватало времени, чтобы делать офорты, и вот я нечаянно сделала монотипию, не зная даже, что это именно монотипия! Оказалось, что можно печатать без травления. Таким образом я запечатлела много сцен из балета. И я так вошла во вкус этой новой своей манеры, что делала по несколько монотипий в день; иногда работала ночью, иногда рано утром. И никто не поверит, что я так рано вставала! А сюжеты все нагромождались, и я едва с ума не сошла от этих монотипий.

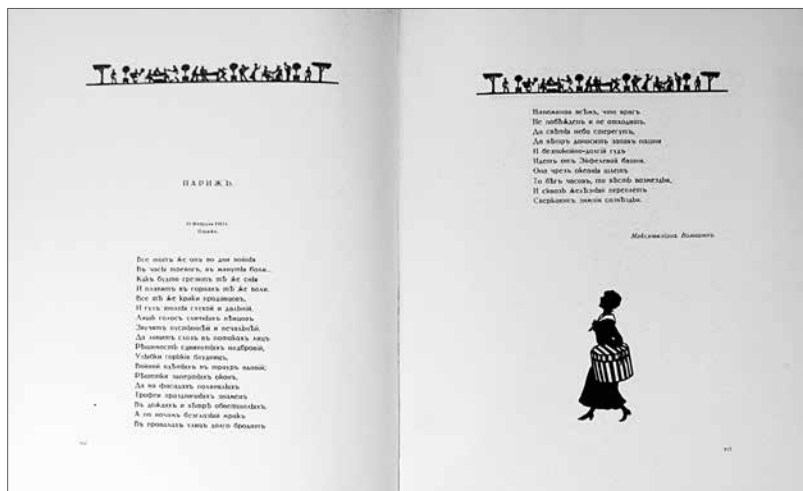
Прибыв в Петербург, я показала свои работы А. Н. Бенуа, Добужинскому, Лукомскому. Последний — человек практичный, сказал мне: «Вам нужно их издать, иначе уники пропадут».

Я никогда не думала, что буду когда-либо в жизни что-нибудь издавать. Но идея запала, и А. Н. Бенуа поддержал. Он написал воззвание (дело было во время войны) о том, что русских много в Париже, что нужно им помочь вернуться на родину. И я издала свои работы в виде альбома¹.

«Хочу я в мимолетных штрихах запечатлеть последние, беззаботно-веселые моменты перед разразившейся так внезапно страшной войной», — написала Елизавета Кругликова в послесловии.

¹ Кругликова. Вечер встречи 1940 г. [ЕК69, стр. 52]

Советский историк искусства А. А. Сидоров считал «Париж накануне войны» одной из последних хороших книг дореволюционной книжной культуры. Все графическое убранство было выполнено в технике силуэта, в книге были воспроизведены в цвете 20 монотипий, сделанных художницей большей частью в июле 1914 года во Франции.

Н. М. Полунина, А. И. Фролов¹

В 1916 г. вышла книга Кругликовой "Париж накануне войны", построенная на монотипиях и силуэтах. Издание этой книги было задумано Елизаветой Сергеевной в помощь русским художникам, застигнутым первой мировой войной в Париже и бедствовавшим там. Сюда включено 20 монотипий. Литературную часть книги составили произведения видных поэтов и прозаиков "серебряного века". Уместно напомнить, что свои новые, еще нигде не публиковавшиеся произведения для этого издания дали Кругликовой К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин, Вячеслав Иванов, Ф. К. Сологуб, А. М. Ремизов, А. Н. Толстой. Несравненную красоту Парижа воспели не только поэты и прозаики, но и искусствоведы В. Курбатов и Г. Чулков в своих эссе. Предисловие к книге написал Александр Бенуа.

Ко всей литературной части книги, как иллюстрации к ним, помещены специально выполненные для этого издания силуэты Кругликовой. В книге — портреты авторов стихотворений

¹ Надежда Полунина, Александр Фролов. Приятнейшая тень. М.: 1997.

Ф. Сологуба, К. Бальмонта, В. Иванова. Но более всего в этой книге портретов А. Н. Толстого, М. А. Волошина и самой Елизаветы Кругликовой. Сценки с их изображениями сопровождают рассказ Толстого "14 июня. Шутливый рассказ"¹.

Алексей Николаевич, автор юмористического рассказа, повествует о том, как однажды они втроем отправились на прогулку по вечернему Парижу. Причем Елизавета Сергеевна вырядилась в мужской костюм, а Макс был на велосипеде.

¹ Париж накануне войны. 1916. С. 40.

Когда они оказались на одном из бульваров в танцующей толпе, их немедленно подхватил вихрь танца. И вскоре Кругликова кружила в танце милую даму в полосатой юбке, Макс оказался в паре с пышной блондинкой в белом платье, а Толстого подхватила сухоощавая девица, одетая вся в черное. Когда музыка стихла, дамы воскликнули: "Пить!" и потащили своих новых кавалеров в бар.

"У высокого прилавка, — писал в своем рассказе А. Н. Толстой, — хозяин бара круто подмигнул нам и щелкнул языком. Сразу стало ясно, что нужно требовать *cassis au marce*.

Наши дамы пили, как отравленные крысы и говорили про Китай."

Эта картинка и запечатлена на силуэте под названием "У стойки бара". Тут изображены (слева направо): А. Н. Толстой стоит у стойки бара, опершись локтем на стойку и держа в руке рюмку; за толстушкой в белом платье как будто в черной маске с прорезанными глазами — Максимилиан Волошин (дама его назвала китайцем); рядом с женщиной в полосатой юбке — сама Кругликова, наряженная в мужской костюм. В книге о Париже много сцен в кафе и барах. Эта — одна из лучших.

Зинаида Елгашина¹.

“День именин Максимилиана Александровича было решено отпраздновать постановкой спектакля «Контора ГГО». Возглавляла это дело компания Габричевских, но дело как-то не сладилось. Все ходили озабоченные, советовались с Максом. «Вот приедет Лиза», — спокойно повторял он. «Но Елизавете Сергеевне 61 год», — думал каждый из нас. Мы были молоды и сомневались в ней. Но Макс говорил: «Вот приедет Лиза...»

Приехала Елизавета Сергеевна. Веселая, оживленная, она сохраняла в своих действиях легкость и беспечность парижской богемы. И у нас сразу все вышло...”

Ей, в память об этом лете 1926 в Коктебеле и спектакле «Путями Макса или Саша-паша», где она исполнила роль американского туриста мистера Хью, Максимилиан Александрович посвятил стихотворение:

МИСТЕРУ ХЬЮ²

*Хорошо, когда мы духом юны,
Хоть полвека на земле цветем,
И дрожат серебряные струны
В волосах и в сердце молодым.*

*Мир любить, веселием согретый,
Вольных гор синеющий уют,
И чертить немые силуэты -
Беглый след несущихся минут.*

*Знать лишь то, что истинно и вечно,
Красотою мерить жизнь свою
И над жизнью танцевать беспечно,
Как изящный мистер Хью.*

9 сентября 1926

¹ Воспоминания о Максимилиане Волошине. Москва. "Советский писатель", 1990. Составление и комментарии В. П. Купченко, З. Д. Давыдова.

*Силуэт М. С. Волошиной
выполнен в Коктебеле
9 сентября 1926.
Оригинал хранится в
Доме-Музее Волошина.*

Надпись Кругликовой:

*“Маруся, дорогая!
Что ж делать,
если ты такая!”*

² З. Д. Давыдов и В. П. Купченко. Послания Максимилиана Волошина. "Наше наследие", 1989, No 1.

Э. Ф. Голлербах¹

Когда думаешь о Е. С. Кругликовой, невольно видишь рядом с ней ее друзей, слышишь их голоса, вновь переживаешь незабываемые встречи. Разве не оживают перед нами тени, контуры, профили, уловленные магическими ножницами силуэтистки? ... Художница обычно набрасывает контур силуэта на белой стороне черного листа бумаги и затем действует ножницами, достигая изумительной виртуозности в сложных композициях, требующих внимательного учета перспективных сокращений. Кругликова создала целую галерею силуэтов писателей, художников, артистов и музыкантов... Может быть, ее многие силуэты грешат уклоном в шарж, но... хороший портрет должен быть немного карикатурен. Зато у нее мы видим такую остроту характеристики, какую нельзя найти в законченных, более подробных, портретах.

Н. М. Полунина, А. И. Фролов²

Надо сказать, что Кругликова не относилась к категории художников-льстецов. Она вводила современников в свою "силуэтную галерею", достаточно правдиво передавая особенности их характера, их манеры держаться или общаться между собой. Нет-нет в ее работах мелькает едва уловимая "улыбка ножниц", не переходящая, впрочем в ядовитый сарказм...

Под каждый рисунок так и просится эпиграмма:

¹ Э. Ф. Голлербах. Искусство силуэта. М.:1922. Эскиз. [К69, стр. 84]

² Русский силуэт. В сб. Приятнейшая тень. М.: 1997.

*Серия силуэтов «Поэты», 1921.
М. Волошин, И. Северянин,
В. Иванов, К. Бальмонт,
В. Маяковский, А. Блок.*

А. А. Сидоров¹

Автор этих строк ее окрестил «очаровательной феей ножниц»... Она делала силуэты чудесно легко, с поражающей быстротой, легкостью и внимательностью. Не любила «кружев», мелкости и дробности вырезанных из бумаги работ, как в некоторых любительских силуэтах начала XIX века, слишком изысканных... Наблюдая ее работу ножницами, следя за подлинно замечательным ее умением схватывать сходство, давать в черном пятне бумаги как бы "сгусток" портретируемого человека, хотелось невольно спросить, откуда к ней пришло ее мастерство силуэтиста?"

¹ А. А. Сидоров. Памяти художницы-друга. [К69, стр. 90].

*Автопортрет
(силуэт). 1921 г.*

*Е. С. Кругликова. Автопортрет (силуэт). 1934 г.
Черная бумага, аппликация. 18×11,2.*

© Ярославский художественный музей, 2013.

Плакаты. Эскизы игральных карт. Середина 1920-х.

**ЖЕНЩИНА!
УЧИСЬ ГРАМОТЕ!**

**ЭХ, МАМАНЯ! БЫЛА
БЫ ТЫ ГРАМОТНОЙ,
ПОМОГЛА БЫ МНЕ!**

С. С. Перерве¹

Весь творческий путь Кругликовой сопровождало увлечение театром, начавшееся еще в юности художницы.

В 1920-е годы она принимала горячее участие в театральной жизни Ленинграда. В 1919—1927 годах Кругликова работала в Государственном театре марионеток. Она была не только одним из инициаторов создания этого театра, но и оформила несколько его постановок. По ее эскизам были оформлены «Вий» Н. В. Гоголя и сказка «По щучьему велению».

В 1924 году Кругликова сделала эскизы грима для спектакля «Обрыв» по роману И. А. Гончарова в Ленинградском театре академической драмы. В 1927 году она принимала участие в организации Ассоциации друзей кукольных театров.

¹ С. С. Перерве. Творческий путь Е. С. Кругликовой. [ЕК69, с.15]

◀ Ольга Николаевна Сошальская рассказывает, что к 70-летию Елизаветы Сергеевны была изготовлена вот эта марионетка. Она (и Елизавета Сергеевна за ширмой) произносила речь на юбилейном концерте.

Слева вверху: эскиз к спектаклю "Сказка про Емелю Дурака". Акварель. 18×25. 1927.

Елизавета Кругликова.

*Из письма П. Е. Корнилову. 20 сентября 1925 г. Ленинград*¹

Многоуважаемый Петр Евгеньевич, только что отправила Вам открытку, как получила Ваше письмо. Вы меня ставите в оч^{ень} затруднительное положение, прося написать Вам о себе. Я ужасно не люблю писать! В разговоре я, конечно, много могла бы дать сведений.

В Париж я поехала в первый раз в 1893 году. Занималась там в *Academie Vitty* живописью и гл^{авным} обр^{азом} рисунком. Профессора были: *Luc-Olivier Merson, Raphael Collin, Aman-Jean*. Наброски делала у Colarossi и очень много рисовала в альбомы в кафе, на улицах, на фуарах, в *cafe-concert*'ах, в театрах. Жила я в *atelier* на *rue de Gde Chaumiere*. Из русских товарищей по Моск^{овскому} уч^{илищу} в Париже были Борисов-Мусатов, кн. Шервашидзе, Холявин, Голубкина, Шевцова, Корзинкина, Тишин, Головин. С 1900 года я поселилась в *atelier* на *rue Boissonade* № 17, где жила до войны 1914 г. Из Парижа совершила неск^{олько} путешествий: в Испанию, в Италию, на о-ва Майорку и Корсику, в Бретань, Нормандию, Бельгию, Англию.

С 1903 года стала заниматься офортом, преимущественно цветным (акватинта) и *vernis-mou*. Выставляла свои работы в Салоне *des artistes Independants* и Осеннем. В 1907 году в *Galerie des Arts Décoratifs* устроил выставку моих гравюр *Mr Bramson*. Из Парижа я ежегодно приезжала на несколько месяцев в Россию в деревню Чегодаево Тул^{ьской} губ., Москву и Петербург. В первый период я главным образом писала маслом. Наброски делала углем, акварелью и пастельн^{ыми} карандашами. Потом увлеклась офортом, а с 1910 г. монотипией собств^{енного} изобретения и много делала цветов с натуры, а также пейзажей с этюдов и набросков. Один год, кажется 1909 или 10, преподавала офорт в *Academie «La Palette»*, а затем много художников занимались у меня в *atelier*. Из русских: Тиморев, Добров, Яковлева, Зиновьев, Акимова, Костенко, Белкин, Волошин, Лушников, Шамаков, Ефимов, Ефимова-Симонович, а также французы, англичане, американцы, венгерцы и др. В это

¹ [ЕК69, стр. 60.]

время никто в Париже не преподавал офорт, а между тем много было художников-офортистов, и вошел в моду цветной офорт. Акватинты я делала всегда на цинковых досках. Печатала не более двадцати пяти, тридцати экземпляров (на бумаге голландской или японской). Вот почему у меня не осталось оттисков, и так жаль, что, по всей вероятности, все доски за эти одиннадцать лет или пропали или испортились, если сохранялись в сыром помещении. Очень бы мне хотелось съездить в Париж не только ради удовольствия опять его увидеть, но и для поисков своих работ и имущества. Не из чего накопить денег на путешествие!

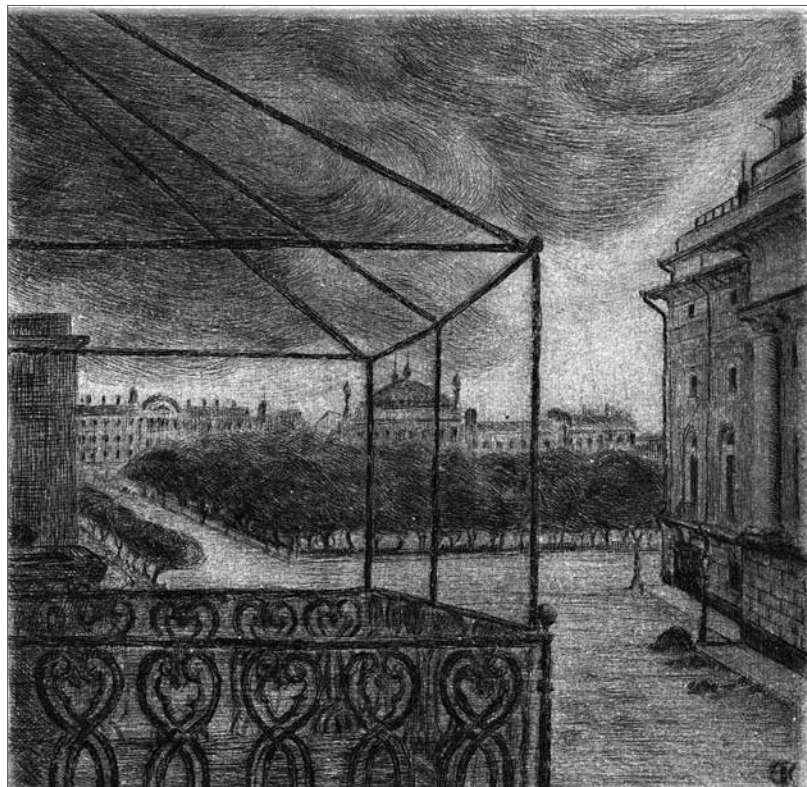
В этом году летом я до августа проторчала здесь, а затем 2 недели провела в Полт<авской> губ. и проездом в Москве по 4 дня туда и обратно. Ничего не наработала и не набралась сил на зиму. В дороге простудилась, так что чувствую себя неважно.

Ах да, я и забыла, Вы спрашиваете про силуэты? Я стала резать силуэты в 1914 году, случайно. Делала украшения для программ благотвор<ительного> концерта Игуменова (проф<ессора> Моск<овской> консерв<атории>) в пользу поляков. Так как концерт был из произведений Шопена, то я сделала несколько медальонов с силуэтом Шопена, и мне понравилось резать, и я стала делать портреты, а потом и вообще графику для «Парижа накануне войны». Способность эта, вероятно, наследственная, так как мой дедушка Николай Александрович Кругликов был хороший силуэтист. Его силуэты находятся в Моск<овском> Историч<еском> музее¹.

Автопортрет. 1934.

¹ См. иллюстрации стр. 93-94 и часть 1.

*Площадь Александринского театра¹. 1925 г. Сухая игла.
15,2×15,5 см. Частная коллекция.*

¹ Вид с балкона квартиры Е. С. Кругликовой.

П. Е. Корнилов

...Жила она против Александринского театра (ныне площадь Островского, дом 9, квартира 35). Комната была обширна и насыщена мебелью; остальные комнаты занимали родственники Елизаветы Сергеевны. В прихожей стоял офортный станок. По стенам комнаты висели ее живописные работы. Сидя на диване перед круглым столом, можно было с удовольствием слушать хозяйку...

Н. С. Кругликовъ

инженеръ путей сообщенія, помощникъ начальника работъ по постройкѣ южно- и сѣверно-уссурійскихъ жел. дорогъ, нынѣ членъ правленія Кит. Вост. жел. дор.

Николай Сергѣевичъ Кругликовъ. Автобіографія¹.

Заголовокъ поставленъ очень смущающій. Біографіи пишутся обыкновенно знаменитыхъ людей, или чѣмъ нибудь отличившихся, а автобіографіи пишутся, или, во всякомъ случаѣ, публикуются только тѣми, кто и самъ себѣ призналъ достойнымъ вниманія современниковъ, или потомства. Если я, тѣмъ не менѣе, рѣшился написать нѣсколько строкъ подъ этимъ заголовкомъ, хотя и не признаю себя ему соответствующимъ, то только съ цѣлью поддержать идею, предложенную нашимъ товарищемъ А. Р. фонъ-Дезенъ и, такимъ способомъ, самому получить свѣдѣнія о товарищахъ, высказанныя ими откровенно о самихъ себѣ. Такой обмѣнъ, хотя бы перечисленіемъ фактовъ изъ служебной жизни, между однокурсниками, за долгій 25-ти лѣтній періодъ, долженъ еще тѣснѣе сблизить нашу, довольно таки дружную семью выпуска 1883 года.

Начну я свой очеркъ однако не съ послѣдней даты, а съ обычной во всѣхъ біографіяхъ—года моего рожденія, и прибавлю, что этой датой горжусь, хотя это, можетъ быть, и смѣшно. Но вѣдь гордятся же люди своими титулами и другими привилегіями, пріобрѣтенными не «красою собственныхъ заслугъ». Горжусь же я историчностью этого существеннаго для меня года—1861, а такъ какъ я родился въ ноябрѣ и принадлежу къ помѣщичьей семьѣ, то мнѣ отрадно что я первый въ своей семьѣ не былъ рабовладѣльцемъ. О своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ я распространяться не буду. Скажу только, что оно прошло въ благопріятныхъ условіяхъ. Съ раннихъ лѣтъ я много видѣлъ и странствовалъ по разнымъ уголкамъ Руси и бывалъ и въ чужихъ краяхъ. Ученье шло не шаблонно и я пользовался разумной свободой и много былъ между взрослыми развитыми людьми. О многихъ учителяхъ и наставникахъ я сохранилъ благодарную память за то, что они сумѣли пробудить во мнѣ интересъ къ наукамъ и искусствамъ, такъ что ученье никогда не было для меня тяжелой лямкой, а всегда я

¹ Печатается по изданию «Юбилейный сборник инженеров путей сообщения выпуска 1883 года. 1883—1908 г. Спб., 1908, с. 61-70».

стремился прочесть, продѣлать задачи и т. п. болѣе, чѣмъ требовалось программой или заданіемъ. Съ литературой я началъ знакомиться рано и систематично и очень радъ, что избѣгнулъ загроможденія головы балластомъ пустыхъ и часто дрянныхъ книгъ, которыя я нерѣдко видѣлъ у сверстниковъ, но которыя меня совсѣмъ не привлекали.

Въ Институтъ Путей Сообщенія я поступилъ въ 1878 году и, одною изъ первыхъ картинъ, видѣнныхъ мною въ Петербургѣ по прїѣздѣ изъ провинціи, было торжественное возвращеніе войскъ съ Русско-Турецкой войны.

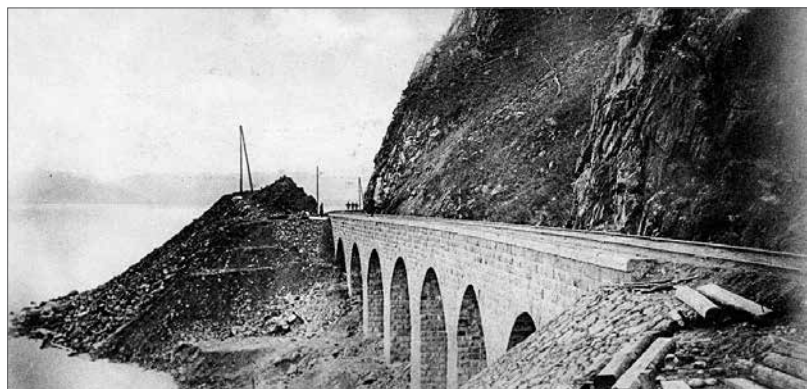
Въ первые годы моего студенчества начались волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, находившія довольно, впрочемъ, слабый отголосокъ и въ нашемъ институтѣ. Бывали сходки въ «курилкѣ», но которыя по своей беспорядочности мало кого привлекали, и я не былъ изъ частыхъ ея посѣтителей. Памятна мнѣ одна уже систематично организованная сходка, въ началѣ 1881 года, въ аудиторіи III-го курса, въ періодъ пробужденія, начавшаго колыхать всю Россію, но затѣмъ вдругъ все придавило мрачное 1-ое марта.

Въ сферѣ путей сообщенія въ это время совершился переломъ отъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства къ казенному. Первымъ опытомъ было сооруженіе Екатерининской и Баскунчакской жел. дор. На первой изъ этихъ дорогъ я, какъ и многіе изъ товарищей, началъ свою желѣзнодорожную практику. Съ III и IV курса я ѣздилъ въ Кривой Рогъ, гдѣ дѣлалъ первыя небольшія изысканія (Саксаганской вѣтви) и былъ при постройкѣ мостовъ и станціонныхъ зданій, и эта работа была характерна для всей моей послѣдующей дѣятельности. Вторую группу дорогъ казенной постройки составили такъ называемыя «Полѣскія», строившіяся послѣдовательно нѣсколькими отдѣльными управленіями. Онѣ главнымъ образомъ привлекли при окончаніи курса, желавшихъ идти на постройку желѣзныхъ дорогъ, а такихъ, насколько я знаю, было большинство изъ товарищей, и я въ томъ числѣ. Но время было трудное въ отношеніи пріисканія занятій, и оклады молодымъ инженерамъ платили очень скромные, особенно сравнительно съ послѣдующимъ оживленнымъ періодомъ строительства. Я на постройку Полѣскихъ дорогъ попалъ только

въ 1884 г. непосредственно же по окончаніи курса, я было надѣялся устроиться инженеромъ десятникомъ на окладъ 75 руб., но это не удалось. Первою моею работою, послѣ выпуска, съ 1883 года были изысканія Жмеринко-Новоселицкой ж. д., производившіяся инженеромъ О. П. Вяземскимъ. Подъ руководствомъ этого почтеннаго дѣятеля мнѣ пришлось много работать и въ послѣдующей моей служебной карьерѣ и я ему обязанъ многими практическими свѣдѣніями, въ особенности по дѣлу изысканій. Послѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ качествѣ прикомандированнаго къ техническому отдѣлу Временнаго Управленія по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, съ весны 1884 года, какъ выше я упоминалъ, попалъ я на постройку Полѣскихъ дорогъ, сперва Лунинецъ-Гомельской а затѣмъ Гомель-Брянской. На первой дорогѣ я поступилъ на мѣсто техника при конторѣ Начальника Участка, но такъ какъ мнѣ хотѣлось ознакомиться съ практикой производства строительныхъ работъ, а не сидѣть исключительно на кабинетной работѣ, которая къ тому же не требовала примѣненія большого объема техническихъ знаній, такъ какъ проектовъ, сколько нибудь значительныхъ, въ конторѣ участка не разрабатывается, то мнѣ дали нѣсколько верстъ линіи въ непосредственное завѣдываніе; кромѣ того, я получалъ командировки на разныя дистанціи участка для замѣщенія начальниковъ дистанцій или для помощи имъ въ болѣе трудные моменты работъ. Изъ болѣе значительныхъ сооружений въ постройкѣ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе: былъ мостъ черезъ р. Птичъ, на опускныхъ металлическихъ коллонахъ. Самая же первая постройка, за которую пришлось взяться, была изба для собственнаго жилья такъ какъ контора участка помѣщалась въ помѣщичьемъ имѣніи, очень бѣдномъ строеніями. На Гомель-Брянской постройкѣ я былъ производителемъ работъ на участкѣ, прилегающемъ къ Брянскому и, главнымъ образомъ, на моемъ попеченіи былъ мостъ черезъ рѣку Десну, отверстіемъ 120 саж. Это серьезное сооруженіе съ кессонными основаніями потребовало много напряженнаго труда и перепетіи работъ остались въ памяти, какъ одни изъ наиболѣе интересныхъ въ моей строительной дѣятельности.

Въ 1888 году началось практическое осуществленіе назрѣвшаго грандіознаго дѣла сооруженія Сибирской жел. дор., приступлено къ изысканіямъ на нѣкоторыхъ ея участкахъ. Въ одну изъ этихъ экспедицій, а именно: Забайкальскую, руководимую, уже упомянутымъ выше, О. П. Вяземскимъ, мнѣ удалось попасть въ качествѣ начальника партіи. Двинулись мы въ путь изъ Оренбурга и на лошадахъ добрались до Верхнеудинска, откуда я началъ изысканія къ востоку своею партіею и работалъ непрерывно отъ апрѣля до ноября, зимовалъ въ Читѣ, а раннею весною 1889 г. возобновились работы, при чемъ послѣ окончанія изысканій собственно Забайкальской линіи я сдѣлалъ рекогносцировку Кругобайкальской, которая послужила первымъ техническимъ основаніемъ для послѣдующихъ многократныхъ работъ по изслѣдованію этого труднаго участка Великаго Сибирскаго Пути. Боюсь вдаваться въ подробности этой работы, чтобы не сдѣлать себѣ непосильной задачу этого очерка, но не могу не замѣтить, что на нѣкоторыхъ горныхъ перевадахъ моя нога была, по всему вѣроятію,—первой «человѣческой ногой», и, что, несмотря на трудность работы, при полномъ отсутствіи картъ нѣкоторая часть трассированной, при этихъ первыхъ изысканіяхъ, линіи вошла цѣликомъ въ построенную впослѣдствіи дорогу.

Послѣ окончанія изысканій для представленія проекта на заключеніе Пріамурскаго Генераль-Губернатора мы проплыли пароходомъ, по Шилкѣ и Амуру, до Хабаровска, а оттуда съ большими затрудненіями пробрались до Владивостока. Такимъ образомъ, я проѣхалъ всю Сибирь, отъ Оренбурга до Тихаго океана еще безъ единого звена рельсоваго пути. Изъ Владивостока я заглянулъ въ Японію, тогда еще почти заповѣдную страну. Свои впечатлѣнія объ этомъ посѣщеніи Японіи я помѣстилъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ, а замѣтки о японскихъ желѣзныхъ дорогахъ, составленныя въ сотрудничествѣ съ моимъ спутникомъ А. И. Имшеникъ-Кондратовичемъ, были напечатаны въ Извѣстіяхъ Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія. Изъ Японіи черезъ Тихій океанъ мы переѣхали въ Америку, гдѣ осматривали Канадскую дорогу, въ связи съ вопросомъ о постройкѣ Сибирской ж. д. Докладъ объ этомъ осмотрѣ былъ напечатанъ въ «Желѣзнодорожномъ

Дѣлѣ», а матеріалы, собранные въ эту поѣздку, переданы въ бібліотеку Института Инж. Пут. Сообщенія. Вернувшись въ Европейскую Россію, я продолжалъ слѣдить и интересоваться разработкою вопросовъ, касающихся сооруженія Сибирской жел. дор., но принялъ въ ней фактическое участіе только въ 1894 году.

Промежутокъ въ 4 года—съ 1890 до 1894 года,—работалъ по изысканіямъ и постройкамъ въ Европейской Россіи: былъ на изысканіи Муромо-Казанской жел. дор., а затѣмъ на постройкѣ Принаревской, гдѣ завѣдывалъ участкомъ, а потомъ также техническимъ отдѣломъ, Эта постройка не представляла собою особенныхъ техническихъ трудностей, но имѣла нѣкоторыя особенности, въ виду ея специальной стратегической задачи и такъ какъ многія работы велись хозяйственнымъ способомъ. Вслѣдъ за этой постройкой я завѣдывалъ участкомъ на стратегической Орано-Олитской ж. д., гдѣ довольно интересна была трассировка линіи подхода къ Нѣману, а на работахъ пришлось имѣть дѣло съ чинами желѣзнодорожнаго баталіона и производить сборку разборныхъ мостовъ Эйфеля. Изъ Оранъ меня вызвалъ опять прежній мой начальникъ О. П. Вяземскій во Владивостокъ на должность его помощника и замѣстителя по постройкѣ Уссурійской желѣзной дороги. Этотъ разъ на знакомый Дальній Востокъ я поплылъ на пароходѣ Добровольнаго флота изъ Одессы. Въ день схода съ парохода во Владивостокъ я принялся за дѣло и на слѣдующій день уѣхалъ на линію вмѣстѣ съ Вяземскимъ, такъ какъ онъ долженъ былъ уѣзжать по вызову начальства въ С.-Петербургъ и мнѣ сдать почти на полгода веденіе дѣлъ постройки дороги. Въ это время заканчивалась постройка Южно-Уссурійской ж. д. отъ Владивостока до ст. Муравьевъ-Амурскій (при мнѣ уложили послѣднія звенья пути и достраивали мостъ черезъ р. Уссури) и начали работы на Сѣверной-Уссурійской ж. д. до Хабаровска. Эксплоатація Южной линіи находилась въ завѣдываніи другого помощника Начальника работъ, тоже нашего товарища по выпуску Н. И. Толпыго.

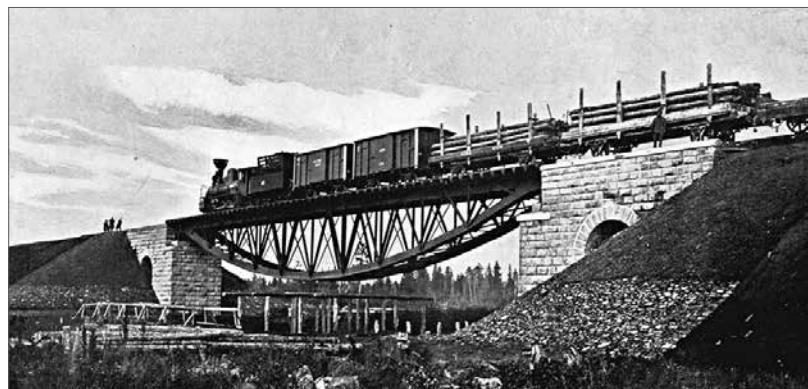
До 1898 года, безвыѣздно я прожилъ въ Уссурійскомъ краѣ, имѣя главную резиденцію во Владивостокѣ, но часто разъѣзжая по линіи. Много при этомъ пережито тяжелаго,

тревожнаго и безпокойнаго, но воспоминается и много свѣтлыхъ и бодрыхъ періодовъ. Интересна борьба съ силами природы и перепетіи организациі дѣла въ совершенно своеобразныхъ, иногда и нелѣпыхъ, условіяхъ. Нигдѣ такъ рельефно не приходилось видѣть, какъ преобразается характеръ мѣстности съ проведеніемъ сперва колеснаго, а затѣмъ и желѣзнодорожнаго пути и идущимъ вслѣдъ за ними заселеніемъ. Последняя война сдѣлала для всѣхъ знакомыми и сравнительно близкими эти мѣста, но десять лѣтъ тому назадъ Уссурійскій край былъ почти совершенно оторваннымъ и обособленнымъ отъ центральной Россіи; почта шла около 2-хъ мѣсяцевъ, а телеграфъ безпрестанно былъ поврежденъ, такъ что и «телеграммы» иногда приходили черезъ «мѣсяць».

Могу похвастаться передъ товарищами, что мое пребываніе на постройкѣ увѣковѣчено названіемъ одного разъѣзда близъ Хабаровска моею фамиліею.

Въ качествѣ гостя случилось мнѣ во время пребыванія моего на Уссурійской ж.д., присутствовать на закладкѣ Китайской-Восточной ж. д. или, какъ ее больше называютъ «Маньчжурской» ж. д., впослѣдствіи ставшей мѣстомъ моей службы. Эта закладка быша организована какъ очень эффектное зрѣлище съ наглядно декорированной границею двухъ государствъ, съ участіемъ представителя французской эскадры (это была эпоха расцвѣта алліанса) и многихъ военныхъ и морскихъ властей. Закончивъ постройку, я опять кругосвѣтнымъ путешествіемъ черезъ Америку вернулся въ Петербургъ, гдѣ около полутора года работалъ надъ составленіемъ отчета по постройкѣ Уссурійской желѣзн. дороги, а въ 1900 году я получилъ предложеніе занять мѣсто начальника техническо-хозяйственнаго отдѣла Правленія Общества Китайской-Восточной жел. дор. На этомъ мѣстѣ я пребываю до настоящаго времени. Дѣятельность здѣсь, конечно, гораздо болѣе спокойная, чѣмъ при послѣдней постройкѣ, но разнообразная. Кромѣ чисто техническихъ, приходилось разрабатывать весьма различные вопросы, связанные съ дѣятельностью Китайско-Восточной жел. дор., какъ предпріятія не исключительно желѣзнодорожнаго, а имѣющаго и много вспомогательныхъ предпріятій и администрирующаго всецѣло всю отчужденную

полосу, въ которую входятъ цѣлые города. Служба моя въ Правленіи началась въ періодъ возстановленія поврежденной части линій, послѣ боксерскаго возстанія и продолженія сооруженія доррги и порта города Дальняго. Въ 1902 году я объѣхалъ всю сѣть Китайско-Восточной ж. д. и побывалъ опять въ знакомомъ Владивостокѣ, сопровождая С. Ю. Витте. Ѣхалъ Министръ Финансовъ съ первымъ сквознымъ поѣздомъ, который прошелъ отъ Москвы до Тихаго океана. Эта 6-ти недѣльная поѣздка была въ высшей степени интересна, по всему видѣнному и слышанному во время нея. По скорости и комфорту это былъ полный контрастъ съ тѣмъ упомянутымъ первымъ переѣздомъ черезъ всю Сибирь.

Съ 1903 года открылась правильная эксплуатація Китайско-Восточной ж. д., и сообразно съ этимъ нѣсколько видоизмѣнилась моя дѣятельность. Вскорѣ нагрянувшій періодъ войны вызвалъ очень большую напряженность въ дѣлѣ снабженія линіи всѣми необходимыми матеріалами для эксплуатаціи, а также по непрерывно производившемуся усиленію провозной и пропускной способности дороги. Кромѣ работы въ своемъ отдѣлѣ, я состоялъ членомъ исполнительнаго комитета по перевозкамъ на Дальній Востокъ — при Управленіи военныхъ сообщений. Сложную работу составила организація отправки грузовъ совместно съ воинскими эшелонами, формированіе санитарныхъ поѣздовъ и проч. Послѣ эвакуаціи войскъ дорога начала переходить на болѣе нормальныя условія эксплуатаціи, при чемъ въ первой очереди было поставлено оборудованіе главныхъ Харбинскихъ мастерскихъ, которыя не были устроены до войны. Въ 1906 году передана въ эксплуатацію Общества Китайско-Восточной ж. д. Уссурийская дорога, такъ что мнѣ пришлось опять заниматься близко знакомымъ мнѣ сооруженіемъ. Улучшеніе и усиленіе единственнаго нашего порта на Тихомъ океанѣ — Владивостока составляетъ одну изъ главныхъ техническихъ задачъ, которую мнѣ приходится разрабатывать послѣднее время.

Подводя итогъ своей служебной дѣятельности, я могу характеризовать ее, какъ желѣзнодорожную и преимущественно изыскательскую и построечную; съ эксплуатаціей приходилось непосредственно знакомиться только въ періодъ

временнаго движенія при постройкѣ и при организаціи послѣ открытія дороги, теоретически же эксплуатаціонные вопросы приходится разрабатывать въ послѣдней мной занимаемой должности.

Перебирая въ памяти служебныя воспоминанія за четверть вѣка, я долженъ сказать, что работа, которая больше всего оставляла удовольствіе — это въ роли начальника партіи при изысканіяхъ, здѣсь больше всего вкладывалось личнаго соображенія, непосредственно приходилось изучать условія природы, часто представлялись интересныя, хотя и не особенно сложныя въ научномъ смыслѣ, техническія задачи, и главное здѣсь всего меньше было элементовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ инженерному дѣлу. При всѣхъ другихъ занятіяхъ въ особенности, чѣмъ выше поднимаешься по іерархическимъ ступенямъ техническая работа, все болѣе и болѣе заслоняется административной, хозяйственной, канцелярски-бумажною. Большой процентъ времени уходилъ на постройки на разборъ разныхъ недоразумѣній, кляузъ, споровъ, на обсужденіе формалистики и многихъ вопросовъ, имѣющихъ весьма отдаленное соприкосновеніе съ научнымъ техническимъ дѣломъ.

Н. Кругликовъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ
Штатный инженеръ V класса по министерству путей
сообщенія, откомандированъ въ распоряженіе Правленія
Общества Китайско-Восточной ж. д.

Портрет на стр. 66 из журнала «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» (Гос. Архив Хабаровского края).

Использованы фотографии из альбома «Великий путь». Виды Сибири и ее железных дорог (изд. Аксельрод, Красноярск, 1899).

В автобиографии для «Сборника инженеров путей сообщения» Н. С. Кругликов рассказывает лишь о своей профессиональной деятельности. Что нам еще известно о Николае Сергеевиче? Поскольку он старший брат Елизаветы Сергеевны Кругликовой, все сказанное о ней (см. стр. 19 и сл.) относится также и к нему: родился в семье потомственных военных, в которой особое внимание уделялось искусству: мать пианистка, отец и дед владели живописью, искусством силуэта, в семье были популярны домашние спектакли и концерты. Воспитанная в детстве любовь к литературе, театру осталась на всю жизнь.

Многочисленны свидетельства, что он постоянно был в курсе дел Елизаветы, всегда помогал ей (в том числе и финансово) в ее начинаниях, был близко знаком с окружавшими ее художниками, поэтами, музыкантами.

*Мелодекламация
верно-то*

*1917
Кругликов*

*Е. С. Кругликова. Мелодекламация.
1917 г. Гравюра мягким лаком. 7×11.
Изображены Николай Сергеевич и его мать Ольга Юльевна*

В 1909 году он становится одним из основателей¹ «Художественного общества Интимного театра», своего рода кабаре исключительно для артистов, художников и литераторов, а к постановкам подполагались художественные опереты Евреинова и Кузмина. В числе проектов этого общества и учреждение в С.-Петербурге известного артистического кафе «Бродячая Собака²». Бенедикт Лившиц³ вспоминает, что оно было единственным островком в ночном Петербурге, где литературная и артистическая молодежь, в виде общего правила не имевшая ни гроша за душой, чувствовала себя как дома“.

«Бродячая Собака» имела свой собственный гимн.

В одном из куплетов упоминается и Николай Сергеевич:

Мы не строим строгой мины,
Всякий пить и петь готов:
Есть певицы, балерины
И артисты всех сортов.
Пантомимы и картины
Исполняет без причины
General de (3 paза) Krouglikoff.

Описание этих театральных представлений Николай Сергеевич дает нам в стихотворении «Праздник у халифа».

¹ Н. Н. Евреинов в книге «Оригинал о портретистах» пишет: *...Марсово поле 7... Здесь был „Привал комедиантов“, детище „Бродячей собаки“, где я был полгода всевластным диктатором и появление которой на свет обязано „Обществу Интимного театра“, основанному Н. С. Кругликовым, А. А. Мзгбровым, Б. К. Прониным и мною.*

² Арт-кафе было открыто в С.-Пб. в 1911 г. Борисом Прониным, закрыто в 1915 году по причине Первой мировой войны.

³ Б. Лившиц. «Полутораглазый стрелец». Л.: Сов. писатель, 1989.

ПРАЗДНИКЪ У ХАЛИФА¹

*Посвящается всѣмъ
Любезнымъ почитателямъ «средъ»*

Звонки телефона трещать,
Тамъ брякнули гдѣ-то тарелки...
Струится цвѣтовъ аромать.
Ужъ близятся къ полночи стрѣлки².

Послышались звуки не зурны,
Но звуки Востока звенять;
Движенья красавицы бурны
Иль плавною нѣгой томятъ.

Въ халатѣ парчевомъ, въ чалмѣ
Халивъ возсѣдаетъ на тигрѣ
И ждетъ появленья алмей.
Начнутся-ль ихъ пляски и игры?

Улыбка загадочна, знойна,
Раскинулись косы змѣей,
Изгибы спины ея стройны;
Всѣ взоры на ней лишь одной.

Столпились вокругъ младотурки,
Леванта сыны въ изумрудахъ;
Маркизы изящной фигурка
Въ игривыхъ каприза причудахъ

Прервалася вдругъ хайтарма!
Царевичъ прекрасный явился.
Сейчасъ ужъ пошла кутерьма...
За криками гнѣва вонзился

Къ Халифу явилась на зовъ,
И слѣдомъ за ней вереницей
Изъ сказочной грезы оковъ
Герои вошли небылицы.

Кинжалъ въ чью-то грудь;
Повержень соперникъ во прахъ,
Влюбленные могутъ вздохнуть,
Финальный аккордъ на басахъ.

¹ Кругликов Н. Праздник у Халифа. СПб.: Тип. "Сириус", 1910.— 6 с.
(1 экз. хранится в Российской национальной библиотеке, С.-Пб.)

² Представления начинались после полуночи

Въ восторгѣ хозяинъ — Али,
Сюрпризъ за сюрпризомъ безъ мѣры!
Удалые горцы вошли,
Блестя въ жемчугахъ баядера,

Китаецъ лукавый съ косою,
Послы Бухары (такъ важны),
Ихъ ткани горятъ полосой
Заката, восхода, волны.

Турчанка вуалю укрылась,
Цехины цыганокъ звенятъ,
Страна хризантемы явилась...
И гейши черкесовъ манятъ.

Таинственно бродятъ, какъ тѣни,
Два-три домино въ кружевахъ;
Шепнутъ тамъ словцо объ измѣнѣ,
Напомнятъ о счастья часахъ.

Но вотъ разступился весь рой —
Всѣ взоры впились въ баядеру,
Она шевельнула фатой
И танцемъ чарующе мѣрнымъ,

Плыва иль рѣзвась шаловливо,
Къ себѣ приковала сердца!
Мерцаютъ на ней переливы
И блестокъ и камней вѣнца.

Смѣняется танцами танецъ,
Раздались и пѣсни цыганъ,
Стихи говорить тамъ испанецъ,
Надѣвшій восточный кафтанъ.

Красивая группа вотъ въ нишѣ
Изъ юношей, дѣвъ на коврахъ;
У ногъ баядеры всё тише
Восторженный шопотъ въ устахъ.

Китайца раскрылася тайна —
Въ объятіяхъ встрѣчи онъ сжатъ,
Привѣтъ шлють Москвѣ и Украинѣ
Отъ радости криковъ визжать.

Сартянка, отбросивъ фату,
Предстала съ улыбкой прелестной.
Забывъ про дворца тѣсноту,
Всѣ въ танецъ пустились

совмѣстный.

Обрывки вуалей летятъ,
Осыпались блѣстки, монеты,
Нарядъ не одинъ уже смятъ.
Задоренъ мотивъ опереты!

Презрѣвъ Магомета законъ,
Всѣ персы, бухарцы и турки
Берутъ искрометный флаконъ
У горца покрытаго буркой.

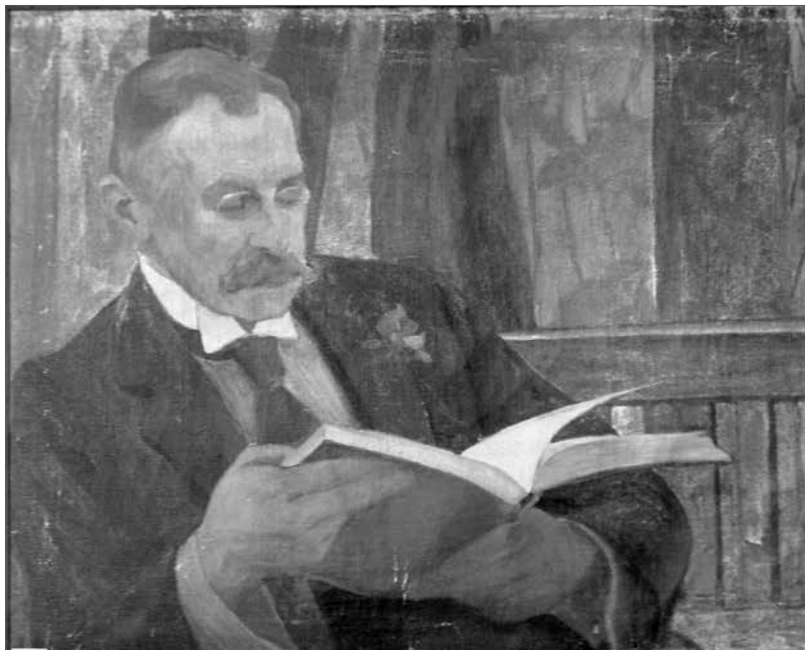
И льется по чашамъ и кубкамъ
Веселая южная влага,
Улыбка играетъ по губкамъ
Въ глазахъ же сверкаетъ отвага.

И льются веселыя рѣчи
И говоръ немолчно растетъ,
Но это не митингъ, не вѣче,
А пиръ всё идетъ и идетъ.

Н. Кругликовъ.

Февраль 1910. Итальянская, 33.

Типографія Сиріусъ. Спб. Соляной пер. 7

Е. С. Кругликова.

Портрет брата. Х/м.

Ex libris Н. С. Кругликова.

(Архив Сошальских)

«У Кругликовых, как и прежде, царит дух чеховской интеллигентности, там все любят друг друга, много читают, поют бурлацкие песни и много говорят о судьбах России».

Максимилиан Волошин

Биографическая справка

Николай Сергеевич Кругликов (16.11.1861–28.10.1920). Холост.

- 1873–1883 Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. Окончил 28 мая 1883 г. Удостоен Институтом звания Гражданского инженера с правом на чин коллежского секретаря¹.
- 1883 строительство Жмеринско-новоселицкой ж. д., инженер-десятник.
- 1884 строительство Лупинец-Гомельской и Гомель-Брянской ж.д., техник при конторе начальника участка.
- 1885–1890 Строительство Великого Сибирского пути.
- 1890–1894 Строительство Муромо-Казанской, Принареской и Орано-Олитской ж.д.
- 1894–1898 Строительство Уссурийской ж. д.
- 1900–1903 Начальник техническо-хозяйственного отдела Правления Общества Китайско-Восточной ж. д.
- 1908–1918 Вице-директор Правления Общества Китайско-Восточной ж. д., действительный статский советник.
- 1919–1920 член Технического совета при Комитете Государственных сооружений ВСНХ.
- Умер 28.10.1920, погребен на Ваганьковском кладбище в Москве.

¹ Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения имп. Александра I за сто лет. 1810 – 1910. СПб, 1910.

*Станция Кругликово Хабаровского отделения
Дальневосточной железной дороги.*

Наталия Владимировна Яблочкова

Из воспоминаний Натали Владимировны Яблочковой¹

18 февраля, среда. Эта синяя тетрадка, подаренная мне Женей, так соблазнительно лежит на моем письменном столе, ужасно тянет по старой привычке пописать в ней... Но почему-то неловко... «Дневник» как-то сентиментально-юно звучит.

Что писать? Записки о прошлом, об Усть-Каменке. Так сказать, семейную хронику я пишу для детей на память об ушедших днях и людях... Писать «de profundus» не хочу – не могу: и потому, что каждая вытащенная из глубины мысль и чувство – на поверхность жизни, превратятся в ложь или лопнут как морской еж, который может жить только на дне океана; и потому, что боюсь <...>, без которой не обойдешься; и потому, что как-то жутковато оставить кусочек своего «я» на столе в комод; и потому, что есть какие-нибудь тайны, нет... и потому, что это размен золотого на бумажки...

Зачем же тогда писать? О чем? Не знаю – хочется... Буду писать глупости – о погоде непременно, обо всем, что вижу, что слышу, и, пожалуй, о том, что хотела бы видеть и слышать.

Ну, кажется, я довольно извинялась за свое невинное намерение что-то писать...

Володя говорит, что я вишу в воздухе, что я сама себя выдумала, запуталась и не стою на двух ногах... Может быть, от того мое всегдашнее стремление писать о себе, сквозь себя – это попытка встать на ноги, а не только эгоцентризм.

...Еще извинения – довольно, буду писать, что попало, как писала в 8 лет.

¹ Наталья Владимировна Яблочкова (в замужестве Стина, 1879-1922), дочь Владимира Михайловича Яблочкова (1849-1922) и Екатерины Львовны, рожд. Кругликовой (1861-1942). Здесь публикуется рассказ об усадьбе Васильевское Тульской губ., принадлежавшей Кругликовым. Текст воспоминаний предоставлен Музеем-усадьбой «Лопасня-Зачатьевское».

27 февр. Уже голубеет весна – даже снег голубой, – ветер еще холодный, но что-то в нем есть от весны, иногда кажется даже душистое. Но первые вестники весны, увы, пока не подснежники, ни даже грачи, а пока что эпидемия гриппа и флюсы – у нас все больны: бедный Петя 8-ой день мучается с флюсом, у меня насморк и Игорь¹ простудился. Сидим у меня в комнате у круглого стола – читаем то вслух, то про себя. Гора прочел свой рассказ «Федя». Недурно сделано – он очень верит в свое литературное будущее, а я не знаю, теперь техника письма стала ремеслом, как-то им овладели все более или менее чуткие и с вкусом люди – посмотрим...

Я привыкла и люблю свою кусковскую комнатку – своя отдельная комнатка, разве это не счастье? «Жилая площадь» разве не жуткие слова? В квадратных аршинах на человека – все в куче...

Замирает душа! Вагон на 40 лошадей!.. Как в этой давке махрово расцвели мелочность, сплетни, дразги, озлобленность... Как грозит эта 100-головая гидра! Милое Кусково, хоть сырая, но только наша квартира! В Москве не могу привыкнуть, что чужая жизнь врывается к вам сквозь все щели... Кричит ребенок, тренькает балалайка, ссорятся в коридоре и т. д. И чуть ли ни каждый день какие-то люди в шапках влезают к вам в 100000 раз измерять площадь и грозят выселением, переселением, уплотнением. Вы с ужасом вспоминаете, что у вас лишний аршин против «нормы» и с тоской смотрите, что в комнате еще есть проход между 3-мя кроватями, столом, шкапом со стоящим на нем креслом, плитой и умывальником... «Проклятый проход», – думает владелец, бочком протискиваясь по нему за человеком с рулеткой, и заискивающе шепчет: «У меня туберкулез... бабушка умирает, ожидаются роды..»

Кусковская квартира, сырая с малярией, кажется мне днем в 5 комнат!

¹ дети Натальи Владимировны и Афанасия Петровича Стина

Владимир Михайлович Яблочков, Семён Николаевич Кругликов и Наталия Владимировна Яблочкова.

У Андерсена есть человечек: Оле-Лук-Ой, он носит подмышкой зонтик с чудесными рисунками, где быть чередуется с небылицей – стоит ребенку заснуть, а он уже тут как тут, развернет свой зонтик над спящим, и сны вереницей тянутся как на ленте кино...

Есть и у меня человечек. Не знаю, как зовут его – верно, как в сказке, Зовуткой. Только что сяду посумерничать – в саду ли, в комнате ли, а он уже тут как тут... фонарик волшебный устраивает, на светленьком экране картинки из прошлого показывает...

Темно станет вокруг, все огоньки погасит: лампу ли, звезды ли, зорю... Только экран ярким пятном светится. А на нем вот...

I

Дедушкин кабинет... утро... Синие шторы на высоких окнах еще задернуты. Из полумрака, как старые друзья, глядят большие кресла со спинками красного дерева, поблескивают позолотой бронзовые часы и старинные шандалы на высоком трюмо В углу около большого барометра (притаилась) коллекция трубок с длинными чубуками, в зеркало глядится с портрета прадед в Преображенском мундире; книжные шкафы – перегородка красного дерева, большой письменный стол. На нем в вазе букет астр и пурпурные листья осени, недоеденный вчера гоголь-моголь в стакане и книги – французские в желтых обложках – новенькие, и французские старые в сафьяновых переплетах с золотым обрезом непримиримо косятся на новое – недовольны, что я потревожила их сон и покой и вытащила из шкафов на свет Божий. Я люблю на них смотреть, гладить и нюхать: они пахнут временем, а новые желтенькие – свежей краской и не всегда свежей мыслью. Чехов, Герцен, Белый, «Русский Вестник» Каткова, 12 томов (!) «*Les mystères de Paris*», которые предстоит прочесть бабушкам вслух. Уютно и бережно покоит меня старая софа с ампиристскими завитушками ампира на спинке, как все, красного дерева. Проснулась, но вставать не хочется, лежу тихонько, в синеватом полумраке предметы еще живут своей жизнью как живые, пока их не спугнул свет и человек, который ничего не понимает... 9 часов. Егоровна

обнесла бабушек утренним кофе, который оне «кушают», проснувшись, в кровати, и заглядывает ко мне...

«А ты, Наташенька, все спишь! Всё счастье проспала, соня! Женихов с утра понаехало! Полон двор! Ждали, ждали (только ворота испортили), не дождались – уехали!»

Отдернула шторы, и свет из 3-х окон залил комнату – жмурясь, прячу еще незрячие глаза под одеяло... «Спи, спи, – ворчит Егоровна, – лучший из всех и сейчас еще под окном стоял, тебя дожидаясь, и тот ушел... Ну, ну, *леве ву кофе тринкен*». Делается весело – спешу встать, чтобы не опоздать к 10 часам, когда все бабушки собираются в зале за 2-м утренним кофе.

Сентябрьский день ясен, хотя даль уже в осенней утренней дымке. Открываю окно – надо посмотреть, не убил ли утренник георгины и астры, и поздороваться с лесом и скорее почувствовать его золотую радость, а кстати убедиться, что на этот раз «лучший из всех» ушел – жаль! Но когда-нибудь увижу же я его!

«*Вас махен зи*, Наташенька? – торопит меня Егоровна. – *Кофе серви*».

Быстро одеваюсь и выхожу в залу, где ровно в 10 ч. 4 бабушки собираются за кофе. За утренним кофе служит всегда сама Егоровна в темном платье с черной кружевной наколкой на седых волосах... Служит чинно, с большим достоинством, в разговоры никогда не вступает, и мне при бабушках говорит «вы».

Скатерть белая, белая, без единой морщинки, кофе Егоровна варит превкусный... «Егоровна, научи, почему у тебя кофе такой душистый выходит...»

«Это секрет – слово такое знаю, буфетчик Степан научил».

«Ну, слово скажи».

«Нельзя, зарок дала молчать – проговорюсь, замуж не выйду!»

Вечер. Дедушкин кабинет тонет в полумраке. Лампа под зеленым абажуром освещает письменный стол, винегрет моих книг, тетрадки, безнадежную вышивку по канве и меня. Лампа изображает пальму, а под ней мальчика с корзиной

винограда — я люблю его: он делит со мной длинные осенние вечера. Когда-то я раскрасила его эмалевой краской к ужасу бабушек. Его отмыли, но плохо: темная бронза его камзола всё еще голубая, а туфли красные...

Дождь стучит в окно, ветер шумит о неведомом и страшном. Кажется, что там за синими шторами к окнам прильнули серо-зеленые мокрые рожи.

В зале под светлой лампой 4 бабушки¹ раскладывают пасьянсы, вяжут или читают — не иду к ним, боюсь, чтобы не засадили читать по-французски.

Направляюсь через коридор в комнату Егоровны и усаживаюсь на свое место на сундук, обитый зеленой клеенкой с медными гвоздями, в углу под иконами. Егоровна при свете маленькой лампочки рассматривает картинки в «Ниве» за старые годы и делает свои замечания, приглашая и меня обсуждать их...

«Государь Александр II-ой, наш батюшка родимый, помазанник Божий», — с умилением говорит Егоровна, глядя на изображение Франца-Иосифа.

«Помазанник, да не наш, а австрийский», — говорю я.

«Ах, как же это я, дура, обозналася, супостата немецкого за царя-батюшку приняла! Я его ведь живого в Питере вот как тебя видела, в штап к нам приезжал...»

Перелистывает дальше...

«Ишь ты, чумазых нехристей каких нарисовали, обезьяны поганные, прости, Господи!»

«Это негры, люди и почти все такие же христиане, как мы с тобой».

«Тоже скажешь! Как мы! По подобию Божию человек сотворен, а Бог нешто такой! Вы, молодые, в Бога не верите, потому много глупостей читаете!»

И так под мерный стук дождя беседуем мы с Егоровной...

Сняла очки и книгу закрыла...

¹ По-видимому, речь идет о родной бабушке Кругликовой Елизавете Степановне (рожд. Любавской), ее племянницах Марии и Лидии Васильевнах и их мачехи Варвары Алексеевны, рожд. Дрилль (см. древо стр. 230, и часть I)

«А на завтра трубочки со взбитыми сливками заказаны к обеду».

«Почему? Разве праздник какой?»

«Не праздник, а Никольский барин приедут к обеду».

«Так что же?»

«Ничего. Что-то больно часто ездить стал. Верно, я ему приглянулась – по-хранцузски разговариваю – *же ву при мусье сил ву пле а ла мезон*, он все в Париже живет, значит, я ему самый раз пара... Чем не жених – лошади аглицкие и ланжареи!».

«Ну и выходи за него, – говорю я досадливо, – я завтра с Егором верхом с утра в Яковлево еду».

«А ты не сердчай – я к тому, что утром сегодня как Елизавете Степановне (моя родная бабушка) умываться подавала, слыхала, говорили они Лидии Васильевне, что никольский барин тебе партия хорошая – сосед, опять же ланжереи, и воспитан по-старинному. Потом заговорили по-хранцузски, я и не знаю, что».

«Пусть ест трубочки без меня и подлизывается к бабушкам – он мне не нужен... Не он ли под окном стоял, не он ли лучший из всех? Напомаженный, как кукла в корсете, и облезлый, ему 40 лет! Хорошо ты мне про Ивана-царевича гадала! А теперь за парижское чучело сватаешь!»

Пришла горничная Маша и робко стоит, улыбаясь в кулак.

«А ты чего нос суешь, куда не просят, егоза?» – у Егоровны от крепостных времен остались строгость и требование субординации от молодых «девок».

«Садись, Маша, Егоровна расскажет, как будет, когда настоящий суженый приедет».

Путая сказки с петербургскими воспоминаниями «из штапа», Егоровна остроумно и забавно вводит моего суженого Ивана-царевича на белом коне в нашу Васильевскую обстановку и жизнь, заставляет его разговаривать с кучерами, со мной, с бабушками...

Я смеюсь, забыв о грозящей опасности жениха «с ланжереями» и о дожде. Маша душится, боясь громко засмеяться, чтобы не услышали бабушки, держится за живот и вытирает слезы...

Егоровна рассказывает со страшно серьезным лицом...

У одной из бабушек (мачехи Лидии Васильевны) привычка запира́ть все двери на крючок, когда нужно и не нужно: вот и заперла она Ив.-ц. в уборной...

«Нет, пусть лучше Никольского барина запрет!» – смеемся мы с Машей, развивая эту тему... Расшумелись...

Входит Лидия Васильевна. «Что за веселье?» Егоровна и Маша встают при ее появлении, стоят на вытяжке. Егоровна с серьезным и бесстрастным лицом, как полагается образцовой прислуге, а Маша вся красная от усилия не смеяться...

«Скоро ужинать пора...» Егоровна бесстрастно поворачивает голову к часам и ничего не возражает на это замечание, так как еще ни разу ни при каких обстоятельствах не опоздала вовремя распорядиться и подать с Машей ужин...

Ровно в 10 ч. подавался ужин. Били часы, и Егоровна вошла с простоквашей, а Маша несла горячее.

«Наташа, *allons lire un peu... de quoi trouvez vous à rire avec les servante?*¹»

«*Des contes de fées*², Лиденька».

Лиденька, младшая из бабушек, старая девушка, сохранила и в 50 лет девичью легкость стана, любит танцевать вальс и горда своей эфирной фигуркой. Мою 4-х пудовую почти презирает...

III

Большая комната на чердаке. Низкий потолок, некрашеный пол, итальянское окно с цветными стеклами – отчего освещение в комнате всегда какое-то капризное. Я люблю смотреть сквозь желтые стекла: всё точно залито солнцем, миг забудешь про пасмурный день и серые лоскуты, ползущие по небу. И лес за рекой на высоком берегу, и село Рождественно с неприятными рядами серых изб и белой церковью, и вдаль помещичий дом, и снова лес, всё сквозь синие, желтые, зеленые и желтые стекла кажется сказочным и прекрасным.

¹ *фр.* почитаем немного... Над чем вы смеялись с горничной?

² *фр.* над сказками

*Н. А. Кругликов. Силуэт
М. В. Повало-Швейков-
ской. 1807. 66×44,5.
Из собрания Гос. исто-
рического музея.*

Подпись под силуэтом:

*«Дочь Надворного
Советника Василья
Федоровича Повало-
Швейковского Марья
Васильевна бывши 17
лет в своем С. Васи-
льевском 1807 года
в октябре позволила
снять с себя это
изображение быв-
шему тогда москов-
ского батальона
стрелков офицеру
Н. А. Кругликову»*

В одном углу сундуки с книгами, которые не поместились в шкафы внизу. Книги все больше французские – есть и русские в изгнании: Герцен, Чернышевский, Омулевский... Прямо на полу связанные по годам старые журналы: «Эпоха» Достоевского, «Дело», «Русский Вестник», «Отечественные записки». Громадные бронзовые канделябры, инвалиды-кресла и какие-то консоли; у окна что-то вроде прялки – для наматывания ниток на клубок – красного дерева с колесом... Входя на чердак, особенно если я одна, всегда с тревогой смотрю на прялку – не сидит ли около нее старуха злая волшебница, как в сказке *«La Belle au bois dormant»*, которая усыпила весь замок на 100 лет.

По стене слева стоят сундуки, в которых спит прошлое. Ужасно люблю с бабушкой Лиденькой и Егоровной рыться в этом прошлом... Со звоном открываются замки, и прошлое

Н. А. Кругликов. Силуэты Кругликовых Василия Николаевича и Екатерины Павловны (рожд. Ивановой, в 1-м браке Апрелевой). 1837 г. [Сош]

выходит на свет Божий. Роброны¹, лифы с осиными талиями, обшитые пожелтевшими кружевами, туфельки как игрушки – неужели прабабушки носили все это, дышали и двигались, а не стояли без движенья рядом с саксонскими куклами в зеркальной шифоньерке? Одна треть меня поместилась бы только в эти наряды! Что-то не верится, что под этим лифом в 6 вершков в талии билось такое же сердце, как мое под свободным белым полотняным платьем. Туфельки с красными каблучками больше всего сохранили жизнь – только надень

¹ старинное женское платье с очень широкой колоколообразной юбкой

их, так и заскользят ноги глисе по паркету в менуэте. Но увы! Они мне не впору! Костюм ундины – тарлатан и... водоросли, раковинки...

«Когда *papá* был начальником в штабе, – рассказывает Лиденька, – у нас в казенной квартире в Петербурге была громадная зала. Мы, я и моя приятельница *Nadine Gartoung*, затеяли живые картины – мы были с ней ундинами. Наденька была красавица, которую знал весь Петербург, и она считалась невестой барона Шебек.

После картин Наденька как-то услышала, стоя за занавесом, как Шебек говорил кому-то из товарищей своего полка «Знаешь, у Наденьки волосы ниже попки». Бедная *Nadine* пришла в ужас, плакала на плече у *Lidie* и с этого злополучного дня не могла любить и разошлась с бароном. Нет, видно, в 6-тивершковых лифах не по-настоящему бились сердца! Бедная Лиденька сама была влюблена в Шебека – но почему-то не вышла за него замуж.

А вот капот из тончайшего линобатиста, по которому вышито гладью и *broderie anglaise* – вышивали крепостные девушки; диву даешься, какие надо иметь глаза и пальцы, чтобы вывести узор такой красоты и тонкости.

«Как сейчас помню покойницу барыню в этом капоте, – говорит Егоровна (бабушку Лиденьки и мою прабабку¹), – сидят

Мария Васильевна Кругликова.
Дагеротип. 1860-е. [Сош]

¹ Мария Васильевна Кругликова (рожд. Повало-Швейковская).

на балконе – кофе кушают или книжку читают, мы с "них" мух отгоняем веточкой, придет буфетчик Степан Трифонович (который всегда начинал свою речь к бабушке так: "Я уж изволил вашему превосходительству докладывать"), обсудят все с барыней, тогда повар с кондитером за заказом придут – Артюшка и Астюшка – стоят спина к спине, к барыне боком, чтобы в глаза ей не глядели...»

И так с каждым вынимаемым предметом оживал кусочек из прошлого...

Вот веер из кружева, залитый кофе – это Мусоргский вылил его на платье *Lidie*, пострадал и веер. В числе поклонников *Lidie* был и Мусоргский, он часто бывал у них в доме, играл свои вещи и очень часто бывал пьян, что всячески старались скрыть от *taman*.

Лорнетка... Егоровна любит рассказывать, как моя бабушка (родная) влюбилась в дедушку: «И стали это Лев Николаевич частенько в Вишенки наезжать, они в ту пору из полка в отпуск к папаше в Чегодаево приехавши были. Дело молодое, лето, соседи к тому ж... Приедут, сейчас с Степаном Федоровичем в карты-пикет играют, сидят на балконе, а Елизавета Степановна по цветнику прогуливаются, платье белое с криолином, и цветочки нюхают. Сразу-то неловко к барышне пойти, а так будто и не к ним... А потом и пойдут по парку гулять. Ездил, ездил и присватался – сначала к ней, не по форме, значит, вышло! Рассерчал барин, – а узнал про то так: уж как время пришло в Питер ехать, изъяснился Лев Николаевич. Сидели они в беседке, что у пруда, и на лорнетке барышней нацарапал: Леон – Лиз (*Leon – Lise*), вместе связаны и по-хранцузски написано: *a жамес...* люблю, мол, и сватаюсь, а барышня-то от любви в рассеянности пребывали, лорнетку-то эту в гостиной на столе и забыли, а Степан Федорович ее заприметили, подпись прочел и осерчал... "Отец я или нет? – говорит. – Замуж не выдам, в дальнюю вотчину сошлю..." Страху нагнал – вечером барышня в слезах казачка Антипку с запиской в Чегодаево послали, что беда, мол! Глядим, на другой день в карете Лев Николаевич с папашей Николаем Васильевичем и с букетом жалуют... Поладили...»

IV

Одно из платьев мне почти впору... широкая юбка в рюшах из грого¹рана цвета крем и обтяжной лиф декольте без рукавов: по-видимому, 40-ые годы. Я люблю иногда, сделав высокую прическу как на старых дагеротипах, расхаживать выходцем из прошлого по полутемной зале, когда бабушки уже разошлись по своим комнатам. Загляну к Егоровне. «Ах ты, краля моя! Впору тебе на бал в Питенбурх, в штап, в танциях в первой паре, краля, ей-Богу...» — умиляется надомной Егоровна, она вообще преувеличенного мнения о моей красоте — стара, плохо видит... Повесила у себя на стене открытку с изображением Лины Кавальери, которую я как-то прислала кому-то из Москвы, и никто не мог разубедить ее, что это не я... «Наташенька как есть, — твердила Егоровна, — вся видимость и глаза, нешто я не вижу! Наташенька!» Так и висела Лина Кавальери над зеленым сундучком рядом с выцветшей от времени карточкой двух бабушек и коротала с нами вечера...

Певица Лина Кавальери

В зале почти темно... только одна свеча в старинном подсвечнике на трюмо освещает большой диван углом, линючий фон штофной голубой портьеры и меня в зеркале — меня ли? Нет, это мой двойник смотрит пытливо и даже строго из темной зеркальности трюмо, в старинном мире... и старинной прическе, но с новым не бабушкиным и не моим лицом — немного

¹ *рюш* — полоска из тюля или иной материи, сложенная в складки и служащая украшением женских нарядов; *гrogан* — плотный шелк

страшно, зеркало стало глубоким... Двойник! Он ждет от меня обещаний!

Вздохнула... пламя свечи метнулось, и что-то бесшумно задвигалось в зале, стало беспокойно в темных углах. Ухожу к себе тихонько на цыпочках, боясь потревожить бабушек. ~~Раздеваюсь, перечитываю письмо от Лены (моей подруги), полученное сегодня утром — зовет в Москву. Безумно влюблена в 20-й раз! Берет уроки пения — меня ждет с нетерпением. Саша Безобразов~~ ~~Жорж Смиренский~~ просит вернуться и написать ему словечко...

Кашляет бабушка, гашу свечу и кутаюсь в одеяло. Воеет собака, откликнулась на деревне другая, третья, жутко что-то скрипнуло в зале...

Маша говорила утром, что у нас в лесу прячется беглый каторжник, рожа у него страшная и бубновый туз на спине. Не уехать ли завтра в Москву? Электричество, театры, друзья... А теплая бархатная морда моей лошадки — кто даст ей сахару и погладит?..

Стало уютно и не страшно при мысли о вороном «Мельнике». В Москву не хочу... Мельником мою лошадь зовут в честь красавца мельника Василия — он был большой знаток лошадей, и бабушки ему поручали купить моего вороного.

V

Васильевский дом стоит на берегу речки Скниги. Перед домом заливчик, в нем лодка и пристань-беседочка с флагом. Речка не широкая, очень извилистая, держится плотиной на водяной мельнице.

Лодочка легкая, и я охотно езжу одна. Гребу сама, люблю ездить в сторону мельницы; из последнего изгиба речки въезжаешь точно в озеро — широкая заводь, слева плакучие ивы купают свое серебро в воде, справа — остатки елового леса и сосны: высокие, странно изогнутые — ветки похожи на руки, они растут у самой воды и совсем не похожи на приветные лесочки, которых так много кругом с рыжиками и белками. Но только не хочется подъехать на лодке поближе или вылезти на

Васильевское. Х/м. Частная коллекция.

Автор: предположительно Лев Николаевич Кругликов. Изображена Елизавета Степановна Кругликова (рожд. Любавская).

берег – какие тут рыжики, как бы леший не заорал из корявого пня – налегаешь сильнее на весла, спеша проехать это неудобное место – Бог с ним!

Вот плотина и домик мельницы, немножко таинственный, как вся мельница.. Привязываю лодку и иду по плотине – она слегка вздрагивает под ногами от напора воды, которая подходит с одной стороны в уровень шлюза. А с другой стороны – омут и два мельничных колеса, на которые падает с ревом вода и крутит их, бурля и пенясь. Бурливо только около колес, а омут страшно тих и темен, даже круги идут по нему как-то неохотно... Говорят, в нем дна не достать! И утопленники живут в нем, от того вода в нем черная, без отражения... Как это утопленники живут? Всплывают или ходят? Кто их видел? А вдруг сейчас покажется?!

«Здравствуйте, Наталья Владимировна,— вывел меня из задумчивости мужской голос — это Василий, старший работник на мельнице.— Гуляете, или по делу какому к Анне Ивановне приехали?»

«Здравствуйте, Василий. Нет, без дела, на лодке каталась и к Вам отдохнуть зашла!»

«А Вы что же это сами гребете, утруждаетесь? Руки помогите, далече до нас-то! Егора бы взяли».

«Нет, я люблю сама, это только верхом меня без Егора не пускают, а на лодке не страшно!»

«Ну, это как сказать!»

О чем это он? Я опасливо смотрю на омут и на небо, по которому уже уходит августовский день.

«Может быть, в избу к Анне Ивановне пройдете, чайку откупать?»

«Нет, спасибо, Василий... Мне хочется вниз, к колесам. Можно?»

«Отчего не можно, пойдемте».

Мы спускаемся по круче вниз. Жутко и сладко стоять у водопада с опаской, что река вырвет шлюз и затопит нас в омуте...

«А ночью здесь страшно?» — спрашиваю я Василия.

«Бывает и страшно»,— неожиданно для меня отвечает Василий.

Значит, правда про утопленников! Но дальше расспрашивать почему-то не решаюсь, становится жутко, и сам Василий такой странно красивый, какой-то нездешний, высокий, спокойный, с тонким правильным лицом и большими желто-серыми пристальными глазами, он весь в муке, оттого кажется очень бледным и алебастровым, совсем не походит на старшего рабочего. «Оборотень!» — шевелится где-то в глубине...

Карабкаемся вверх. Василий не решается подать мне руку, чтобы не запачкать меня мукой, да и вообще.

Анна Ивановна, толстая мельничиха, арендует у бабушек мельницу и живет тут же в избе с массой икон, чисто убранной широкими полотенцами и расписной посудой на полках.

Говорят, она «живет с Василием». Это не очень укладывается в моем представлении. Живет? Т. е. влюблена? Анна

Ивановна! Эта толстая баба с круглой головой и круглыми глазами влюблена в красавца Василия, белого, похожего на марморного Диониса...

Вон она идет, точно плывет, слегка покачиваясь. Подошла к нам, поздоровалась приветливо со мной – спросила о здоровье бабушек... Повела глазами на Василия и куда-то его услала...

Лицо круглое, румяное, глаза тоже круглые, умные, и брови несколько строго сдвинуты, волосы на пробор причесаны и гладко до блеска припомажены, большой пестрый, но не яркий платок с бахромой кутает голову и низко спадает на фигуру, прикрывая ее толщину...

Ей лет 35! «Как же это так: влюблена такая толстая?» – думаю я, отвечая на ее вопросы...

«Чайку не зайдете ли откушать? У меня самоварчик поспел... Может, лепешками деревенскими не побрезгуете?»

«Спасибо, Анна Ивановна, другой раз – боюсь, поздно будет, ведь я одна...»

Вечерело... Вода особенно ярко блестела под лучами уже опускавшегося за лесок солнца. Около мельницы стояли телеги и суетились белые люди, шум жерновов и колес глушил, мешал говорить – работа кипела, люди громко перекликались, таская мешки.

На пороге появилась фигура второго работника на мельнице, Ивана – несмотря на то, что и он был весь в муке, как и все, он производил впечатление черного корявого пня... Маленького роста, приземистый, с несуразно длинными руками, с большими кистями рук и плохо сгибающимися пальцами на похожих на ветки коротких кривых ногах, с большой головой, торчащими жесткими волосами неопределенного цвета и волосатым лицом, он мне казался не то пнем, не то лешим... И голос у него корявый и скрипучий – так в непогоду скрипит что-то в дуплах старых деревьев... Говорят, у него жена была да умерла не своей смертью, а теперь он будто на Анну Ивановну зарится... Ну, мало ли что говорят люди...

Прощаюсь с Анной Ивановной. Целуемся с ней, и она как-то устремленно и неумело подает мне неприятно пухлую, но маленькую белую и веснучатую руку... Вышел Василий,

помогает мне отвязать лодку. Солнце уже и не видно за лесом, только яркий веер лучей раскрылся в небе и вода стала меньше блестеть и порозовела...

Спешу домой...

«Я провожу Вас, барышня, если желаете, — предлагает Василий. — Только, боюсь, как бы мукой Вас не запачкать!»

«Нет, спасибо, Василий, не надо! Я люблю сама грести, до темноты как раз успею до дому добраться».

«Ну, если не боитесь, что я мукой Вас замараю, так я хоть до поворота Вас проведу — заводь широкая, все меньше устанете...»

«Чего, Вася, навязываешься, коли барышня не желают... Только лодку мукой отделаешь... Ступай, умойся. Я, чай, и самовар-то давно заглох».

«Мне, Анна Ивановна, всё равно вершу посмотреть надо, я ее наемни у заворота закинул... Заодно и барышне помогу...»

Анна Ивановна недовольно поджала губы и ничего не сказала... Я села на руль, и Василий, оттолкнув лодку от берега, ловко прыгнул в нее. Она зашаталась в розовой водяной глади, и мы поехали. Анна Ивановна неохотно повернулась, чтобы уйти, и поплыла по плотине, не оглядываясь на нас... На берегу стоял, как напудренный пень, Иван...

«Василий, правда, что Иван кровь заговаривает?»

«Правда. Я сам видал, как наемни корове вилой бок пропороли — ветеринар ничего не мог сделать, так и хлещет кровь... Ивана позвали — в один момент остановил».

«А правда, что он напасть насылает? Говорят, он у Домны корову заговорил — она не могла отелиться и сдохла...»

Василий загадочно улыбается, от чего его лицо делается еще красивее, и неуверенно отвечает: «Не знаю, бабы что и придумают...»

Солнце ушло. Веер на небе побледнел, а вода в заводи розовая, розовая, и капельки с руки, опущенной в воду, розовые, как турмалины, и Василий розовый.

«Мраморная ожившая статуя», — думаю я с восторгом...

Вот и лозняк у поворота, где Василий привязал вершу. Причалили. Василий вышел на берег и вдруг мучительно закашлялся, держась за грудь рукой, и платок, который он

прижал ко рту, окрасился кровью. Снял шапку и бережно толкнул лодку.

«Счастливо оставаться, барышня...»

«До свидания, Василий, спасибо!»

Села на весла... За поворотом речки скрылись и заводь, и мельница, и Василий... Темнело. Небо еще алело зорей, а лиловый вечер уже наклонился над рекой. Сразу стало прохладно, запахло илом... Несколько отставших розовых коров еще пили лиловую воду, ребяташки хлестали их по розовым бедрам длинными хворостинами, и детские голоса звонко кричали: «Буренка, буренка».

Бабье лето ненадежное, налезли серые тучи, низко повисли над землей и стали дождь проливать – льет день, льет два – размыл дороги, серую сетку на землю опустил, но почему-то тепло и еще верится в солнце. Сажу дома, читаю, шью и смотрю в окно сквозь серую сетку дождя на лес, на серую ленту речки и на астры, зябко пригнувшиеся к земле. Скучно без Мельника, даже сахару ему не ношу, мокро и вязко.

Маша говорит, что в омуте уже два раза утопленника видели, не к добру! В понедельник сама Анна Ивановна видела под колесом. «Темнеть стало, послала, это, она за Василием, да и загляни под колесо, нету ли его тама, – рассказывает Маша, понижая голос почти до шопота. – Глянула, а там утопленник: лицо синее и глаза выпучил, испужалася ужасно! Бежать – ноги не идут, кричать – голос отнялся. Спасибо, Иван объявился да и свел ее в избу, обмерла вся, еле отходили! А вечер наши девки Рождественские Дунька Ягорова да Машутка, чо у Вас летось служила, шли из Яковлевского домой, да и спустись к омуту ноги ополоснуть, а из-под ракиты как выплывет упокойник, пухлой, страшной. Они бежать духом, без оглядки!»

Уже короткий сентябрьский день, серый и дождливый, незаметно погас и перешел в темный, темный вечер, а дождь лил еще сильнее, шумел по-весеннему – бежали ручьи, из переполненных бочек под водосточными трубами с шумом падала вода на дорожки, хлестало в окна. К ночи зарницы стали рвать

край неба, и из абсолютной темноты на миг вырывались то деревушка, то лес в огне... А дождь лил все яростнее, сплошной стеной. Наконец прокатился гром и синие стрелы молнии засверкали по всему небу – еще удар, еще и еще... Дрожат стекла и что-то в груди.

Я люблю грозу – что-то радостно откликается ей внутри... Но сегодня рассказы Маши об утопленнике как-то жутко настроили – не спится. «Верно, Егоровна или кто-нибудь из бабушек зажег уже страстную свечу», – от этой мысли страх проходит, и я засыпаю под шум непрерывного дождя...

Рано утром меня будит Маша: «Барышня, на мельнице плотину прорвало! Что делается, страсть!»

Открываю глаза – Маша отдернула шторы, и серый неприветливый день глянул на меня: все так же бежали серые низкие тучи, но дождя не было. Слышался какой-то странный, тревожный и неприветливый шум – это река так шумит?

«Идем, Маша, посмотрим».

Я быстро одеваюсь, повязываю голову платочком, и мы с Машей берегом идем к мельнице... Шум всё резче и страшнее. Какое-то чувство жути заставляет вас молчать... Кажется, что река превратилась во что-то живое, сбросила оковы и теперь как бешеный зверь бросилась вперед, ломая шлюз и плотину... Вот и мельница – толпятся люди, ахают бабы, мужики почесывают затылки, дети боязливо жмутся к старшим, но все чувствуют себя беспомощными и ничтожными перед этой бешеной водой и как-то прилично стоят в сторонке... Плотина прорвана, река с ревом, стоном, шумом летит через плотину в омут, там целый ад! Бурлит – пенит, крутит серо-зеленая вода, нет, не вода, а какие-то раскованные водяные духи. Разве можно сказать «вода» про эту мечущуюся массу пены, ревущую как 1000 зверей... Стою, зачарованная и красотой, и страхом... Василий, бледный и мокрый, беспомощно мечется, отдавая какие-то распоряжения, в которые сам не верит, и с тоской смотрит на водопад... Анны Ивановны не видно вовсе... Мысль об убытках, верно, ее совсем придавила. Как же это случилось? Не открыли шлюз вовремя? Не ожидали такого дождя? А где же Иван... Это его злой дух всему виной... Проклятый леший!

Я забыла о бабушках, о доме и не могу оторваться от этой стихии... Прислали Егора за мной в тюльбери¹ – надо ехать...

Бабушки взволнованы. Рассказываю им всё, что видела... День проходит тревожно – и ночью не спится, рев уже слабее, но все еще тревожит ночь и волнует, и в глазах все зелено-пенный ад...

Утро – светло – солнце! Река ушла – тихо... В глубоком русле мирно течет ручеек, шурша по белым камушкам, по которым легко перейти на другой берег.

Жалко реки, грустно... но светлый день мирит со всем...

Погода установилась ясная и теплая, с синего неба повисли серебряные нити паутины. Мы с Машей ходили в лес за грибами, сад золотой, алеет рябина и пахнет дымком...

Говорят, Василий заболел и слег, простудился. Была у бабушек Анна Ивановна – пришла рассказать о случившемся и поговорить об арендных делах. Чинно сидела в комнате у бабушки Лидии Васильевны, которая ведет хозяйство, чинно и медленно пила чай в прикуску, предварительно долго от него отказываясь – пила истово, чашек 7–8. После каждой выпитой чашки переворачивала ее дном кверху и клала сверху недоеденный кусочек сахара. После 8-ой чашки вытирала платком пот со лба, но не помогало, и крупные капли блестели на лбу и висках – она сидела как изваяние, не меняя позы, не вынимая рук из-под черной шелковой шали в красных розах... Говорила деловито и мерно: Василий заболел – 2 раза доктора из Серпухова звали, говорит, воспаление в грудях, но обещался вылечить...

Бабушки дают советы, как лечить Василия, снабжают Анну Ивановну ватой, клеенкой для компресса, портвейном, и Анна Ивановна выплывает, перекрестившись на образ пухлой рукой...

Прошло 3 дня – Василий умер. По просьбе бабушек еду на мельницу. Визит *de condoleance*²... Егор меня сопровождает... Чтобы сократить путь, мы переехали вброд на ту сторону реки и поехали лугом, а не берегом, чтобы не повторять извилины реки.

¹ Легкий конный экипаж (двуколка) для прогулок

² фр. соболезнования

Осенний день, серенький и унылый, точно притаился. Лошади идут бодрой рысью, мой Мельник сердится и рвется – точно чувствует, что я против обыкновения не радуюсь вместе с ним прогулке. К луке у меня привязан пучок лиловых астр.

Приехали... Отдаю лошадь Егору и иду к домику Анны Ивановны. Около крыльца собрались бабы, больше старухи, о чем-то шепчутся, качая головами. Две, особенно дряхлые, стоят у крышки гроба, что-то рассматривая на ней. Почему-то непонятный страх от этих зловещих старух заставляет меня остановиться и малодушная мысль: «А не вернуться ли домой?» – соблазнительно мелькает в голове... Но я отмахиваюсь от нее и притворно бодро иду сквозь строй старых ворон в избу...

Тихо, чисто... Головой к образам, перед которыми горит 3 лампадки, лежит на столе Василий. Закрит простыней, только лицо видно. Лицо такой изумительной красоты, что и мысль о смерти, и жалость к Василию – все уступило место высшей радости от высшей гармонии... Но ненадолго. Смущенно подхожу к Анне Ивановне, которая в черном платке с заплаканными глазами о чем-то тихо говорит в углу с монашкой... Не знаю, что сказать, и почему-то прячу пучок своих астр в хвост верховой юбки, который держу в левой руке.

«Бабушки очень опечалены, Лидия Васильевна предлагает лошадей и экипаж, если нужно...»

«Покорно благодарю, от лошадей не откажусь, премного обяжете. Милости прошу завтра после погребения помянуть душу раба Василия – блинков откусать...»

Вошел священник и с ним старухи, и опять зашептались – будет панихида. Я спешу уйти...

На плотине работают плотники, молчат колеса... Умерла мельница. Иду к лошадям. Егор подсадил меня в седло.

Откуда-то, точно из-под земли, вырос Иван. «Цветочки обрости», – поднял он мои упавшие астры.

«Жаль Василия», – говорит Егор, усаживаясь на свою лошадь.

«Да, как мне показалось, – злорадно скрипит Иван. – Был, да весь вышел. В селениях праведных упокоится».

Стало противно, и, не простившись с лешим, мы уехали с мельницы... За поворотом надо подняться в гору, лошади шли шагом.

«А не без того,— говорит мрачно Егор,— чтоб Василия Иван зельем опоил и уморил».

«Что ты, Егор! Он чахоточный был! Простудился...»

«Чахотка сама по себе, а смертью он не своей помер — это верно... Иван в хозяева пробирается, сватов засылать будет к Анне Ивановне, домового да лешего...» — смеется Егор.

А мне не смешно...

Поднялись на гору — опять видна мельница, омут и черная корявая фигура Ивана на плотине...

Ударил лошадь... Испуганный Мельник поскакал по дороге к лесу, ветер свистел в ушах, на луке мотался, осыпаясь, пучок лиловых астр...

26-ое августа — Натальин день — день моих именин. Бабье лето в разгаре: на клумбах горят канны, пестрят георгины и царят астры... Осины и березки уже в золоте, рдеют листья кленов, паутинки висят в воздухе как нити пряжи таинственных ткачей, грустной нежностью к миру полна душа... В доме везде букеты астр и яблоки... Пахнет хмелем, и по утрам долго не уходит туман с речки и луга... Я люблю осенний день своего Ангела...

Накануне из Москвы приехал папа и привез целую кучу корзинок, коробочек, пакетиков. Все это любовно сам разворачивал, не доверяя никому; сортировал привезенные помидоры, раскладывал виноград и аппетитно отдавал распоряжения, что на лед вынести, что в кладовые, что в шкаф, что на окно на солнышко.

Приглашалась кухарка Валентина, которая считала себя почти барыней, так как была дочерью дьякона, но вышла замуж за простого работника и за этот мезальянс была изгнана из родительского дома и жила у нас много лет кухаркой, сохраняя барский вид и любовь к мужу, который был на 10 лет моложе ее и изрядный негодяй.

«Валентина Ивановна,— говорит папа,— вы завтра помидорчики с утра нарежьте и посолите, чтобы сок пустили, только укусом Боже сохрани поливать! Перчику немножко,

а уксусом только дохнуть потом – понимаете? Брызнуть еле-еле, как вздох... Потрошки из перепелов набросьте заколевать их – и на блюдо... Сметана в подливке чтобы розовая была...»

Объяснив вдохновенно Валентине именинное меню, дает директивы маме насчет десерта и убранства ваз с фруктами.

«Папа, – смеюсь я, – у тебя *vocation manqué*¹ – тебе бы метрдотелем быть».

26-го, как всегда с моих юношеских лет, ожидается большой съезд соседей в Васильевское.

Накануне я любила смотреть, как из стенного шкафа в большой передней вынималась парадная посуда – это делала всегда Марья Васильевна, а после ее смерти Лидия Васильевна с Егоровной. Этот шкаф открывался редко, только в торжественных случаях, и казался мне немного таинственным. И запах у него был свой особенный – я как старых друзей детства приветствовала 2 цилиндрических фарфоровых жбана с позолотой по краям и двумя золотыми бараными головами вместо ручек – это для маседуана²; большой саксонский чайник с тюльпанчиком на крышке, такие же тарелочки и чашки. Без всего этого именины не мыслимы, конечно...

Барометр упал, и все в тревоге, что будет дождь – тогда прощай фейерверк и живые картины на террасе – Лиза Кругликова любительница их устраивать, всегда придумает что-нибудь остроумное и изящное.

«А господа нынче вечером чудить будут?» – спрашивает пастушонок Егоровну, помня, вероятно, прошлогодние картины...

Фейерверк в ведении мальчиков, репетитора и Егора – папа привез из Москвы ракеты, солнца, шутихи... И дома собственными средствами сделали много, в бывшей оранжерее целая лаборатория...

Нет, дождя не будет! Что барометр, когда у Лидии Васильевны не болит поясница, а у Егоровны не чесалась ни

¹ фр. упущенное призвание

² Маседуан (фр. *Macédoine*, букв. Македония) – салат из овощей или фруктов.

голова, ни переносица. Дни стоят яркие, в осеннем золоте точно лаком покрытые. Накануне именин Егоровна и Маша поздравляют меня с «преддверием», причем Егоровна целует в плечо и желает жениха и исполнения желаний...

26-го утром, одетая во все белое, спешу, чтобы не задерживать никого с утренним кофе, так как знаю, что сегодня без именинницы не сядут за стол... Выхожу, — в зале нарядно накрыт стол, везде цветы, над балконной дверью гирлянда из дубовых листьев и на паркете от двери моей комнаты к балкону разбросаны цветы. Бабушки в светлых платьях дарят что-нибудь милое, старинное...

Поздоровавшись со всеми, выхожу на балкон для очередного номера, который к неудовольствию бабушек повторяется из года в год: при моем появлении на балконе раздается из кустов ружейный залп — это братья, репетитор, Егор и еще кто-нибудь из товарищей братьев встречают меня салютом. Балкон тоже украшен гирляндами и моими инициалами над дверью... Пьем кофе с желтым кренделем. Я тронута вниманием ко мне отца, но и немножко неприятно от всего этого — зачем так много внимания в дни празднеств, когда в повседневной жизни мы так далеки друг от друга...

Егоровна пришла доложить, что меня пришли поздравить «люди»... Иду в буфетную, где накрыт стол и приготовлены пироги, наливка и водка... Пришли все служащие у нас и кое-кто из крестьян из деревни — папа непременно требует, чтобы я сама угощала их пирогами, мужиков — водкой, и баб — наливкой. Я не люблю этой процедуры, но так полагается.

*Е. С. Кругликова.
Портрет сестры Натальи.
1912. Цв. акватинта. 34×25*

Обедаем в этот день пораньше, так как к 5-ти часам уже можно ждать съезда гостей. К обеду приходит отец Леонид – священник нашего села Рождественна – очень хороший, кроткий и добрый человек с благостным лицом святого. Приезжает наш земский доктор Кедров – грузный, с гривой волос на голове, вечный студент-либерал. От его интеллигентского либерализма пахнет деланностью и несколько тенденциозным проповедническим стилем толстых левых журналов... Любит водку и после нескольких рюмок начинает ругать земство и уверять, что все мужики – жулики и мошенники и что лечить-то их, сукиных сынов, не стоит...

После обеда мама всегда сама делает салат *Olivié* к ужину и маседуан, заливая сырые фрукты сиропом с вином и мараскином¹. Под руководством отца Егоровна, Маша и 2-ая горничная рыженькая Наташа накрывают на стол, расставляя дыни, вазы с фруктами, печенья к чаю. Маша и Наташа деловито бегают, шурша накрахмаленными юбками... Репетитор, братья и Егор заняты приготовлениями всяких приспособлений для фейерверка, укрепляют какие-то столбики на другом берегу речки как раз против балкона. На крытой террасе уже готов занавес-кулисы. Поставлены скамейки для зрителей ожидаемых живых картин... Кое-кто приехал из Москвы – Саша Безобразов, конечно.

Иду переодеться в платье попараднее – скоро 5 часов... Вот слышен колокольчик... «Чегодаевские едут», – заявляет Маша, по тону колокольчиков знает, конечно, всех ближайших соседей... И действительно, через 10 минут въезжает во двор долгуша или линейка тройкой... Приехали Кругликовы. Сергей Николаевич – брат дедушки Лёвушки, высокий, прямой, точно палку проглотил, в форме отставного генерала, его жена и дочери. Лиза² – и тогда уже довольно известная художница, Маня и Наташа. Иногда их брат инженер³. Наташа на 4 года старше меня, но именины празднуем всегда у нас в Васильевском, так как никто не любит неприветливого духа Чегодаева,

¹ *фр. marasquin*, ликер на горьких вишнях.

² Елизавета Сергеевна Кругликова, см. стр. 18

³ Николай Сергеевич Кругликов, см. стр. 67

который создает там Сергей Николаевич своей легендарной скупостью, за которую мы прозвали его *oncle Harpagon*¹. Опять колокольчики – из Яковлевского приехали! Бросилась Маша на парадное крыльцо, Егоровна тоже всех встречает на крыльце.

Из большой коляски, старомодной, с гербами, выгружают генерала, разбитого параличем – П. О. Рубан. Его супруга Екатерина Николаевна точно прямо от Фамусова с бала приехала: в шали из *chantilly*² и такой же наколке на голове важно выступает: лицо надменное, красивое, один глаз прищурен – она очень *bien née*³, и Яковлевское чудесное имение с парком, прудами, большим барским домом, нелепым, но милым, принадлежит ей. С ними приехали их дети: Катя – моя подруга, очень похожа на мать, но гораздо симпатичнее, и 2 ее брата. Петя – наш общий приятель, студент, и старший Саша – наби-тый чванством щеголь.

В английском шарабане в шорах, с лакеем на запятках Н. П. Николаев – элегантен до последней степени. Привез мне чудесных цветов и фруктов. Бабушкам – французских книг. Говорит по-французски как парижанин, отчего бабушки совсем растаяли... Опять колокольчик – это Давыдовы из Новоселок. Константин Иванович, или как его зовут бабушки, Костенька, толст неимоверно – задыхается, кашляет, сморкается и застенчиво смеется. Это старый друг и сосед с незапамятных времен – деликатный и милый человек, но, увы, после смерти жены женился на гувернантке своих сыновей, очень неприятной женщине. Морфинистка – бледная, злая и неудачно разыгрывающая *grande dame*⁴... И 3 сына Константина Ивановича пламенно ненавидят мачеху и проявляют большую изобретательность в способах ей насолить... Старший, Костя – робкий, неумный офицер с красивыми руками. 2-ой, Витя – наш приятель и завсегдатай в Васильевском, его выгнали из 5 учебных заведений, и он засел в деревне. Умный, начитанный, с очень

¹ Гарпагон, главное действующее лицо пьесы Мольера «Скупой».

² французские кружева, происходящее из города Шантильи

³ фр. благородна (аристократична)

⁴ фр. госпожа

своеобразными взглядами на мир, талантливый каррикатурист, поэт... Много мы с ним спорили, говорили обо всем на свете, уютно сидя на старинном диване в Васильевском зале в дождливые дни, или философствовали, сумерничая на балконе. И 3-ий, Володя – 17-летний оболтус, незаменимый в кавалькадах как конюх и невозможный как конюх в гостиной. Он, правда, держится в сторонке, явно страдая от того, что в гостиной ему ужасно мешали его собственные ноги и руки – он не знал, куда их девать. У Вити странная манера одеваться в парадные дни, и я страдаю за его слишком светлые штаны, визитку необыкновенного покроя и абрикосовый галстук...

«Палибины!» – докладывает Егоровна. Муж, жена и брат мужа – все очень милые. Она – маленькая блондинка с лорнеткой, приветливая и изящная. Ее муж Ал. Ник. мне очень нравится – среднего роста, несколько бледен, с красивыми, всегда печальными глазами, даже когда он улыбается, держит себя с той изысканной простотой, которая дается воспитанием и хорошей породой... Брат его Аркаша – худенький правовед, почему-то всегда нагружен чьими-то шальями, зонтиками и сумочками – иначе не могу его себе представить.

Пришла Маша – дочь отца Леонида, некрасивая, вернее, полинявшая, не очень молодая девушка в кисейном платье по моде, бывшей лет 10 назад, с розовыми цветами в волосах. Она смущена большим обществом, здоровается, подавая руку как-то забавно сверху вниз – лебедем. Спешу ее подвести к более знакомым ей людям и усадить.

Наконец, наши ближайшие соседи, сравнительно недавние – Туликовы. «Сам» и его воспитанница Наташа. Он – *parvenu*¹, неизвестно кто и откуда, ловкий богатый человек. Купил имение – очень милый забытый уголок, межа с межей с нашим лесом по ту сторону речки. Жили там две старушки, напоминавшие Максимовское «Все в прошлом». Доживали они тихо, одиноко в деревянном доме с колоннами в запущенном саду. Тихо жили и тихо умерли. Налетел после их смерти какой-то гусар – посмотрел, пошумел, продал имение и увез с собой дочь приказчика...

¹ фр. добившийся успеха, разбогатевший; выскочка

Купил этот заповедный уголок Туликов. Он очень старался поддерживать знакомство с нами. Был очень любезен. Добившись денег и имения правдами, вернее, неправдами – почил на лаврах. Много читал, любил говорить о поэзии и цитировать какого-то Фердуси... Мы его за это так и прозвали – Фердуси... В доме с колоннами в гостиной 40-х годов все осталось по-прежнему – и узкие трюмо, и старые гравюры, и пузатые шкафчики. Только в вольтеровском кресле сидела Марья Ивановна в турецкой шали – безмолвная забитая супруга Фердуси, гораздо старше него...

Наташа, воспитанница Туликовых, крупная блондинка, страшно застенчивая, ежеминутно вспыхивала румянцем – краснели уши, даже шея. С круглыми птичьими без выражения глазами была все же мила свежестью и какой-то новизной – землей пахла. Фердуси с гордостью смотрел, как она в нарядном платье беседовала с молодыми людьми, и, подходя к ней, шептал: «Наташа, сыграй на рояле *ля шас о льон*». Впоследствии, когда Марья Ивановна умерла, Туликов женился на Наташе, хотя был на 25 лет старше ее.

Коншины... 2 брата и 2 сестры. Фабрика Коншинской мануфактуры была в Серпухове, а они жили летом в своем имении Липецках в 10 верстах от нас. Оба брата высокие, стройные, знаменитые наездники, да и сестры в этом искусстве не отставали. Братья были совсем американцы, хоть у Николая часто вылезала русская подкладка купца-самодура, когда, например, после шампанского на своем премированном гунтере¹ въезжал на высокую лестницу Липецкой террасы и ездил по комнатам. Обидно было за его рыжего красавца Кади. Сестры были милы, приветливы и улыбались озаряющими улыбками, за что мы Капу звали «солнышком».

Вот и все, кто обыкновенно бывал 26-го в Васильевском.

После чаепития в гостиной раскладывались ломберные столики, и старики и мама, конечно, засаживались за винт... В цветнике мелькали светлые платья. На балконе на маленьких столиках ели из старинных чашек масседуан. У меня в комнате шли приготовления к шарадам и живым картинам,

¹ английская порода верховых лошадей для охоты и скачек

*"Живые картины". Сцена
из Евгения Онегина [Сош]*

распределялись роли и делали репетичку. На стульях лежали какие-то чалмы, тарлатаны, старые занавески с кистями, коричневый фрак, малороссийский костюм, юбки, старые занавески с кистями. Что-то наскоро шили. Всем руководила Лиза...

Стемнело. Все приглашаются к крытой террасе и размещаются на поставленных для публики скамьях и садовых креслах. Над зрителями колышется на протянутых проволоках японские фонарики, пестря ночь красивыми огненными пятнами. За занавескою слышен смех и выглядывают загримиро-

ванные рожи, подстрекая любопытство зрителей... Началось... Всегда Лиза придумает все остроумно и художественно – все довольны. Один раз устраивали спектакль, но это, кажется, понравилось больше нам, участникам, чем зрителям.

После зрелищ все приглашались на открытый балкон у главного фасада дома, который выходил на цветник и речку... Тут начиналось торжество наших пиротехников... Фейерверк бывал замечательный. Так как он устраивался на самом берегу речки, то и вода сверкала огнями... Каждый взлет и разрыв ракеты сопровождался громким «ура!» толпившейся у забора деревенской молодежи, пришедшей посмотреть, как чудят господа. Тем временем в зале накрывали столы в форме «П» к ужину. Ужин проходил весело. Витя Давыдов, сияя розовым галстуком, говорит тост, иногда в стихах. За столом 3 именинницы, что особенно подбивает на речи и тосты. Не всегда удачные, но тем веселее!

После ужина с помощью молодежи быстро убираются столы, раздвигается мебель и начинаются танцы. Зала довольно

большая, паркет Егор постарался, натер на славу! Дирижирует папа, он мастер этого дела... Открывают бал именинницы вальсом... Хорошо танцевать вальс с Палибиным: никто так хорошо не танцует, как он!.. У Вити Давыдова почему-то развеваются фалды визитки, и он похож на грача... Володя Давыдов танцует только вальс в 2 па и с таким азартом носится по зале, что все в ужасе расступаются, а бабушка Лидия Васильевна с тревогой смотрит на вазы в углу... Аркаша, путаясь в чем-то розовом шарфе, танцует чудесно... Кадриль. Папа с большой дисциплиной устраивает всякие фигуры, длинной цепью бежим через длинную переднюю с ларями, через буфетную, корридор, бабушкину комнату и гостиную, к неудовольствию играющих в карты, и опять в залу. *Grand rond*¹ со всякими трюками, на которые у отца неистощимая фантазия... Маша выступает в кадрили павой, держа руку лебедем... Наконец, мазурка. Тут ничье сердце не выдерживает... Константин Иванович в первой паре с бабушкой Лидией Васильевной. Несмотря на толщину и угрозу умереть от разрыва сердца, танцует отлично. Одним словом, у всех мазурка зажгла жизнь – танцует стар и млад. Старики лучше, только разбитый параличем Рубан прикован к креслу... Стало жарко, несмотря на открытую дверь на балкон. Беру с плеча Аркаши шарф и выхожу на балкон с Палибиным после тура мазурки с ним... Не верится, что август – так тепло и тихо, даже не отцвели еще левкои на клумбах и пахнут по-летнему...

Сошли с балкона, прошли цветники и спустились к речке. В ней так заманчиво сонный ветерок качал звезды, делая из них золотые струящиеся столбики. На берегу у лодки лежат старые гнилые бревна, они все усеяны алмазами: так чудесно светятся гнилушки ночью, точно царский трон... Сели... Перед нами на горке дом сияет огнями, мелькают силуэты людей, в саду догорают бумажные фонарики. Вот вспыхнул один и сгорел. Через открытые двери балкона, баюкая ночь, зазвучал в саду старинный вальс Штрауса.

«Вы долго еще думаете пробыть в деревне?» – спрашивает меня Ал. Ник.

¹ большой круг

«Да, верно, весь сентябрь. А Вы?»

«В этом году придется очень задержаться здесь, так как постройка нового дома затянулась... Вы часто ездите верхом?»

«Да, почти каждый день».

«Я тоже. Почему же я никогда не встречал Вас?»

«Не знаю, я почему-то не езжу в Ваши края...»

«Напрасно, там очень красиво... Вы завтра думали кататься?»

«Вероятно...»

«Приезжайте к Лежановскому лесу. Я Вас буду ждать у сторожевой будки, а дальше поедem вместе...»

Стало хорошо и тревожно – свидание!

«Не знаю... После обеда поздно – темно будет возвращаться, а с утра я не успею вернуться к обеду...» – деланно-равнодушным тоном отвечаю я, чтобы скрыть свое замешательство и тревожную мысль о бабушках и его жене.

Он улыбнулся и, точно прочтя мои мысли, сказал: «Мале запрещена верховая езда после ее болезни, а бабушки едва ли будут иметь что-нибудь против, если Вы раз опоздаете к обеду».

Мне досадно, и я решительно заявляю, что в 10 часов утра буду в Лежановском лесу и даже без Егора.

«Хорошо, – улыбается он моему задору, – я буду ждать вас с 9 часов...».

«Пора идти», – говорю я.

«Вам хочется потанцевать?»

«Нет, здесь хорошо, но меня будут искать, и идти надо...»

«Было бы хорошо, если бы хоть раз в году в день именин можно было бы делать, что хочется, а не что надо», – как-то задумчиво прибавил он.

«А Вы умеете делать, что хочется, когда не надо?..»

«Если Вас это интересует, я завтра отвечу Вам на это...»

Это завтра вдруг запело и засияло как японский фонарик там в саду среди ночи.

«Наташа!» – закричал кто-то с балкона.

«Пошли», – он взял меня под руку, помогая взойти на горку...

Е. С. Кругликова. Поля. Тульская губ. 1918 г. Монотипия. 17×24. Частная коллекция.

Поля под Чегодаевым (Тульская обл.). Фотография 2012 г.

В зале еще продолжали танцевать, сидели на балконе, и старшие уже поговаривали об отъезде, с тревогой вглядываясь в тьму августовской ночи. Около конюшен тоже пировали, еще с утра папа послал туда водки, и закуски, которые наш старший кучер спрятал от греха в карету до вечера... Там что-то горело, облитое смолой – своего рода увеселительные огни, и знаменитая гармоника Егора заливалась, играя марш буланже и вальс из «Фауста», которому он научился у одного из репетиторов братьев, мастера по этой части. Молодежь, не связанная со старшими – Давыдовы, Коншины, Мася и Наташа – затеяли катанье на лодке с фонариками и гитарой... Начинается разъезд гостей. Экипажи поданы, длинным рядом стоят у подъезда. По заведенному исстари обычаю факелами освещают путь до ворот усадьбы. Тревожное пламя мечется, разрывая тьму то тут, то там – лошади испуганы и не хотят стоять.

«Чегодаевские! Яковлевские!» – выкликает Егор о поданном к крыльцу экипаже.

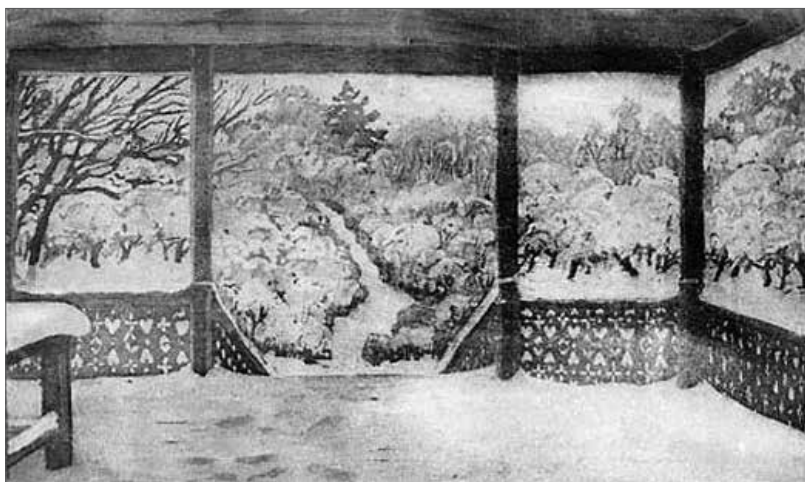
Усаживаются. Молодые – весело, старые – тревожно. В освещении бегающих огней от факелов все кажется фантастическим... Уехали. Только колокольчики, сливаясь, смешиваясь, точно переговариваясь, еще долго тревожат ночь и поля. Праздником 26-го кончался летний сезон. Все уезжают в Москву. Мама с братьями тоже.

Только я с бабушками остаюсь еще провожать осень – люблю ее и в золоте, и серую дождливую с опустевшими полями, облетевшим садом, и унылый напев ее песен в трубе, и стук дождя в окно, и мокрых галок, и кислые антоновские яблоки, и лет гусей...

* * *

*Е. С. Кругликова. Осень в Чегодаеве.
1933 г. Цв. акватинта. Частная коллекция.*

*Е. С. Кругликова. Балкон зимой. Чегодаев.
1918 г. Бумага, акватинта, 14 × 22,8.
Художественная Галерея Фонда поколений ХМАО Югры.*

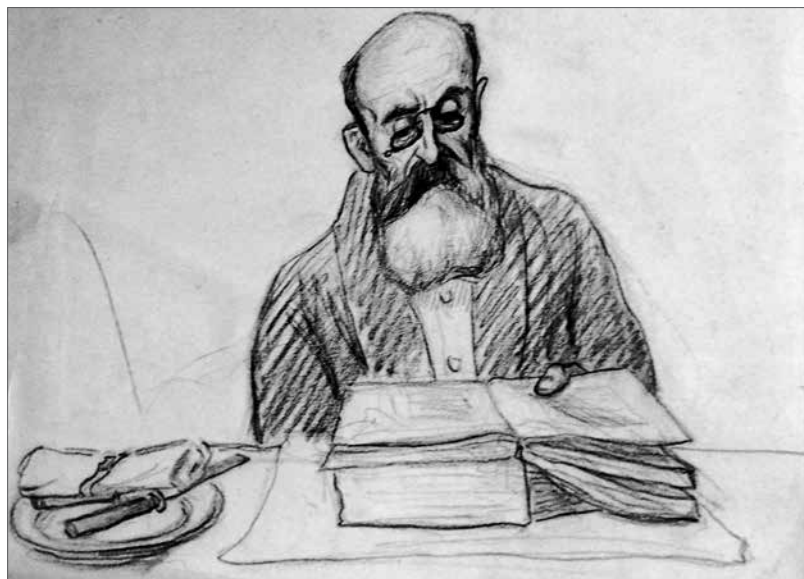

*Е. С. Кругликова.
Интерьер дома в Чегодаеве. 1916 г. Х. м. 64,5×53*

Справа:

*Интерьер в Чегодаеве. 1916 г. Уголь, цв. карандаш.
Моя бабушка. 1904 г. Мягкий лак.*

*Е. С. Кругликова. Портрет отца за вечерним чтением о
Николае I в Чегодаеве. 1903. Б./карандаш.*

*Справа:
Портрет брата. 1906. Б./карандаш.
Портрет матери. Х/м.*

Николай Владимирович Кругликов

Родился в 1871 году в д. Болотовка Кирсанского уезда Тамбовской губернии.

В 1899 году окончил курс наук в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I.

Март 1900 – декабрь 1911 года в службе и ведомстве путей сообщения.

Январь 1912 – май 1916 года начальник службы пути, третий заместитель начальника Варшавско-Венской железной дороги.

Май 1916 – январь 1920 года начальник Томской железной дороги.

Январь 1920 года – откомандирован в Москву в НКПС «для получения назначения по специальности».

1920–1930 инженер путей сообщения акционерного общества "Трансстрой" при ВСНХ.

В 1930 г. обвинен в участии в контр-революционной организации, шпионаже, вредительстве, подготовке террористического акта. Приговорен Коллегией ОГПУ 13.08.1930. Расстрелян 17.08.1930. Место захоронения: Ваганьковское кладбище.

Реабилитирован на основании ст. 1 УПВС от 16.01.1989 г.

◀ *Николай Владимирович с сыном Владимиром*

Николай Владимирович Кругликов

Максим Сергеевич Михайлов¹

В начале 1916 года на Томской магистрали образуется вакансия начальника дороги. И 21 апреля следует доклад за № 1777 начальника Управления железных дорог министру А. Ф. Трепову, в котором он испрашивал разрешения Его Высочайшего повеления «на назначение состоящего штатным по Министерству путей сообщения инженером IV класса, начальника службы пути и третьего заместителя начальника Варшавско-Венской железной дороги, коллежского советника, инженера путей сообщения Кругликова начальником Томской железной дороги...».

Незадолго до этого Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 10 апреля 1916 года «за труды, понесенные при условиях военного времени, начальник службы пути Варшавско-Венской железной дороги, инженер путей сообщения, коллежский советник Николай Кругликов, штатный по Министерству инженер IV класса, награждается орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени».

Проходит две недели, и 26 апреля Кругликов получает из МПС телеграмму от Осипова: «По распоряжению г. Министра начальник службы пути Варшавско-Венской дороги инженер Кругликов назначен на должность начальника на Томской дороге. Просьба предложить инженеру Кругликову неотлагательно отправиться в Томск и вступить в исполнение обязанностей по упомянутой должности».

Кругликов не медля выезжает в столицу и 10 мая шлет телеграмму в Управление Томской дороги инженеру Козыреву:

Выезжаю сегодня десятого Сибирским поездом один благоволите распоряжением к приходу поезда Новониколаевск прибыть начальникам технических служб и выслать для меня вагон произведу осмотр линий Кругликов

¹ Редактор газеты «Транссиб». Здесь приведены выдержки из его серии публикаций "Два мира – две войны", апрель 2007 г.

И еще через четыре дня, 14 мая, от него же следует телеграмма из Новониколаевска:

ЦН по управлению и линии всем начальствующим копия НФ, ЖН. Омск Иркутск г.г. главноначальствующим полос отчуждения начальнику Омской начальнику Забайкальской Омск 3. Согласно распоряжению господина министра путей сообщения сего 14 мая вступил в управление Томской дорогой. Н № 99 Кругликов.

И еще одна телеграмма, последний аккорд во вступительной части инженера Кругликова в должность начальника дороги — телеграмма из Новониколаевска в тот же день в Томск:

1) Инженер Кругликов приказал мне сообщить в Томск I, что предполагая завтра 15/5 прибыть в Томск I довольно поздно, то есть около 7-8 часов местного времени, он просит начальствующих его безусловно завтра не встречать на станции Томск решительно никому.

2) послезавтра 16/5 к десяти часам утра местного времени, вагон №4, в котором и останется до приискания квартиры. Просит прибыть НК. Приняв доклад НК, Его превосходительство выйдет в управление, где к 12 часам дня просит ему представиться в зале совета всех начальствующих в управлении помощников начальников служб и отделов и старших ревизоров и соответствующих агентов. Д. Карпов.

Первый приказ Кругликова по канцелярии Томской железной дороги от 14/20 мая 1916 г. за №124 был таким:

14-го сего мая, вступая, по распоряжению г. Министра путей сообщения, в исполнение обязанностей начальника Томской железной дороги, я, прежде всего, считаю своим долгом обратить особое внимание всех служащих, мастеровых и рабочих на то исключительное значение, какое имеют в настоящее военное время железные дороги тыла, и в частности Томская дорога. Будучи

с самого начала войны на фронте боевых действий, я лично убедился в том, что успех нашей доблестной армии находится безусловно в причинной связи с правильной работой железных дорог, и я, видя тяжелую работу фронта, видя особый напряженный труд агентов железных дорог его, хочу верить и глубоко в этом убежден, что мы, находясь вдалеке от пожара войны, будучи в мирной обстановке, сможем своей дружной и сознательной совместной работой старших и младших агентов облегчить тяжелую участь нашего храброго русского солдата, грудью вставшего на защиту Великой России, и этим способствовать святому делу обеспечения победы над упорным врагом, дабы дать возможность свободно расти и шириться и естественно развиваться могущественным силам русского народа. Поэтому я обращаюсь ко всем моим сотрудникам с горячим призывом проникнуться полным сознанием переживаемого момента и отдать все свои силы, весь накопившийся опыт и знания делу служения Отчизне.

Начальник дороги Н. Кругликов.

В 1916 году подобный документ был нужен всем работникам дороги, нужен был обществу. В нем начальнику дороги удалось сосредоточить величие духа и безграничную веру в народ, в победу, в русского солдата, в Россию, наконец. Подобные приказы были и на других дорогах, и на других предприятиях, и это лишний раз свидетельствует о гораздо большей монолитности дореволюционного российского общества, чем представляется в интерпретациях историков и политологов определенного толка.

И работа пошла. Не успел Николай Владимирович еще толком приступить к своим обязанностям, как получил в течение непродолжительного времени из столицы несколько писем и протоколов. Одно за другим следуют назначения: уполномоченным Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны, «по оказанию благотворительной помощи эвакуированным воинам»,

Вокзал станции Ново-Николаевск. 1915.

Ново-Николаевск. Вокзал алтайской ж.д.

уполномоченным Управления железных дорог «по ведению всех дел, касающихся сего Управления, а равно всех находящихся на заведовании его казенных железных дорог как строящихся, так и эксплуатируемых»; уполномоченным председателя особого совещания по продовольственному делу «по снабжению продовольствием служащих, мастеровых и рабочих означенной дороги»; попечителем Томского технического железнодорожного училища.

Пришли и первые успехи. Исчерпывающим подтверждением тому служит доклад за № 8 Его Императорскому Величеству Государю Императору о проведенной инспекции Томской железной дороги прикомандированного к штабу Верховного Главнокомандующего военного инженера генерал-лейтенанта барона Роппа. Генерал достаточно подробно остановился на работе дороги.

«Томская железная дорога... явно выраженная углевозная, — так начинает доклад генерал, — добыча каменного угля в обслуживаемых дорогом районах достигла в 1915 году 137 миллионов пудов; в будущем году предположено увеличить добычу угля еще на 14 миллионов пудов. Из общего количества 179 миллионов пудов перевезенных за 1915 год грузов первое место принадлежит вывозу, преимущественно, угля».

Второе место — 37 миллионов пудов в год, по его данным, занимает транзит, в который входят в преобладающем количестве дальневосточные грузы, предназначенные для обороны. 10 миллионов пудов в этом объеме занимает перевозка леса. Перевозка продуктов животноводства не получила своего развития, несмотря на благоприятные местные условия, вследствие недостатка населения в лесной полосе дороги. Несколько более развита перевозка хлеба, и то лишь в районы Томской губернии для местной потребности. Местная перевозка хлеба с вывозом составляли всего 4 миллиона пудов.

«...Пропускная способность двухколейной Томской дороги оказалась в настоящее время уже исчерпанной», — делает

Город Томск

Станция Черемошники, 7 в. от Томска.

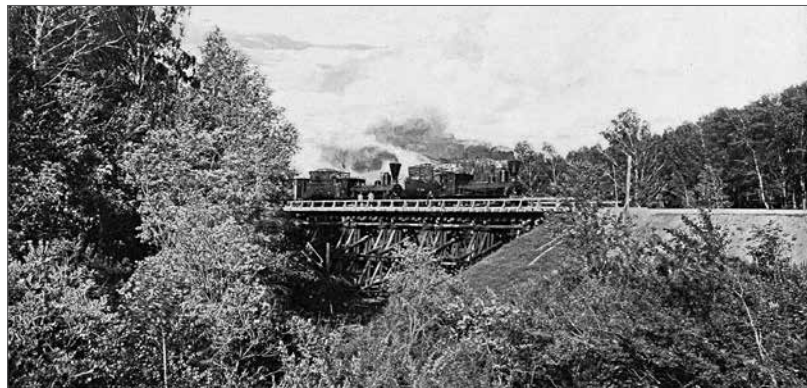
неутешительный вывод барон Ропп и далее вносит ряд конструктивных предложений, внедрение которых, несомненно, благотворно отразилось бы на работе дороги. Так, он предлагает немедленно приступить к усилению пропускной способности магистрали путем открытия новых 27-ми блокпостов и к переходу к сменной езде на паровозах; во избежание задержки подвижного состава и для успешности вывоза угля — к безотлагательному развитию станций Черемхово, Судженка, Анжерская и Тайга; для возможно лучшего использования имеющихся на дорогах мощных паровозов Малетта, сосредоточению их на более трудном горном участке дороги; из-за недостатка личного состава Управлению Томской дороги всемерно озаботиться подготовкой личного состава путем открытия курсов не только в городе Томске, но и на главных депо-вских станциях...

В заключение доклада инспектор отдает должное работе магистрали и ее руководителю — Н. В. Кругликову:

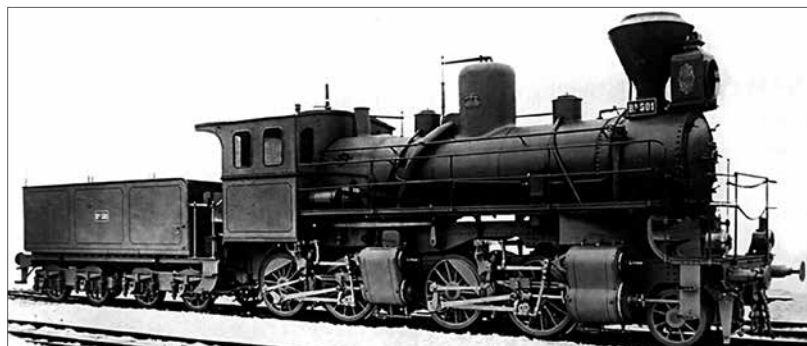
«В заключение приемлю долг доложить Вашему Императорскому Величеству, что при осмотре дороги выяснилась весьма успешная ее работа за весь период войны: при использовании почти всей ее пропускной и провозной способности средняя коммерческая скорость воинских и товарных поездов оказалась весьма хорошею. Средняя скорость, не падая ниже 12 верст в час, достигала в отдельные месяцы 20 верст в час, причем особое внимание всего личного состава дороги за весь период войны было сосредоточено на быстром передвижении эшелонов и поездов с грузом особой важности.

Нельзя не отметить, что недавно лишь назначенный начальник дороги инженер путей сообщения Н. В. Кругликов сумел сплотить вокруг себя подчиненный ему персонал дороги и направить его деятельность к совместной дружной работе, соответствующей переживаемому времени, что должно способствовать выполнению и в дальнейшем возлагаемых на него задач».

С первых же дней Февральской революции на железных дорогах Сибири активизировалось профсоюзное движение, на

Деревянный мост Томской ветви

Паровозы системы Маллета российского производства.

предприятиях, станциях создавались местные комитеты профсоюзов; железнодорожные рабочие пытались отстранить старую администрацию и установить собственный контроль за работой дорог и смежных организаций.

В первые месяцы Октябрьской революции сибирским железным дорогам в хозяйственном отношении пришлось пережить трудные дни. Цены на все материалы и топливо к осени 1917 года значительно возросли. Эта, а также и другие причины создали на дорогах тяжелое финансовое положение. Лучше всего его можно охарактеризовать, приведя некоторые выдержки из телеграмм начальника Томской дороги Н.В.Кругликова, адресованных в комиссариат путей сообщения.

От 17 ноября 1917 года:

«В настоящее время никаких средств дорога совершенно не имеет. Настаиваю на срочных распоряжениях. Прекращение уплаты копейкам вызовет остановку добычи угля, а затем и остановку дороги».

От 23 ноября 1917 года:

«Безвыходное финансовое положение усугубляется увеличением цен на уголь. Ввиду полного безденежья и решительной невозможности задержки уплат вновь настоятельно прошу распоряжения о неотлагательном переводе доассигнований в размере 11 миллионов 100 тысяч рублей».

От 19 декабря 1917 года:

«...Очень прошу обратить внимание на мои телеграммы о безвыходном финансовом положении дороги и необходимости перевода кредитов на перерасходы и увеличение оборотного капитала, всего 11 миллионов рублей. Прошу экстренных распоряжений о переводе кредитов и в противном случае указаний, что делать».

Мост через реку Обь.

Станция Тайга.

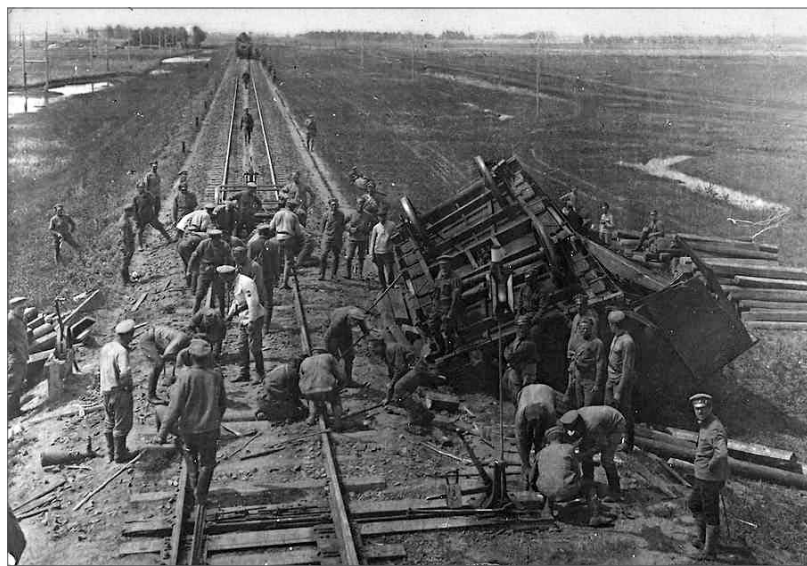
...1917 год ушел в историю, и, как ни странно, максимальным годом для экономики Сибири принято считать именно 1917-й. В этом году только по Томской железной дороге было перевезено 4102 тысячи тонн грузов. 52,1 процента из них составлял каменный уголь, 7,1 процента — лесоматериалы, 5,2 процента — дрова, 3,1 процента — хлебные грузы и 32,5 процента — прочие грузы.

1917-й, как и последующие за ним 1918-1920 годы — годы «великого перелома» в стране: Февральская и Октябрьская революции, гражданская братоубийственная война, военная интервенция. Когда все рушится, когда все сметает природная или социальная стихия, — до обычных ли примет жизни? До обычного ли режима труда и исполнения своих профессиональных обязанностей? Все было брошено и одночасье, все было сломано, изуродовано, расхищено и затоплено.

Трудно представить себе более безнадежное и опасное положение в эти годы, чем положение начальника железной дороги, начальника станции, машиниста паровоза. Власти, даже относительно, — никакой, и в то же время любой поручик или бородастый мужик, «свой» ли, «чужой», — власть абсолютная, которая по прихоти казнит и милует. Недовольны все, и в первую очередь теми, кто хоть что-то еще делает. А если что-то еще и делалось, то только на железной дороге. Именно «железка» осталась той единственной дорогой, по которой устремлялись люди, армии, грузы...

Самым удивительным, поразительным даже, было то, что начальники находились на своих местах, выполняли свои обязанности, хотя и не давали никому никакой клятвы. Видимо, железная дорога сама по себе рождала таких руководителей и такое отношение к делу. Оттого, что мы почти ничего не знаем о Л. А. Устругове, Н. В. Кругликове, И. А. Козыреве, о сотнях других железнодорожников, их память ничем не умалится.

Удивительно, как начальник Омской железной дороги И. А. Козырев и начальник Томской магистрали Н. В. Кругликов, несмотря на то, что в считанные месяцы все было перевернуто вверх дном, смогли руководить железными дорогами на протяжении нескольких лет человеческого безумия и добиваться от

людей и металла того, чтобы они исполняли свое предназначение, а значит, и их волю.

...В феврале-марте 1918 года управление Омской и Томской железными дорогами перешло к Советам железнодорожных депутатов и их исполкомам. Главный Исполнительный дорожный комитет возглавлял президиум из пяти человек. Рабочий контроль, реорганизация управления на дорогах положительно сказались на наведении порядка, укреплении дисциплины и, в конечном итоге, способствовали кратковременному увеличению объемов перевозок грузов и пассажиров.

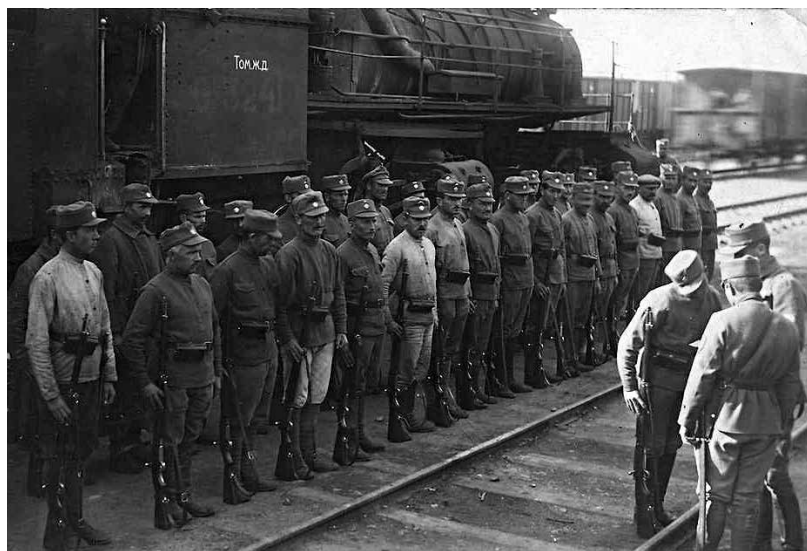
Начальник Томской магистрали Н. В. Кругликов в это время оставался номинальным начальником железной дороги, выполняя больше технические, нежели организационные и финансовые функции. Хотя именно в это время дорога и нуждалась более всего в решении технических вопросов. Что же касалось финансирования и «организации» работ, то они ограничивались большей частью разговорами. Денег не было ни у кого.

Зарплату сократили в два с половиной раза. От исполкома Совжелдепа 9 мая 1918 года Кругликов получил уведомление:

Временный исполнительный комитет Совета железнодорожных депутатов сообщает Вам для сведения и исполнения, что выписку содержания всем инженерам, бывшим начальствующим лицам и получающим в год свыше 6000 рублей, за май должно производить согласно циркулярному распоряжению от 17 марта с.г. за №15313, то есть не свыше 500 рублей в месяц, впредь до разрешения этого вопроса новым составом Исполнительного Комитета Совета железнодорожных депутатов.

Председатель Исполкома Совжелдепа Расторгуев».

...К маю 1918 года на узловых станциях Транссиба скопились десятки эшелонов солдат Чехословацкого корпуса общей численностью около 45 тысяч человек. Эшелоны стояли на запасных путях, среди солдат и офицеров зрело недовольство, которое умело подогревалось подпольными офицерскими и эсеровскими организациями. Обстановка накалялась до взрыва. И он произошел. В конце мая на всей огромной территории в местах

Чехословацкие войска. Станция Марьяновка (Омск)

сосредоточения эшелонов с чехословаками вспыхнул мятеж. Военские составы Чехословацкого корпуса растянулись по всей Томской железной дороге: по одному были в Каинске и Чулыме, по два — в Новониколаевске и Мариинске.

1 июня в захваченной чехами Западной и Центральной Сибири объявили себя властью «уполномоченные Временного Сибирского правительства» — группа эсеров, назвавшиеся «Западно-Сибирским Комиссариатом». С 14 июня Комиссариат водворился в захваченном с помощью чехов Омске, ставшем с этого времени столицей Сибири почти на весь белогвардейский период.

Однако Западно-Сибирский Комиссариат продержался недолго. Уже 30 июня он уступил власть Временному Сибирскому правительству.

Восприняв приход к власти эсеров как более-менее легитимную власть, начальник Томской магистрали Н. В. Кругликов подписал 25 июня приказ, разосланный тут же по линии, начальникам всех служб и отделов, станций, командующему войсками инженеру Степаненко, комиссару дороги и коменданту управления дороги:

Во исполнение приказания командира Среднесибирского корпуса, объявленного телеграммой по линии и управлению от 24 июня за №709, начальник дороги и его помощники вступили в исполнение своих обязанностей по управлению дорогой. Одновременно с сим предлагается начальникам служб и отделов и их заместителям также вступить в исполнение своих обязанностей.

Н. Кругликов. №969. 25/VI-18г.

Но очередную «временную» власть с завидным постоянством никто не хотел признавать. Уже на первых порах Временное Сибирское правительство столкнулось с сопротивлением, которое, прежде всего, выражалось в забастовках.

На Томской железной дороге в середине октября 1918 года объявили стачку рабочие депо и вагонных мастерских станции Томск-2, рабочие и служащие станций Топки, Болотная и

Барабинск. Несколько дней спустя началась забастовка железнодорожников в Новониколаевске.

Однако, объявляя стачки, железнодорожники недоучли всей серьезности текущего момента. Управления Томской и Омской дорог, естественно, обратились за помощью к Временному Сибирскому правительству, а оно, ничего не добившись угрозами, прибегло к силе оружия. Командир Среднесибирского армейского корпуса генерал А. Н. Пепеляев объявил Томскую дорогу на осадном положении. Для подавления забастовок были отправлены воинские отряды, состоявшие преимущественно из офицеров. В Новониколаевске все члены стачечного комитета были арестованы, взяты заложники. Было объявлено, что в случае диверсий на железной дороге заложники будут расстреляны.

Едва интервенты и белые откатились на восток, в конце 1919 года было организовано проведение работ по восстановлению движения поездов, восстановлению телеграфных, телефонных, железнодорожных линий. Мобилизованы десятки тысяч человек, в основном, крестьяне с подводами для проведения работ по восстановлению мостов и доставки необходимых грузов. Работы велись круглосуточно, и уже 26 декабря движение по Транссибу было возобновлено.

Н. В. Кругликов продолжал руководить Томской железной дорогой, но понимал, что дни его и на этом посту, и быть может вообще, сочтены. Однако он не бежал с белыми, а остался верен своим принципам. Власть властью, а дорога дорогой. Властей много и дорог много, а дорога жизни одна. Она дается свыше.

Использованы фотографии из альбома «Великий путь. Виды Сибири и ее железных дорог» (изд. Аксельрод, Красноярск, 1899). См. ЖЖ "Россия на фотографиях" (<http://humus.livejournal.com>).

Нина Иосифовна, 1950-е

Нина Иосифовна Мурганова (рожд. Федорович), внучка Владимира Николаевича Кругликова, несмотря на невзгоды, выпавшие на ее долю, сохранила семейные фотографии. Среди них и фото полуторавековой давности.

Отец Нины Иосифовны — Иосиф Иосифович Федорович, мать — Кругликова Елена Николаевна. Иосиф Иосифович по специальности горный инженер, закончил с отличием Петербургский горный институт, работал в Донцке над аварийными системами спасения горняков. Затем Кузнецкий

бассейн. Работу Федоровича в те годы описал в своих повестях Александр Бек¹.

А далее — «шахтинское дело». Соловки, Караганда. Повторный арест в 1937. Приговорен к высшей мере социальной защиты, расстрелу. Арестовывают и членов семьи, жену и дочь. Причем Елена Николаевна была осуждена на 8 лет ИТЛ как член семьи изменника родины.

¹ В «Главах истории Кузнецкстроя 20-х годов». А в повести «Курако», которая первоначально называлась «Копикуз», один из ее героев по фамилии Кратов и есть Иосиф Иосифович Федорович. Подробную биографию И. И. Федоровича можно найти в журнале «Уголь Кузбасса», 2010, №1 (<http://uk42.ru>)

Из воспоминаний Нины Иосифовны Мургановой

Кругликова я по материнской линии.

Дед — Кругликов Николай Владимирович. Бабушка — Анна Михайловна Стойкова¹. Я ее всегда знала только как Нину. Анна по паспорту, но ей это имя почему-то не нравилось. В моей комнате висит ее портрет, времен, когда она была еще девочкой.

Николай Владимирович был железнодорожный инженер. Знаю, что сначала он служил в Польше. Там же старшие дочери, Елена и Мариша, поступили и учились в гимназии.

¹ Стойковы родом из Сербии, переехали в Россию при Петре I, имели имение под Херсоном.

Николай Владимирович Кругликов. Выпускник Института инженеров путей сообщения, С.-Пб., 1886 г. [Пус]

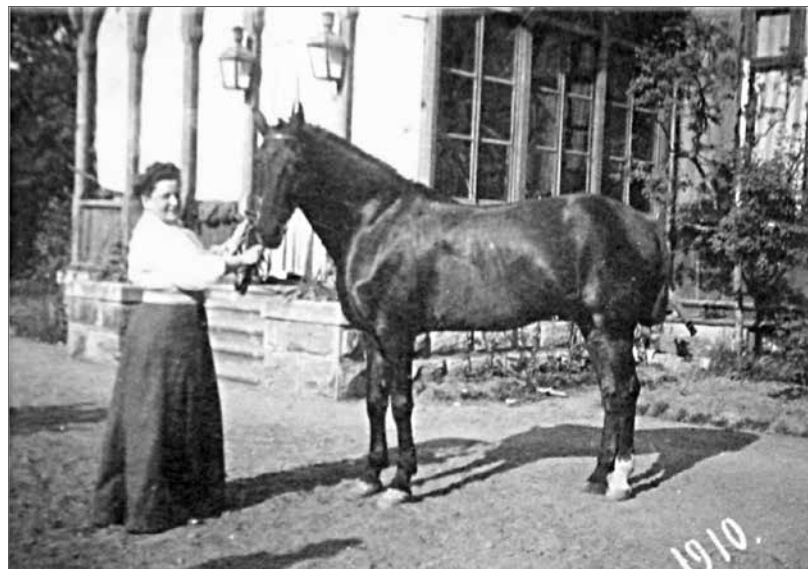

Анна Михайловна Стойкова (в замужестве Кругликова). 1893 г. [Фед]

Николай Владимирович и Анна Михайловна.

*Мне рассказывали, что в Польше
бабушка очень увлекалась верховой ездой. ►*

*Дети Николая Владимировича Кругликова,
Мария, Владимир, Георгий, Елена*

У отца была особая ситуация: в первом браке он был женат на Елене¹... не помню отчества, она была очень красива. И ее застрелил влюбленный в нее офицер. Это произошло в Томске. Там же в Томске в семействе Кругликовых отец встретился с Еленой Николаевной, и в 1918 г. он женился второй раз.

И в Москву переехало уже объединенное семейство. На Новобасманной-10 поселились 8 человек: дедушка Кругликов Николай Владимирович, бабушка Нина Михайловна, старшая дочь Елена Николаевна и Иосиф Иосифович, вторая дочь — Марина, сыновья Владимир и Георгий, тетя Таня². А в ноябре 1920 года на Новобасманной появилась я. Кстати, крестным у меня был Пальчинский.

¹ Елена Евгеньевна Баньолесси вышла замуж за И. И. Федоровича в 1909

² Татьяна Иосифовна Федорович, в замужестве Картацци, старшая сестра отца. Ее муж — белый офицер, погиб в гражданскую войну в Сибири. Сын Георгий, военный летчик, погиб еще в 1-ю Мировую войну под Харьковом.

Я с отцом и матерью

Елена Николаевна Кругликова (Федорович)

В доме на Новобасманной у нас было 9 комнат.

Первым от входа был кабинет моего отца, потом вторая большая комната — это была папина-мамина спальня (и моя кровать с сеткой стояла там), следующая комната была дедушки с бабушкой, причем у них в спальне стоял большой мраморный умывальник, отгороженный складной ширмой. Потом столовая, комната тети Мумы и тети Тани, потом комната мальчиков, ванная комната, кухня с газовой плитой. Была и комната домработницы: бабушка занималась всем хозяйством, и ей в помощь была определена домработница.

Все старшие в семье работали, так что моим воспитанием занималась тетя Таня. Мы с ней ходили гулять в парк на Новобасманной, зимой на каток.

У дедушки и бабушки часть комнаты была отделена пианино, и за ним находился мой угол.

Ходили и в Храм Христа Спасителя, тот старый. Его потом, перед войной, взорвали, и на его месте стали возводить металлоконструкции, на которых должен был стоять Ленин. Но когда началась война, все эти конструкции срезали и употребили для других целей. А место, где был храм, стало болотом, потому что под фундамент раскопали глубокие ямы, которые и наполнились водой.

Кстати, моя тетя Дуся (о ней см. далее) работала в институте энтомологии. Там занимались и комарами. Так вот, в их институт пришло чрезвычайное указание, что из этого самого болота комары летят прямо в Кремль, и что их институту следует бросить все силы на этих комаров.

Очень хорошо помню эпизод из детства, как была пасха. В те времена куличи в булочных не продавали, их надо было печь самим. Бабушка пекла эти самые куличи, они были с изюмом, и почему-то, чтобы эти куличи не сели, их надо было класть на подушки. И вот в дедушкиной и бабушкиной спальне на кровати лежали подушки, а на подушках — куличи. И тетю Дусю посадили караулить куличи, потому что я жаждала их расковырять и достать из них изюм..

◀ В Севастополе в гостях у сестры отца Марии Иосифовны.

А это сарай и гамак во дворе.

Летом снимали дачу под Москвой

Первый раз отца арестовали в 1927 году. Момент ареста отца я очень хорошо помню, потому что моя кровать стояла в спальне родителей. Когда в 27 году ночью пришли арестовывать отца, в квартире был устроен обыск.

Я лежу в кровати, я не сплю, я все слышу, а двое мужчин стоят над кроватью и рассуждают, надо ли меня из кровати вытаскивать, обыскивать кровать. Решили все-таки, что не надо. Увели отца..

Отец был обвинен в заговоре по созданию "инженерного правительства", которое должно было состоять из Пальчинского, Скочинского и Федоровича¹.

¹ Все они выпускники Санкт-Петербургского Горного института 1900 г.

Пальчинский Пётр Иоакимович (1875–1929), один из крупнейших специалистов в России в области экономики горного дела. Работал на шахтах Донбасса. Профессор Горного института. С 1903 – член Русского технического общества, с 1918 года – его председатель. В 1920-е годы член Центрального совета экспертов ВСНХ, постоянный консультант Госплана СССР. Арестован в 1922, затем в 1928 как идейный вдохновитель некоего «Инженерного центра», и в 1929 расстрелян.

Скочинский Александр Александрович (1874–1960), русский/советский учёный в области горного дела. Профессор Горного института (1906), академик АН СССР (1935), Герой Социалистического Труда (1954). К Шахтинскому делу не привлекался, был арестован кратковременно.

Федорович Иосиф Иосифович (1875–1937), уроженец Екатеринославской губ., сын контр-адмирала. Горный инженер, работал на шахтах Донбасса. 1916 – Служба в Горном департаменте. В 1919–1920 заведующий горно-технического отдела объединенных копей Сибири, с 1920 зам. нач. технического отдела треста «Главуголь», работа в Госплане. Арестован в апреле 1928 по «шахтинскому делу», вместе с Пальчинским «изобличался» как руководитель контрреволюционной деятельности инженеров в угольной, рудной, золотоплатиновой промышленности. Осужден на 10 лет лишения свободы. Отправлен на Соловки, с января 1931 ИТЛ в Казахстане. Вторично осужден 20 января 1937 года и приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г. (*Wikipedia*).

Пальчинский был расстрелян, а отец сослан на Соловки. Мама ездила к нему на Соловки на свидание, отвезти теплые вещи.

Из Москвы нас с матерью выслали, и мы переселились в Чугуев, под Харьковом. В Харькове жила папина сестра Александра Иосифовна, в замужестве Бугримова. Бугримов был ветеринарным врачом, и их дочка Ирина¹ с детства была при животных. В цирке она начинала с верховой езды, позже стала дрессировщицей львов. Вот у их друзей, в Чугуеве, мы и поселились...

А в 30-м году был арестован и Николай Владимирович, и приговорен к расстрелу. После его гибели бабушка Нина Михайловна переехала к нам в Чугуев.

Когда в 30-х начались разработки угля в Караганде, отец понадобился как горный инженер, и его перевели из Соловков в Казахстан. И тогда мы: мама, я, бабушка Нина Михайловна, тетя Таня и собачка Бугримовых Тойка, поехали в Караганду к отцу. По пути, в Москве, для бабушки сфотографировались всей ее семьей: Георгий, Владимир, Марина, Елена и я.

¹ Ирина Николаевна Бугримова (1910–2001) советская артистка цирка, дрессировщица львов, первая в СССР женщина-дрессировщик.

Поезд до Караганды не доходил. Отец приехал на станцию и на 2 саях перевез нас в Михайловку, деревню, которая там рядом находилась. Тогда "Карагандаугля", как такового еще не было, и мы поселились в переделанных под жилье конюшнях.

Караганда — это степь: ни деревьев, ни лесов. Все строили из "самана", глины с соломой. Привозили немцев поволжья составами для работы в шахтах, их поселки — саманные дома. Позже и мы жили в таком поселке.

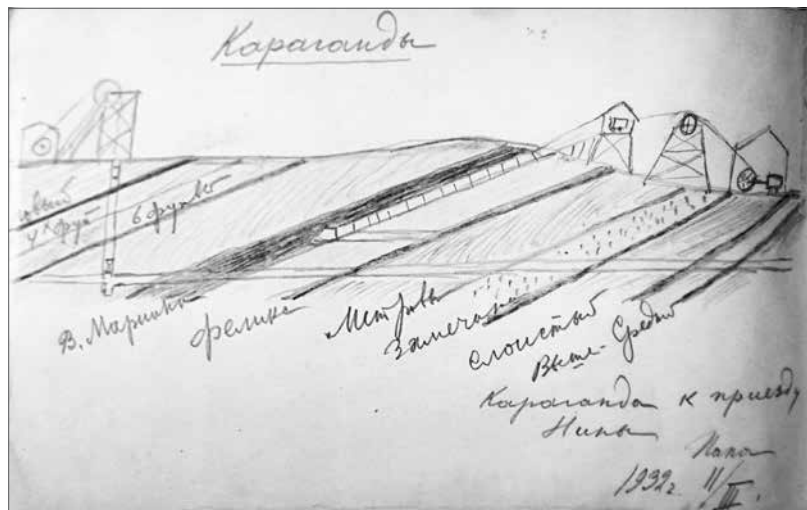

Мое увлечение танцами началось, когда в Караганду приехал Александр Александрович Гапеев, геолог, знакомый отца. Его супруга была балериной, и в местном клубе организовала кружок танцев¹.

¹ Александр Александрович Гапеев (1881–1958) — советский геолог-угольщик. В 1910 окончил Горный институт, с 1908 года

Мать работала секретарем-машинисткой в тресте Карагандауголь. Печатная машинка осталась от деда.

Как-то я пристала к отцу, чтобы он что-нибудь написал в моем девичьем альбоме. Он нарисовал схему карагандинского угольного бассейна.

Второй раз отца арестовали в 37-м году. Арестовали и нас с мамой. Меня сравнительно быстро выпустили. Может, потому что мне не было 18, да и интересовалась я в основном танцами.

Я знала, что женская тюрьма находилась на 4 шахте, и заключенных периодически возили в баню. А из бани шли пешком. Я спряталась где-то недалеко от бани, и когда они вышли и направились к шахте, я издалека (хоть караульные меня уже знали) поговорила с матерью. Она повторяла лишь одно — "немедленно уезжай в Москву". На следующий день, рано утром, оставив мать в тюрьме, я села на поезд.

В Москве на Новобасманной осталась 1 комната. Владимир работал на военном заводе, Георгий был призван в армию¹. Марине Николаевне выпала тоже неласковая судьба. Она вышла замуж за Семена Ашхацаву, уехала на Кавказ. А в 37-м мужа арестовывают, она уезжает в Ленинград, где тогда жила бабушкина сестра тетя Наташа (Наталья Михайловна). Марину Николаевну определили медсестрой в какое-то деревенское место под Ленинградом, хотя никакого медицинского образования у нее и не было. Так что какое-то время тетя Мума занималась медициной, а позже переехала в Москву, поселилась в Болятино (Люберцы) и устроилась работать учителем немецкого языка. Так и проработала до 1960-х, до самой пенсии.

В Москве меня встретила бабушка Нина Михайловна, прописали меня в Немчиновке, под Москвой, у сестры отца Марии Иосифовны, куда та переехала из Севастополя.

занимался изучением угольных месторождений Донбасса, с 1914-го — Кузбасса. С 1920 профессор, директор Уральского горного института. С 1926 года профессор Московской горной академии, затем с 1930 год по 1948 профессор Московского горного института. Проведенные под его руководством в 1930—1938 годах разведочные работы выдвинули Караганду на место третьей угольной базы СССР.

¹ Кругликов Георгий Николаевич *"28 февраля 1940 г. героически погиб в боях с Белофиннами, похоронен в братской могиле вблизи деревни Иусино"*

Когда я мыкалась в Москве в 37-м году, бабушка привела меня к Софье Дмитриевне Тимрот¹ (тете Дусе) в Плотников переулоч. Тетя Дуся, троюродная сестра матери, жила в большой коммунальной квартире в Плотникове переулке, недалеко от Арбата.

Вместе с ней мы прожили там 15 лет с перерывом на войну: я была в эвакуации в Караганде, а Софья Дмитриевна на момент ее начала оказалась в экспедиции на Урале (она была энтомологом), и там проработала на заводе всю войну.

¹ Софья Дмитриевна (в девичестве Свербеева, по первому мужу княгиня Шаховская), в детстве часто бывала в Тороповской усадьбе, а после революции некоторое время жила там. Фото слева 1914 г., Торопово. Фото справа: ее мать Софья Егоровна Тимрот и бабушка Софья Павловна Кругликова (см. древо стр. 230, а также часть I)

А после войны мы жили в Плотниковом переулке втроем: тетя Дуся, я и Аля Тимрот¹. Он пришел с фронта с одним чемоданом и честно признался, что не грабил несчастных немцев, а подобрал этот чемодан на помойке, о чем ни сколько не жалеет.

Софья Дмитриевна была знакома с матерью Софьи Андреевны Толстой² и навещала ее в доме в Хамовниках. Через нее Александр Дмитриевич Тимрот и познакомился с Софьей Андреевной, его будущей женой.

Сын Софьи Дмитриевны Георгий Шаховской³ во время второй мировой войны попал в плен. Ей пришла справка, что он пропал без вести. Но Юрий проявился во Франции. И по "секретным каналам" (нашим соседом по коммуналке был Михаил Александров-Дольник, бывший адвокат, занимавший с семьей до революции весь второй этаж этого дома; у него были какие-то связи с заграницей) пришли сообщения, что он жив и возвращаться на родину в лагерь не захотел. После войны он несколько лет жил во Франции, где женился, а всю жизнь прожил в Америке.

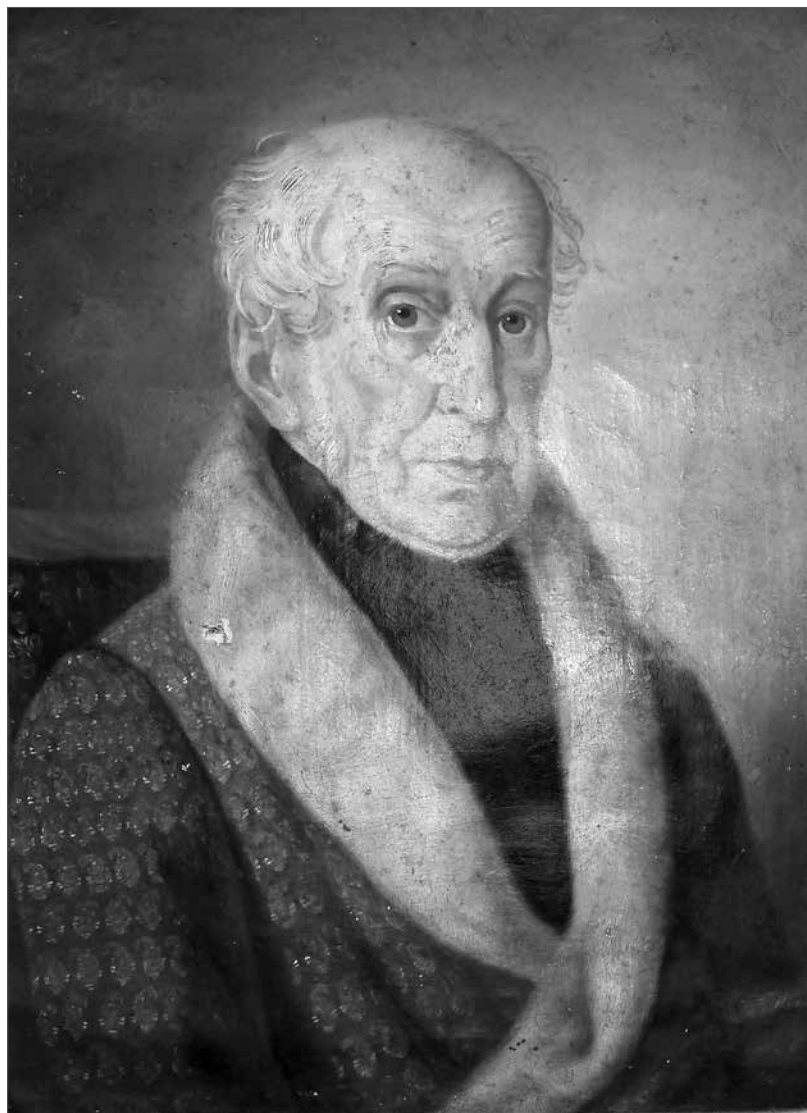
Софья Дмитриевна интересовалась своей родословной, составила генеалогическое дерево, хранила фотографии и вещи из Тороповской усадьбы. Ее бабушка по материнской линии Кругликова Софья Павловна. А в квартире висел портрет ее предка, Венедикта. Софья Дмитриевна рассказывала, что его написал с натуры крепостной художник.

Софья Дмитриевна умерла в 1954-55 году от заболевания легких (в войну и после она много курила). После смерти большую часть ее вещей забрала ее сводная сестра по матери, Елена Абашидзе. А у нас остался портрет Венедикта.

¹ Двоюродный брат Софьи Дмитриевны Александр Дмитриевич Тимрот (директор музея в Ясной поляне, литератор), чье детство также прошло в Торопове. См. *Тороповские Страницы*, вып. 1-2.

² Ольга Константиновна Дитерихс (Толстая), 1872–1951, первая жена Андрея Львовича Толстого.

³ Первый муж Софьи Дмитриевны – князь Лев Сергеевич Шаховской, в 1918 г. был признан участником так называемого Ярославского мятежа и был расстрелян.

*Венедикт Александрович Кругликов.
Торопово. Х/м. Ранее 1810 г.*

Моя первая работа в Москве — станция аэрации, прокладка труб. Вся механизация состояла исключительно из материнских слов. И для завершения моего среднего образования Александр Александрович Гапеев устроил меня на рабфак (в школу рабочей молодежи). Окончив его, я получила диплом и в 40-м держала экзамены в Баумановское училище. И мне удалось поступить на специальность "литейное производство"...

Когда в 1941 началась массовая эвакуация, в институте мальчиков оставалось уже мало. Институт с остатками студентов ночью в товарном поезде отправили в Ижевск. Там мы сразу же были поставлены за токарные станки. День работали, а учеба — на вечер. Кормили гороховым супом. Почему-то в нем были одни гороховые шкурки, сам горох, видимо, разваривался. По возможности мы меняли свои городские тряпки на еду.

Мать отбывала срок в трудовом лагере недалеко от Караганды. И вот Московский Горный институт, в котором работал Гапеев, был эвакуирован в Караганду. Появилась надежда на контакты с матерью. Так, проучившись в Ижевске год и проработав там токарем, я перевелась из Бауманского в Горный (с помощью Гапеева). К сожалению, контакты удалось установить только письменные, а увидеться так и не удалось.

К окончанию войны в Москву стали возвращаться и Бауманский, и Горный институты. Я вернулась опять в Бауманский, и после его окончания, в 1948 году, проработала в тресте Гипротяжмаш до 1976 года.

А мать после окончания срока в 1946 г. поселилась в селе Богатое Куйбышевской области. Приехать к нам она не могла, т. к. действовало правило "минус 20" — человек после отбывания заключения не имел право поселиться в 20 главных городах СССР. Работала она, как и прежде, секретарем-машинисткой. И только после реабилитации она смогла вернуться в Москву.

16 Апреля 2012, Москва.

*Кругликовы Елена и Марина Николаевны.
1920-е. Подмосковье.*

«ВОСПОМИНАНИЯ»

Юрий Алексеевич Бахрушин.

Юрий Алексеевич Бахрушин (1896-1973) — балетовед, критик, историк театра. Сын Бахрушина Алексея Александровича, мецената, основателя Театрального музея. Служил в Петроградском Измайловском полку, подпоручик, затем воевал в Красной Армии, после демобилизации — заведующий постановочной частью Большого театра (1919-1924), заведующий постановочной и литературной частью оперной студии имени К. С. Станиславского (1924-1938), преподаватель Московского хореографического училища и ГИТИСА, член комиссии "Старая Москва", член Общества изучения русской усадьбы.

Здесь мы публикуем отрывок из книги Ю. А. Бахрушин. *Воспоминания. Серия: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Издательство: Художественная литература. Москва, 1994 г. 702 стр. ISBN 5-280-02442-22.* Портрет автора с сайта «Российская империя в фотографиях». Остальные фотографии из архива Екатерины Георгиевны Кругликовой.

“...Ближайшим нашим соседом¹ был помещик Кругликов. Наши владения разделялись узким, но довольно длинным и извилистым заливом реки, излюбленным местом гнездования диких уток. Я уже с лета приметил там несколько выводков. В день разрешения охоты мы с дедом Носовым отправились на лодке в залив с двустволками и соответствующим запасом патронов. Стоило нам въехать в залив, как шесть упитанных уток сорвались из камышей и, свистя крыльями, устремились во владения нашего соседа. Мы с дедом выпалили и промазали. Вдруг камыши перед нами раздвинулись и в прогалине появился мужчина. Одет он был довольно своеобразно — высокие болотные сапоги, залатанные штаны и синяя ситцевая русская рубаша. Поверх всего этого был надет замызганный большой брезентовый фартук. Он был без головного убора — мягкие черные усы спадали вниз на небольшую эспаньолку, приметная лысина увеличивала и без того высокий лоб. Голубые глаза смотрели внимательно и одновременно насмешливо.

— На каком это основании вы моих уток стреляете? — спокойно спросил он.

— Утки снялись с нашей стороны и только полетели в вашу сторону, так что мы стреляли наших уток, — возразил дед.

— Ну, это еще вопрос — во всяком случае, если бы вы не промазали, то они были бы убиты на моей земле, — это было сказано с явной насмешкой.

Дед вспылил, я ему поддакнул в том же тоне. Началась словесная перепалка, причем, надо сказать, весь пыл и жар исходил только от нас, так как незнакомец возражал нам хоть и ядовито, но чрезвычайно спокойно, и насмешливые искорки все ярче и ярче разгорались в его глазах.

На какой-то наш особенно яростный выпад он вдруг неожиданно спросил:

— А собственно говоря, с кем я имею честь разговаривать?

¹ Речь идет об усадьбе Афинеево, которая находится неподалеку от города Апрелевки Московской области. С 1913 года поместье принадлежало А. А. Бахрушину, при котором именовалось Верино. От бывшего имения сохранилась лишь церковь и часть липового парка.

Этот вопрос застал нас в полный расплох, и мы, сразу сбавив тон, сообщили, что мы новые владельцы Финеева.

— А-а-а,— протянул он,— очень приятно наконец познакомиться, хотя и при таких обстоятельствах. А я ваш сосед Кругликов. Зашли бы как-нибудь ко мне — познакомились бы поближе. А что касается охоты — пожалуйста, считайте мои владения вашими владениями.

После этого он учтиво поклонился и исчез так же неожиданно, как и появился. Мы были смущены всем происшедшим и, прекратив неудачную охоту, возвратились домой. После всестороннего обсуждения этого события на общем совете было решено, что я на другой же день вечером отправлюсь с визитом к Кругликову.

Бенедикт Георгиевич Кругликов был чрезвычайно характерной фигурой предреволюционной помещичьей России. Он был старейшим помещиком уезда. Его отдаленный предок, французский мушкетер Никола де Мануар, поступил на службу к царю Алексею Михайловичу и получил «на прокорм» восемьсот десятин земли и сельцо Горки, которые и принадлежали нашему соседу. Уже после революции он передал мне древний пергамент, собственноручно подписанный королем Людовиком XII, пожаловавшим дворянство кому-то из Мануаров. Вместе с этим документом была и грамота царя Алексея о жалованье Никола де Мануару земель «на прокорм». В этом документе фамилия француза была уже переосмыслена царскими дьяками, и он именовался просто Николевым. Через столетие после этого один из прямых потомков французского мушкетера стал известным в свое время поэтом и драматургом, пропагандистом просвещенного абсолютизма. В своих стихах выступал он против насилия, и пьесах — нарушал законы классицизма, а в эпиграммах издевался над правителями. Одна из таких эпиграмм ограничила его свободу. Когда Павел I праздновал спуск фрегата «Благодать», названного так в честь фаворитки царя Анны Гагариной (в переводе с греческого слово «Анна» означает благодать), и злополучный корабль во время схода со стапелей опрокинулся, Николаев имел неосторожность сказать:

Ни в чем удачи нет уроду
И «Благодать» не лезет в воду.

Эта эпиграмма была причиной того, что опрометчивому поэту было приказано жить в своем имении в Горках. Опальный поэт к тому времени ослеп, но продолжал работать, диктуя свои произведения единственной дочери. За это он и получил в литературных кружках прозвище «российского Мильтона», а благоволивший к нему до ссылки Павел I называл его «ясновидящим слепцом».

Его единственная дочь вышла замуж за некоего Кругликова. Дядя Бенедикта Георгиевича был видный музыкальный критик 60-х годов С. Н. Кругликов, а его отец, Георгий Николаевич, тем мировым посредником, о котором тепло вспоминали местные крестьяне. Впоследствии он стал мировым судьей.

Г. Н. Кругликов был убежденным демократом и по мере своих сил и возможностей стремился помогать крестьянству — так, например, в результате его хлопот в Горках была открыта сельская школа, единственная в округе. Он всегда глубоко переживал рабскую забитость и нужду русского крестьянина и рассказывал с болью в сердце об одном поразившем его случае в его судейской практике. Где-то в уезде были казенные леса, которые граничили с имением печальной памяти «героя» Порт-Артура, генерала Стесселя. Однажды, охотясь, генерал забрел в казенный лес, убил какую-то птицу или зверя и был застигнут на месте преступления лесником. В результате происшедшего объяснения Стессель дал леснику в зубы. Лесник подал жалобу в суд. Кругликов, по своей обязанности, постарался кончить дело миром и посоветовал генералу уплатить пострадавшему за нанесенное оскорбление рублей сто. Во время суда Стессель признал свою вину и спросил лесника, согласен ли он получить двадцать пять рублей и взять свою жалобу обратно. Не ожидавший такого поворота дела лесник, низко кланяясь Стесселю, пролепетал:

— Покорнейше вас благодарю, ваше превосходительство, — за двадцать-то пять рублей можно и второй раз по зубам съездить, если вам желательно.

Г. Н. Кругликов был человеком вспыльчивым и горячим. Он очень любил деревню и не терпел городской жизни. Жили Кругликовы в двухэтажном каменном флигеле, чудом уцелевшем в 1812 году, когда вся усадьба и обширный барский дом были разграблены и сожжены французами. Его жена, в противоположность

мужу, была убежденной городской жительницей и терпеть не могла деревни. Не желая огорчать свою супругу, Кругликов порою совсем не посещал деревни и жил в городе. Однажды к нему приехал деревенский староста с докладом, что в доме течет крыша, дымят печи, имеются еще кое-какие неполадки и что необходимо срочно производить ремонт. Кругликов обратился к сидевшей здесь же жене с вопросом, будет она жить в деревне или нет. Она ответила, что рада бы, но он знает, что в деревне у нее всегда болит голова и обостряются все ее недомогания.

— Хорошо, — сказал Кругликов и, обратись к старосте, заявил: — Никакого ремонта не будет, а ты скажи крестьянам, чтобы все забирали из барского дома к себе. Рамы, двери пускай снимают, мне ничего не надо!

Крестьяне, полагая, что барин одумается, несколько повременили с исполнением приказа, но, не получая новых распоряжений, кончили тем, что на законном основании растащили все.

В то время, когда мы поселились в Апрелевке, от флигеля барского дома сохранились одни каменные стены и всюду обнаруживались запущенные остатки некогда великолепного имения. Заросший и потерявший всякий вид английский парк, затянутые водорослями копаные пруды с островами, разрушенный сход от главного дома к реке, заросли одичавшей сирени, жасмина, акаций были единственными жалкими остатками бывшего великолепия.

Своего единственного сына Бенедикта Георгиевича Кругликов отдал в наиболее демократическое высшее учебное заведение того времени, в Петровскую сельскохозяйственную академию, в которой он учился в период 1905 года, где близко сошелся с революционно настроенными студентами и примкнул к кружку эсэров.

После окончания академии он женился и переселился на постоянное жительство в Горки, где приспособил под жилье маленькое каменное здание, в котором во время оно проживал привратник барской усадьбы.

Из Академии Кругликов вынес революционные взгляды, а от отца унаследовал его вспыльчивость и демократичность. Так, например, он считал, что пользоваться наемным трудом

Дом Вахрушиных, Афинеево.

Руины флигеля барского дома Кругликовых. Фото 1926 г.

преступно, а потому самолично обрабатывал свою землю, пахал, боронил, сеял и жал, косил и заготавливал на зиму дрова. Это, естественно, заработало ему репутацию чудака как среди окружающих помещиков, так и крестьян, которые за глаза называли его диким баринком, а в глаза величали его Диком Егорычем. Он был очень добрым человеком и прекрасным семьянином, что не мешало ему, повздорив из-за пустяка с женой, отправляться спать в ноябре месяце в поле в стог сена и платонически ухаживать за всякой хорошенькой девушкой.

Небольшого роста, коренастый, необычайно подвижный, он обладал редкой физической силой и прекрасным здоровьем, закаленным гимнастикой, купаньем до морозов и постоянным трудом на свежем воздухе. В лунные ночи, летом, он любил кататься на лодке, оглашая окрестности своим приятным тенором, распевая революционные и народные песни. Он никогда не посещал церкви, за исключением пасхальной заутрени, и не принимал у себя иконы в церковные праздники, но это не мешало ему дружить со священником, которого он часто посещал, любил и уважал.

К этому-то Дику Егорычу я и отправился с визитом. Крохотная комнатка его дома, заботами его очаровательной жены Надежды Осиповны, была исключительно уютно обставлена. Все в ней было чрезвычайно просто, никакой претензии на роскошь и в помине не было, и вместе с тем все выглядело как-то нарядно и празднично. Хозяева в несколько минут сумели рассеять мое смущение и заставили почувствовать себя как дома. Завязался оживленный и непринужденный разговор, и мой визит сразу потерял всю официальность. В ходе беседы Кругликов очень деликатно объяснил мне ошибку моих родителей, вызвавшую на них нарекания соседей. Пора было домой, о чем я и заявил хозяевам, но здесь Кругликов, со свойственным ему мальчишеством, решил меня наказать «за грехи родителей». Он встал из-за стола и категорически заявил:

— Нет, так не годится. По такому событию — приему нового соседа — необходимо выпить, но мы, к сожалению, вина не пьем и его не держим. Придется отметить это чем-нибудь более легким!

С этими словами хозяин вышел из комнаты и вскоре возвратился, держа в руках какую то довольно грязную бутылку,

Дом Кругликовых в Малых Горках. 1900-1910 г.

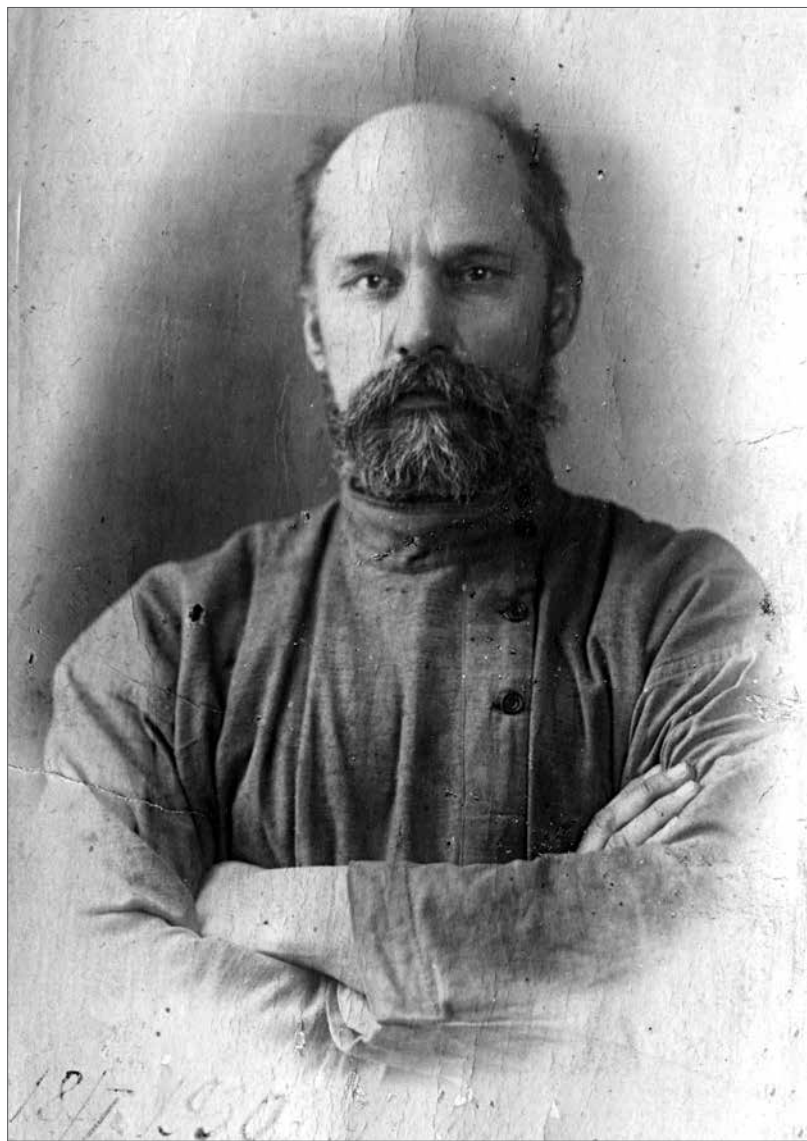
которую он тут же откупорил и разлил по стаканам прозрачную, слегка желтоватую, пенящуюся влагу.

— Это, собственно говоря, почти что вода — так называемый мед нашего домашнего изготовления, — пояснил он.

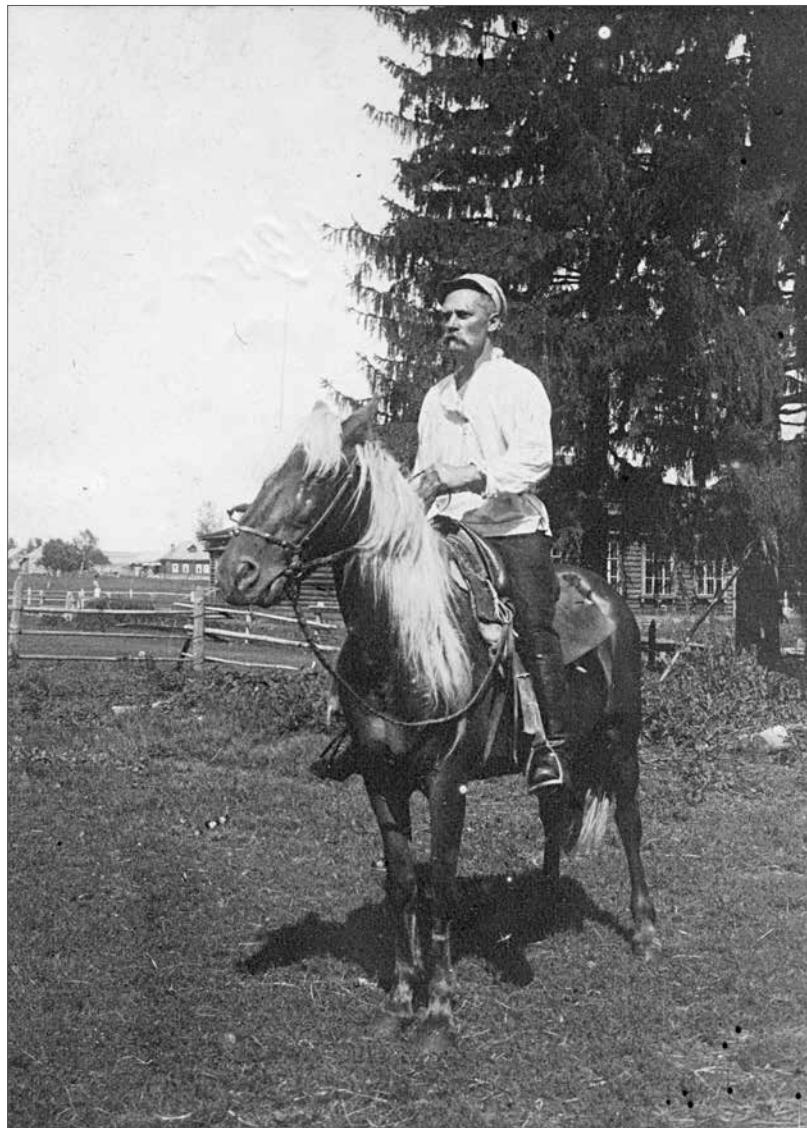
Мы чокнулись и выпили. Напиток оказался чрезвычайно приятным, очень ароматичным и слегка игристым, о чем я и не замедлил сказать. После этого Кругликов стал усиленно подливать мед в мой стакан. На мои вежливые отказы он не обращал внимания, приговаривая:

— Это совершенно безвредная вещь, сладкая водичка, не более.

Я и не заметил, как прикончил бутылку, — голова была совершенно свежей, и не чувствовалось никакого опьянения. Тут я уж решительно заявил, что мне пора домой. Хозяева не протестовали. Однако попытка встать из-за стола, к моему великому ужасу, окончилась для меня неудачей — ноги мои одеревенели, отнялись и не подчинялись велениям рассудка. Я нелепо дергался на своем месте, и, видимо, состояние полной растерянности и недоумения столь ярко отразились на моем лице, что хозяева не выдержали и начали смеяться.

Бенедикт Егорович Кругликов. 1930 г.

Бенедикт Егорович Кругликов. 1930 г.

— Вот вам наказание за то, что не хотели с соседями знаться, — сквозь смех наконец проговорил Кругликов. — Сидите теперь здесь до утра!.. Ничего, — прибавил он, — не беспокойтесь, через полчаса все пройдет — я не виноват, это мой мед с вами играет.

Действительно, через короткое время я почувствовал, как мои ноги постепенно отходят, и я смог распротиться с радушными хозяевами, передав им приглашение моих родителей посетить нас.

Через день-другой к нам на лодке приехал Кругликов, еще издали был слышен его приятный тенор, разносивший по окрестностям слова романса Даргомыжского «Нас не в церкви венчали». С этого момента началась наша дружба с этим интересным человеком.

Собственно говоря, Кругликовым и ограничилось наше знакомство с соседями, если не считать знакомства с еще другим помещиком, которому мои родители нанесли визит, чем дело ограничилось. Остальные окружные усадьбы либо пустовали, либо находились в процессе смены своих владельцев. Это не мешало моей природной любознательности находить удовлетворение в посещении и обследовании этих доживавших свой век, пустовавших дворянских гнезд.

По ту сторону реки ближайшим имением было село Милюкове, в последнее время принадлежавшее Ляпиным. Среди прекрасного старинного липового парка, раскинувшегося на берегу реки, стоял двухэтажный дом, выкрашенный охрой, с белыми колоннами. Внутри ничего примечательного, кроме великолепной мебели карельской березы, не было. Усадьба продавалась и вскоре была приобретена Ижболдиными.

Далее по течению реки расположилась вельможная усадьба Мусиных-Пушкиных, село Старо-Никольское. На крутом берегу реки высился огромный каменный дом екатерининской стройки с бельведером и стройными пилястрами, но в архитектурном отношении не представлявший особого интереса как снаружи, так и внутри. Надворные постройки более позднего времени были куда интереснее и напоминали работы Джильярди. От посещения дома у меня осталась в памяти лишь обширная библиотека, расположенная в бельведере. Парк был старинный и запущенный — висячие пруды были затянуты тиной или

стояли без воды, канал, подходивший к самому дому, обвалился и высох, мосты через него были сломаны, а садовые постройки разрушены. Некогда виды этого имения были гравированы и изданы, но мне никогда не приходилось их встречать. В давние времена эта усадьба в течение более чем ста лет находилась во владении бояр Ртищевых, один из которых руководил мастерскими Оружейной палаты и был большим знатоком искусства. От того отдаленного периода осталась замечательная церковь, к сожалению, ныне не существующая. Она стояла на месте, где когда-то высился Старо-Никольский монастырь — один из форпостов Москвы, упраздненный еще при Иоанне Грозном. Памятником того времени остался большой каменный обелиск, воздвигнутый на месте Престола монастырского храма. Рядом с ним в середине XVII века была построена двухэтажная каменная церковь с лестницами, ведущими во второй этаж. Внешне это здание не представляло интереса, но внутри было чудом искусства русских резчиков по дереву. В сложнейший по своему орнаменту резной иконостас были вплетены резные фигуры святых и ангелов. Царские двери, представлявшие благовещение, были также резные. Внутри купола были расположены скульптурные фигуры евангелистов, святых и ангелов, также из дерева, но выкрашенные белой краской под мрамор, что оттеняло их на небесно голубом фоне стен. Этот замечательный памятник «нарышкинского барокко», по моему мнению, намного превосходил знаменитый иконостас в Дубровицах. Сфотографировать внутренность церкви было невозможно из-за малой площади самого храма, который весь уходил ввысь.”

АПРЕЛЕВСКИЕ ОКРЕСТНОСТИ¹

Козлов Владимир Леонтьевич

Деревня Горки, пожалуй, единственная в районе, которая на протяжении трех столетий "не меняла" своих хозяев. Начиная с середины XVII столетия, деревня и земли вокруг нее, особенно в районе центральной части города, принадлежали дворянам Николевым-Кругликовым и никогда не продавались другим господам.

К тому же, что довольно примечательно в своем роде, в М. Горках никогда не строились культовые здания. Много лет существовала обыкновенная подмосковная дворянская усадьба, останки которой при желании можно обнаружить в наши дни.

История ее такова. Где-то в середине XVII века, а точнее при царе Михаиле Федоровиче Романове, в России делались первые попытки создания регулярного, в достаточной мере обученного войска. Как писал об этой поре известный русский историк Дмитрий Иловайский:

"Зная недостаток военного искусства у московских ратных людей и превосходство в этом отношении западных европейцев, государи озаботились (*имеются в виду, конечно, цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович — В. К.*) заграничную вербовкою в свою службу большого количества офицеров и солдат. Ради этой цели Московское правительство воспользовалось услугами находившихся на его службе опытных иноземных офицеров, которых отправило для найма ратных людей и для закупки оружия в Швецию, Данию, Пруссию, в вольные немецкие города Гамбург, Любек и Бремен, в Голландию и Англию. Так, зимою 1631 года в Швецию к королю Густаву Адольфу поехал через Новгород полковник Александр Лесли, родом шотландец, в сопровождении стольника Племянникова и подьячего Аристова; последние должны были закупить 10 тысяч мушкетов с зарядами и 5 тысяч шпаг, а полковнику поручалось нанять 5 тысяч солдат с потребным количеством офицеров"...

Лесли имел полномочия нанимать людей только на один год и не более полутора лет. Любопытно при этом, что он мог брать в московскую службу всяких иноземцев, но только не французов и

¹ Глава из книги «Откуда есть пошла земля нарофоминская»
2001 г. ISBN 5-7542-0082-0

вообще не католиков. Предпринимая войну с католическою Польшей, государи не доверяли ее единоверцам; еще в свежей памяти была измена французских наемников в день "Клушинской битвы".

Главный элемент в составе наемных иноземцев представляли, конечно, немцы; но были представители других народностей: шведы, датчане, шотландцы, англичане, нидерландцы и даже французы, появившиеся в московской армии вопреки указанному выше запрещению принимать католиков. (Возможно, что то были гугеноты. Сторонники кальвинистов вели длительные религиозные войны с католиками и Московское правительство, естественно, знало настроения гугенотов). Вот среди этих представителей французских мушкетеров и прибыл в Московское государство человек по имени Николя де Мануар. Он был отпрыском одного из дворянских родов, получившим свой титул еще от французского короля Людовика XII.

В числе офицеров, обучавших русские формирования, были также иноземцы, прибывшие в более ранние годы и успевшие обзавестись на русской земле вотчинами и поместьями, в которых и жили в свободное от службы время. Другие жили постоянно в городе, в назначенное время являлись в свои полки, где и занимались обучением "ратному делу русских людей". Николя де Мануар был зачислен на русскую службу под именем Николева и под этим же именем получил впоследствии от царя Алексея Михайловича не денежное довольствие, а кормовые в виде восьмисот десятин земли и небольшое подмосковное сельцо Горки. Применявшаяся в то время хозяйственная или владельческая десятина равнялась почти полутора гектарам земли. Учтем это, и нам станет ясно, сколь далеко простирались владения горкинского помещика.

Получив на "прокорм" сельцо Горки и 800 десяти земли при нем, Николевы служили Российскому государству стольниками, стряпчими и в иных чинах.

Но вот наступил 1758 год. 21 ноября (а по старому стилю 10 числа) в семье Николевых, имевших в то время и в Москве свой небольшой дом, родился мальчик, которому дали имя в честь своего первого российского мушкетера — Николай.

Детство и Юность складывается удачно для Николая Петровича. За прошедшее годы Николевы сумели породниться со знаменитыми российскими вельможами, и совсем еще мальчиком

Николай Петрович попадает в дом блестящей Екатерины Дашковой, где получает великолепное образование. За время пребывания за границей Екатерина Романовна познакомилась с Вольтером, Дидро, Адамом Смитом и, естественно, передовые идеи выдающихся мыслителей не остались для Николая Петровича тайной за семью печатями. Он становится твердым сторонником классицизма, и свои взгляды на тему излагает Дашковой в так называемом "Лиродидактическом послании". Однако в своей дальнейшей творческой практике, как отмечали исследователи, Николев испытал влияние различных направлений.

Николай Петрович женится на княгине Екатерине Александровне Долгоруковой. К сожалению, к 1784 году он теряет зрение и вынужден целиком отдаться литературной деятельности. Следуя канонам классицизма, написал "Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня": ода была написана в жанре пародии, другая — с использованием фольклорных мотивов. Позже в духе сентиментализма были написаны стихи "Вечерком в румяну зорю...", "Взвейся, выше понесися" и другие, ставшие популярными народными песнями. Однако основное место в творчестве Николева занимает драматургия. Некоторые пьесы настолько полно выражали идею протеста против деспотизма, что театральная цензура вмешивалась и запрещала их постановку. В 1792 году Н. П. Николев был избран членом Российской академии наук.

Если в литературных кругах Николева называли "российским Мильтоном", то Павел I, например, попеременно величал его "слепым прозорливцем" или "ясновидящим слепцом". Очевидно, за поэмы "Потерянный рай" и "Возвращенный рай".

Николевым были написаны трагедии "Сорена и Замир", "Пальмира", "Святослав". Преуспел он и в комедийном жанре: Например, комедия "Самолюбивый стихотворец" высмеивала хорошо известного в то время А. Сумарокова. А комическая опера "Розана и Любим" была проникнута глубоким сочувствием к крепостным крестьянам. Комедия "Попытка не шутка" ставилась в коллективах художественной самодеятельности в течение долгого времени после Великой Отечественной войны.

В 1795 году предпринимается издание собрания сочинений Николева в 10 томах. Но после выхода первых пяти томов

прекращается. С тех пор издание собрания сочинений Николева не предпринималось. Николай Петрович был мастером едкой эпиграммы, и за свой сарказм ему иногда приходилось расплачиваться. Одна из эпиграмм явилась причиной его многолетнего пребывания в своем имении (Малые) Горки. Произошло следующее.

Готовился спуск на воду со стапелей трехмачтового военного корабля, название которому дал сам император: "Благодать". Спуск на воду нового корабля — это всегда праздник. Разодетая знать, моряки, музыка... Фрегат скользит по стапелям, минует последний кильблок, врывается в воду... и переворачивается вверх дном. Конфуз. Не только для строителей. Об этой впечатляющей картине рассказывают Николеву, который сочиняет эпиграмму:

*Ни в чем удачи нет уроду,
И "Благодать" не лезет в воду.*

Император по достоинству "оценил" личный выпад против него и приказал слепому поэту продолжать свою литературную деятельность в родной подмосковной деревушке. В Горках у Николева был трехэтажный дворец. По воспоминаниям современника, фасад здания простирался на 52 сажени (русская сажень равнялась 2,13 метра длины), в Горках был свой театр, английский парк. О размере дворца можно было судить по величине одного из флигелей, сохранившемся до 20-х годов нашего столетия. Все эти великолепные строения могли бы стоять в Горках очень и очень долго, если бы не французское нашествие в 1812 году.

В окрестных нынешней Апрелевке деревнях и селах во время оккупации располагался корпус наполеоновского маршала Понятовского. И, конечно же, зная об отношениях самого французского императора к тем иностранцам, которые находились на русской службе (Наполеон считал их предателями, ибо ему была уже подчинена вся Европа и место каждого европейца, как он считал, только в его армии), Понятовский должен был наказать потомка французского мушкетера. Николев, конечно, не оставался в Горках с приходом французов, но дворец-то стоял на высоком откосе берега Десны. Его не увезешь. И оккупанты дворец сожгли, разрушив остатки.

В период горкинского заточения Николай Петрович, естественно, вел большую переписку с друзьями по перу. Вот что, например, в 1799 году писал его ровесник, поэт-сатирик Дмитрий

Егор (Георгий) Николаевич Кругликов

Петрович Горчаков. Стихотворение это называлось "Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву":

*От слепого
Нет ли слова!
Что за лень!
Иль работа,
Иль забота
Всякий день?*

Горчаков любил менять размеры в своих стихотворениях. И в этом же своем послании Николеву спрашивает уже другой стихотворной строкой;

*Скажи, когда с тобой беседы
Опять в Москве возобновим?*

Н. П. Николев и Д. П. Горчаков одно время входили в объединение под названием "Беседы любителей русского слова".

Николев, как автор тираноборческой трагедии "Сорена и Замир" пользовался известностью и почитанием среди просвещенных кругов оппозиционного дворянства. Горчаков, между прочим, преклонялся перед литературным авторитетом Николева. Литературоведы нашей эпохи отмечали, что "в период тиранического правления Павла I Николев сохранил свойственный ему независимый образ мыслей".

Единственная дочь Николева вышла замуж за верейского дворянина Кругликова, и с тех пор история Малых Горок связана с фамилией Кругликовых. После французского нашествия, когда основа имения была уничтожена, семья до тридцатого года жила в одном, чудом сохранившемся флигеле.

Строить новый дворец у Кругликовых не было ни желания, ни сил. В справочной книге Московской губернии за 1890 год в Верейском уезде втором стане Петровской волости значится усадьба дворянина Егора Николаевича Кругликова при селце Горки с 68 крестьянскими душами обоего пола.

Георгий Николаевич значительную часть своей жизни провел в родном Верейском уезде. Одно время как представитель Московского сельскохозяйственного общества работал в уездном центре. Имел звание титулярного советника — чин 9 класса, равный

дворянскому званию. Потом работал в Москве мировым судьей Хамовническо-Пречистенского участка.

Георгий Николаевич Кругликов женился на представительнице рода знаменитых грузинских князей Омелахвари. После свадьбы Георгий Николаевич решил познакомить молодую жену со своим родовым имением в Горках. Приехали, посмотрели. Очевидно, по грузинским меркам верейско-нарофоминские Горки показались княжне слишком убогими. Она решительно отказалась хоть на день приезжать в Горки в дальнейшем. Естественно, и самому хозяину пришлось поставить своего рода крест на имении. Поэтому он сообщил горкинским крестьянам, чтобы они не стеснялись брать в хозяйском флигеле все, что может пригодиться в их личном крестьянском хозяйстве.

Георгий Николаевич Кругликов был убежденным демократом и по мере своих сил и возможностей старался помогать крестьянству. Например, в результате его хлопот в Горках была открыта сельская школа, единственная в округе.

К югу от Апрелевки есть село Афинеево, до революции принадлежавшее известному меценату, основателю театрального музея в Москве А. А. Бахрушину. Его сын Юрий в середине прошлого века также написал весьма интересные литературные воспоминания, которые долгое время оставались в архивах основанного отцом музея и были изданы только в середине 90-х годов.

Бахрушины поселились в соседнем Афинеево в 1913 году, и свои впечатления о Малых Горках Юрий Алексеевич Бахрушин записал так:

"Всюду обнаруживались запущенные остатки некогда великолепного имения. Заросший и потерявший всякий вид английский парк, затянутые водорослями копаные пруды с островами, разрушенный сход от главного дома к реке, заросли одичавшей сирени, жасмина, акаций были единственными жалкими остатками былого великолепия".

Скончался Кругликов 5 сентября 1907 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище. Московские рабочие выразили свое отношение к его памяти возложением венка с красными лентами и следующей надписью: "Судье, защитнику угнетенных".

Гуманизм творческого наследия Николева наложил свой след и на следующие поколения хозяев Горок, ставших уже Кругликовыми.

В печатных изданиях Московского региона в последние годы время от времени появляются публикации о Кругликовых. Скажем, одна из них называлась "Последний помещик Подмосковья". В ней очень тепло рассказывалось о Венедикте Георгиевиче Кругликове.

Он родился в Верее 18 января 1887 года. Окончил московскую классическую гимназию, затем поступил на физико-математический факультет Московского университета. В годы учебы однажды принял участие в студенческих беспорядках, за что был на год исключен из числа студентов.

В 1903 году Венедикт Георгиевич оканчивает университет и, не теряя даром времени, поступает в Петровскую сельскохозяйственную академию. Заканчивает нынешнюю Тимирязевку в 1906 году и вскоре начинает работать агрономом в Бронницком уездном земстве. Затем его переводят участковым агрономом в Подольский уезд, работает он в Звенигородском уезде, в областных сельскохозяйственных органах.

В годы учебы в сельскохозяйственной академии Кругликов примкнул к группе революционно настроенных эсеров. Из академии Венедикт Георгиевич вынес революционные взгляды, а от отца да унаследовал его любовь к деревне и демократичность. Он, например, считал, что пользоваться принудительным трудом преступно, а потому самолично обрабатывал свою землю: пахал, боронил, сеял и убирал с нее урожай. Косил траву и заготавливал на зиму дрова. Это создало ему репутацию чудака как среди окружающих помещиков, так и среди крестьян. Он был очень добрым человеком и прекрасным семьянином.

До 1908 года в Горках прилегающие земли не распахивали — на них пасли скот. Получив сельскохозяйственное образование, Кругликов пришел к выводу, что землю надо использовать более продуктивно. Началась распашка заброшенных земель. Правда, сначала было небольшое опытное поле, помогавшее Кругликову в его агрономической деятельности. С января 1919 года участок перешел в пользование созданной по инициативе Кругликова сельскохозяйственной артели. Ее организовали, между прочим, в порядке соревнования с аналогичной артелью в соседнем селе, "Старо-Никольское".

Новые идеи по совместному ведению сельского хозяйства вызвали приток свежих сил в артель, означали увеличение

хозяйства. Сообща отремонтировали скотный двор, вырыли колодец, построили сенной сарай, погреб для хранения овощей и семенников.

В тот же год был заложен фруктовый сад на сто корней. В хозяйстве был принят восьмипольный севооборот, в артельное стадо отбирали только породистых животных. В 1921 году стадо было осмотрено специальной комиссией и занесено в племенную книгу московского губернского земотдела. Характерно, что артель стремилась обеспечить семенами и рассадой овощных культур окрестное население. Крестьяне обращались к агроному за советами по огородничеству и вообще по ведению личного хозяйства.

В 1921 году по инициативе губземотдела в Наро-Фоминске организуется кустовая сельскохозяйственная выставка. Горкинская артель принимает в ней участие по всему спектру земледелия и получает Диплом I степени за свои экспонаты по полеводству, семеноводству и огородничеству. Следом проводится губернская выставка в Московском зоологическом саду, и горкинские достижения оцениваются Дипломом 3 степени.

В 1922 году земотдел Моссовета выдал горкинской артели удостоверение о том, что она "признается племенным хозяйством губернского значения". А в следующем году Наркомзем освободил артель от уплаты налогов "как племенное и опытное хозяйство". Как видим, Венедикт Георгиевич Кругликов знал, как правильно трудиться на земле.

В те годы в Горках еще не увяла традиция встреч деятелей музыкального искусства. Все приезжавшие на день-другой артисты и композиторы, естественно, входили в круг друзей в то время уже ушедшего из жизни Семена Николаевича Кругликова. Среди них один из первых народных артистов республики, советский дирижер и композитор Вячеслав Иванович Сук (1861-1933); известный певец, в самые трудные военные годы руководивший вокальной группой Всесоюзного радио, тридцать лет проработавший в оперных театрах Москвы и Ленинграда народный артист республики Сергей Иванович Мигай (1888-1959); выдающийся дирижер, главный хормейстер Большого театра Ульрих Иосифович Авранек. Он родился в 1853 году в Чехословакии, в Россию приехал в 1874 году, у нас ему было присвоено звание Героя труда. Умер Авранек в 1937 году.

Это, разумеется, не все звезды музыкальной культуры, приезжавшие в Горки в первой трети теперь уже прошлого столетия. Все работали в Большом театре. Но когда хозяин Горок оказался в опале, то музыканты "получили" другое место возле Апрелевки, с ее западной стороны. Здесь возник посёлок дач Большого театра. В нем жили незабвенные Сергей Лемешев, Иван Скобцов и многие другие, в том числе ныне здравствующие звезды оперного и балетного искусства.

В 1929 году В. Г. Кругликова арестовывают и ссылают на три года в Соловецкие лагеря. Однако за Кругликова вступается один из известных в стране политических деятелей, секретарь ВЦИКа Амель Сафронович Енукидзе.

Приговор пересматривается и уже в следующем, 1930 году, Венедикт Георгиевич возвращается в свои родные Горки и работает по специальности в ряде сельскохозяйственных учреждений Наро-Фоминского района.

В одном остросюжетном фильме далеких советских лет происходит такой диалог между засланным в немецкий тыл советским разведчиком и немецким офицером. Последний не верит "тюремному прошлому" разведчика и просит предъявить справку об отсидке. Ответ разведчика стал крылатой фразой:

"НКВД справок не давал — НКВД срок давал".

Венедикту Георгиевичу повезло: НКВД дал ему не только срок, но и справку. Не имеет значения, что НКВД в те годы именовалось ГПУ.

Вот что славное ГПУ изобразило в своей "ксиве" (реквизиты, как то: штамп, исходящий номер, дату называть не буду, главное — содержание):

"Удостоверение дано Кругликову Венедикту Георгиевичу.

Осужденному ОСОО ГПУ 18.XI.29 г. №1211 (как аферист, сроком на три года, считая срок с 18.10.29 г) в том, что он сего числа освобожден из Соллагерей по пересмотру дела № 88540 особого совещания КОГПУ от 13.3.1930 г. досрочно от наказания освободить и направить в г. Москву.

Происходит из г. Верея Московской г., в армиях (белой, старой) не служил, по специальности агроном (женат), что подписями и приложением печати удостоверяется. На проезд

выдан литер за номером... заменой паспорту служить не может и подлежит обязательной регистрации в местном отделении милиции".

Тридцатые годы были вообще трудными для всего крестьянства страны. Особенно первая половина десятилетия, когда шла коллективизация. Не раз Кругликовых принимались "раскулачивать", выселять, переселять, увольнять с работы.

Очевидно, что чиновники из Наро-Фоминского райисполкома и райземотдела попросту боялись специалиста высокого класса и старались освободиться от его влияния. После очередного увольнения из РАЙЗО Венедикт Георгиевич вынужден был обратиться в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Те создали комиссию, произвели детальную проверку и выдали свое заключение: "Агроном Кругликов был уволен РАЙЗО за дачу преуменьшенных норм высева в 1932 году и за непринятие мер к очистке колхозов от чуждых элементов".

Одновременно Наро-Фоминский РИК 19 мая 1933 года возбуждал ходатайство перед Мособлисполкомом о выселении Кругликова из пределов селения Малые Горки, как бывшего помещика, мешающего организационному укреплению колхозов. Произведенной путем выезда на место проверкой ОБЖ НК РКИ установлено: Кругликов действительно является бывшим помещиком, но работает агрономом в Московской области, из них 16 лет — при Советской власти.

Обвинение Кругликова в даче преуменьшенных норм высева и непринятии мер к очистке колхозов от чуждых элементов не подтвердилось, а наоборот установлено, что Кругликов работал добросовестно и своей работой способствовал организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

По вопросу выселения Кругликова имеется постановление ВЦИКа от 25 ноября 1930 года об оставлении Кругликова в селе М. Горки ввиду его полезной агрокультурной деятельности.

ОБЖ НКРКИ постановляет:

"Ввиду того, что обвинение, предъявленное Кругликову, не подтвердилось, приказ РАЙЗО об увольнении Кругликова отменить и предложить РАЙЗО восстановить Кругликова в прежней должности.

*Венедикт Георгиевич Кругликов с женой Надеждой Осипов-
ной и внуком. Малые Горки, 1936 г.*

Довести до сведения Мособлисполкома, что за отсутствием новых данных, которые могли бы служить основанием к постановке вопроса перед ВЦИКом о пересмотре решения от 25 ноября 1930 года, ОБЖ НК РКИ считает ходатайство Наро-Фоминского РИКа о выселении Кругликова совершенно не обоснованным и не подлежащим удовлетворению".

Вот так отбивался от высосанных из пальца обвинений Венедикт Кругликов, последний помещик Подмосковья. Официально у нас в преследовании людей провозглашается принцип: сын за отца не отвечает. Но неофициально, даже "совершенно секретно" действовали иные механизмы. Вот такую "характеристику" отправили в Москву нарофоминские чекисты на сына Венедикта Георгиевича Георгия Венедиктовича. Конечно, в порядке ответа на соответствующий запрос.

"Сов. секретно. 14 августа 1935 года. Наро-Фоминск. Нач. СПО УГБ УНКВД по МО на №30818.

Сообщаю, что гражданин Кругликов Г. В. 1911 г. р. уроженец деревни Горки Мартемьяновского сельсовета Наро-Фоминского района М. О. По социальному происхождению Кр. — сын крупного помещика Кругликова Венедикта Георгиевича, имевшего 500 десятин земли.

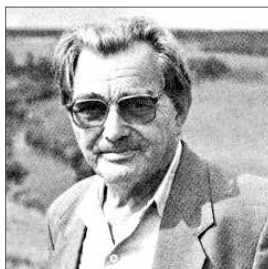
Кругликов Венедикт Георгиевич, бывший дворянин, состоял в партии эсеров с 1922 по 1928 гг. До революции также подвергался арестам. Активный участник партии ТКП и являлся одним из организаторов данной партии в Наро-Фоминском районе, за что в 1930 году был осужден коллегией ОГПУ на 3 года в Соловки, но так как Кругликов был хорошо знаком с бывшим секретарем ЦИК Енукидзе, по ходатайству Енукидзе Кругликов был освобожден. Сам Енукидзе часто бывал у Кругликова. Кроме того, Енукидзе и Кругликов были хорошо знакомы с помещиком села Афинеево Мартемьяновского сельсовета Наро-Фоминского района М. О. Бахрушиным, который по рекомендации Енукидзе устроился на работу в аппарат ЦИК, где работает по настоящее время, с которым Кругликов имеет хорошее знакомство и часто у того бывает на квартире в г. Москве. Кроме того, Кругликов хорошо знаком

с директором Большого академического театра. Сам Кругликов в данное время работает участковым агрономом в Наро-Фоминском районе".

В 1937 году не стало Енукидзе и Марии Ульяновой, Венедикт Георгиевич снова подвергается аресту, опять Соловки.

...

Конечно же, отец и сын полностью реабилитированы. Георгию Венедиктовичу была предоставлена полная возможность ознакомиться с делом, которое было заведено на него в середине 30-х годов. К этому времени он уже знал, что и как писали о нем его студенческие друзья, которых вызывали по его "делу". Увы, в папке присутствовал только "негатив".

Козлов Владимир Леонтьевич (1922-2009) родился, жил, работал в Апрелевке Нарофоминского района Московской области, член Союза журналистов России, краевед, участник Великой Отечественной войны, награждён двумя орденами ВОВ (1-й и 2-й степени).

В тексте использованы фотографии из архива Кругликовой Екатерины Георгиевны.

Аполлон Николаевич Кругликов

Родился 29 июня 1883 г. в Красноярском уезде в семье дворянина Николая Аполлоновича Кругликова. Окончил Красноярскую гимназию в 1902 г. Поступил в Санкт-Петербургский университет в 1902 г. на факультет восточных языков. Перешёл в Московский университет на юридический факультет в 1903 г. Эсер с 1903 г. С 1905 г. по 1907 г. неоднократно подвергался арестам и высылке из Москвы. Скрывался под чужой фамилией. В августе 1907 г. арестован в Киеве¹, осуждён к 8 годам каторги. Отбывал в Шлиссельбурге до 1910 г. (2 года в кандалах, одиночке). С 1910 по 1915 гг. — в Александровском центре Иркутской губернии. В 1915 г. вышел на свободное поселение, а затем был освобождён и поселился в Иркутске. Женился, в 1916 г. родилась дочь, а в 1922 г. — сын.

После февральской революции 1917 г. принял активное участие в революционных событиях в Иркутске. Был в тесных, дружеских отношениях с бывшими ссыльными, а затем видными политическими деятелями: А. П. Гоцом², В. С. Войтинским³, Ф. И. Даном⁴, Е. Ф. Роговским⁵, В. Г. Архангельским⁶.

¹ за участие в подготовке восстания Киевского гарнизона.

² член ЦК партии эсеров, председатель ВЦИК, член комитета «Спасение Родины и революции»

³ 1885–1960, писатель, экономист. С 1905 большевик, в 1908 приговорен к 4 годам каторги. После Февр. революции меньшевик, глава бюро ВЦИК, комиссар Врем. правительства на Север. фронте, готовил поход Краснова на Петроград. После провала арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Выпущен в 1918, уезжает в Грузию, в 1921 эмигрирует в Германию, в 1935 в США. В годы WWII советник президента США.

⁴ лидер меньшевиков, депутат конгресса II Интернационала, член ЦК РСДРП, глава фракции соц.-демократов в IV Государственной Думе, в 1917 г. — один из руководителей Совета РСД.

⁵ член Иркутского исполкома Общественных организаций, затем городской глава Петрограда, делегат III съезда ПСР, член Учредительного собрания, участник заседания 5 января 1918 г., участник французского движения сопротивления в годы II Мировой войны

⁶ эсер, член II Гос. Думы, делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК партии эсеров, гласный Иркутской Городской Думы, член Предпарламента, с августа 1917 в составе Временного правительства. Член бюро фракции ПСР, участник заседания учредительного собрания 05.01.1918

Вместе с ними Аполлон Николаевич участвовал в создании Комитета общественных организаций в Иркутске.

Март — июль 1917 г. он председатель Исполкома общественных организаций. В июле — ноябре 1917 г. Аполлон Николаевич — Иркутский губернский комиссар, член бюро партии эсеров. Делегат I Всероссийского съезда Советов РСД от 8-й армии Юго-Западного фронта. Обязательный кандидат ПСР в Учредительное собрание. Участник заседания первого и единственного заседания Учредительного собрания 5 января 1918 г., разогнанного большевиками. В 1918 г. — городской голова Иркутска. В сентябре 1918 г. — в комиссии по организации всероссийской власти на Уфимском совещании; выбран управляющим делами Всероссийского Временного правительства.

Член Уфимской Директории. Выступал там за скорейший после образования Директории созыв Учредительного собрания для поддержки им правительства. По нему, Директория должна была отчитываться перед Учредительным собранием в своей деятельности, поставив своими главными задачами антибольшевистскую борьбу, восстановление единства России, войну против Германского блока, воссоздание боеспособности Русской армии, которая должна находиться вне политики с хорошей дисциплиной. Организацию власти, таким образом, чтобы военные не вмешивались в действия гражданских, автономно нуждающимся в том народам, борьбу с разрухой и инфляцией. Выступал за сохранение нормативного распределения продуктов и гос. заготовок, за восстановление налогового аппарата. По аграрному вопросу выступил в пользу оставления землепользования в руках тех, кто землю обрабатывает, но окончательный голос по нему здесь должно было высказать Учредительное Собрание. Данные идеи удовлетворили большую часть собравшихся на Уфимском совещании. Вошёл в Уфимскую Директорию. Согласился на вхождение в правительство И. Михайлова, опасаясь в противном случае распада Директории.

18 ноября 1918 г., Колчак, опираясь на поддержку союзников и казачьи части, совершил переворот и разогнал Уфимскую Директорию. Трое руководителей были высланы за границу, остальные арестованы, но вскоре отпущены. Аполлон Николаевич в 1919 г. вместе с семьёй переехал во Владивосток, где

Петербург. 1907 г.

работал в «Сибземгоре».

В феврале 1920 г. власть генерала Розанова была свергнута и возникла Приморская областная Земская управа, а затем ДРВ.

4 июля 1920 г. Народное собрание образовало коалиционное правительство из всех политических организаций. Во главе стоял коммунист П.М. Никифоров.

Аполлон Николаевич Кругликов — управляющий внутренними делами. 26 мая 1921 г. произошёл «Меркуловский переворот». Аполлон Николаевич был выбран в Народное собрание и работал в оппозиции к правительству.

В 1922 г. Земский Собор избрал генерала Дитерихса правителем Приамурского края.

Аполлон Николаевич отошёл от политики и стал работать адвокатом. 25 октября 1922 г. красные заняли Владивосток.

Аполлон Николаевич был арестован, заболел сыпным тифом в тюрьме и умер 27 января 1923 года.

Похоронен во Владивостоке.

Г. И. Маяковская

СРЕДИ ПОЛИТКАТОРЖАН¹

...Совсем в другом роде², по своему, колоритнее и пестрее рисуется мне фигура другого шлиссельбуржца, Аполлона Николаевича Кругликова.

То был коренастый, лет 25-ти молодой человек с бойкими черными глазами, живой и энергичный. Весельчак и балагур, он легко сходил за запанибрата с людьми не только самых различных, но даже прямо противоположных общественных положений, всюду умея проникнуть и везде устраиваться. Человек темпераментный, он до того, что подвергся очищающему и облагораживающему влиянию социализма и революции, отдал пыл своей ранней молодости и всю бурность своих чувств совсем на другом поприще...

Примкнув к партии соц.-рев., Кругликов со временем стал близок к центральным ее учреждениям, выезжал по партийным делам во многие города и сидел во многих тюрьмах. В последний раз он привлекался по делу об организации покушения на Николая II (процесс лейтенанта Никитенко, студентов Наумова и Синявского, Пигит, дочери землевольца Бибергаль и др.). Процесс этот был наполовину спровоцирован, так как покушение на царя, принципиально решенное боевой эсеровской организацией, фактически едва лишь налаживалось и не было доведено до конца только потому, что Департамент полиции был все время в курсе дела. Видный террорист Никитенко, Синявский и сын царско-сельского почтового чиновника студ. Наумов были приговорены к казни и повешены, остальные же отделались каторгой и ссылкой. А. Н. Кругликов получил всего лишь восемь лет каторги, для отбывания коих и сослан был к нам в Шлиссельбург.

Воспитавшийся в купеческих кругах Москвы, Кругликов обладал большим даром использовать людей, наступая на кого нахрапом, а на кого действуя исподволь, систематически располагая его в свою пользу или в пользу того общего дела, которому Кругликов в данный момент служил, например, в пользу дела революции. Своими самоуверенными и внушительными манерами, повелительной и

¹ Изд. Всесоюзного общества политкаторжан, М., 1930. Стр. 36-41.

² Генкин сравнивает Аполлона Николаевича Кругликова с марксистом-большевиком Владимиром Осиповичем Лихтенштадтом.

безапелляционной речью Кругликов с первого же раза заставлял всех считаться с собою. У него так и выработалась привычка всюду и везде напускать на себя важность. Это очень импонировало.

В отличие от всех политкаторжан, сидевших в 1908-1909 гг. во II-м «народовольческом» одиночном корпусе и бойкотировавших начальника тюрьмы за то, что он выпорол розгами трех заключенных, Кругликов один единственный не участвовал в этом бойкоте. Изображая из себя солидного человека и лояльного арестанта, Кругликов очень ловко использовал не только для себя лично, но и для всего арестантского коллектива свое давнишнее знакомство с начальником Зимбергом и свое влияние на его помощника, князя Гурамова. Обоих он знал по Петербургской тюрьме, где Кругликов некогда сидел. Гурамовым, добродушным и недалеким человеком, Кругликов прямо помыкал, иной раз возлагая даже на него (арестант на пом. начальника!) различные поручения. В это же время Кругликов за спиною начальства писал ядовитые и полные сарказма корреспонденции в нелегальные с.-р. органы и добивался целого ряда льгот, существенно облегчавших положение заключенных всего одиночного Корпуса.

Больше того. Будучи сторонником «мирных» отношений со всякого рода начальством и предпочитая открытой борьбе – сложные и замаскированные дипломатические ходы и подходы, Кругликов первый как следует и надолго связал нелегально нашу тюрьму с волей. Очень ловко и хитроумно обратил он двух надзирателей в своих почтальонов, посылая их с тайными поручениями в Петербург, к прис. пов. А. Неустроеву, и через их посредство получал и свежие газеты, и наличные деньги, и даже особые, невидимые симпатические чернила, при помощи которых мы вели тайную переписку с волей на тех самых листиках бумаги, которые выдавались нам для писания писем, посылаемых через тюремную же контору...

Делячество, окрашенное в цвет энтузиазма, – таково было основное свойство этого политкаторжанина. От окружающей его обстановки и от окружающих его людей Кругликов извлекал Максимум возможного. Так он делал, когда нужно было получше ему самому устроиться в тюрьме или же выбраться из тюрьмы в вольную команду, – но так же он делал, когда ему нужно было осуществить то или иное партийное, вообще общественное, большое или малое, предприятие.

Кругликов был осужден по эсеровскому делу, то есть по делу партии, которая в те времена официально считалась самой «левой»

(за исключением разве анархистов, еще более «левых», чем эсеры). Но при этом крайне характерно, что решительный радикализм в вопросах чисто политических (безусловный бойкот Госуд. думы, безусловные партизанские выступления, безусловный центральный террор, безусловная социализация земли и т. д.) Кругликов соединял с чисто оппортунистическими взглядами в целом ряде вопросов более общего свойства. Так, он был сторонником бернштейновского ревизионизма, иронически относился к основным положениям марксизма и т. д.

Впрочем, проблемы теории его мало занимали, и в них он, патентованный интеллигент, студент-юрист последнего курса, разбирался меньше, чем любой рабочий-эсдек из числа сидевших у нас же в Шлиссельбурге. Зато Кругликов считался хорошим «практиком» в том особом значении, какое придавалось этому термину в подпольный период.

Из Шлиссельбурга Кругликов сумел добиться того, что редко кому удавалось, именно – перевестись в Александровский каторжный централ (Иркутск. губ.), где политкаторжанам жилось, относительно говоря, недурно, где они пользовались некоторой свободой общения с женами, занимались огородничеством, получали газеты с воли и т. д.

После Шлиссельбурга я встретился с Кругликовым лет через семь, в г. Иркутске, куда я бежал из ссылки. Кругликов давно уже кончил каторгу, свободно проживал в столице Вост. Сибири. О его умении выходить из любого затруднительного положения я уже говорил; неудивительно, что и в Иркутске он имел хороший заработок, занимал большую квартиру в центре города и т. д. От активной политики он отошел, но эсером продолжал считать себя по-прежнему.

Февральская революция с ее ослепительными легальными возможностями заставила Кругликова встряхнуться. Он сбросил с себя усыпляющую пелену обывательщины, стал играть видную роль в (наиболее сильной тогда в Иркутске) эсеровской организации, входил в Исполком эсеров-меньшевистского Совета рабочих депутатов. От массовой работы он стоял в стороне, концентрируя свое внимание на административной деятельности. Вскоре он – бывший арестант – занял пост, который до него занимал генерал-губернатор. Кругликов был более чем доволен положением вещей.

Наступил Октябрь 1917 г., в Иркутск пришедший с некоторым запозданием. Власть перешла к новым людям, и Аполлон Николаевич,

полный обиды за себя и тревоги за судьбу «великой революции», полный скептицизма к тому, что ожидает «несчастную страну», отошел вовсе от большой политики. Былой (дошлиссельбургский) революционер он обратился в свою противоположность, и даже среди правых сибирских эсеров Кругликов считался на крайне правом фланге.

Но вот в мае 1918 г. чехо-словаки открыли на Волге противосоветский фронт. Наступает царство самарского Комитета Учредит. собрания. На Урале и в Западной Сибири образовывается так назыв. «Директория», возглавляемая Авксентьевым, и А. Н. Кругликов назначается ее управделами.

Директория, как это ей и на роду было написано, порождает Колчака, которого поддерживают, с одной стороны, англичане, французы и русские белогвардейцы, а с другой – такие персонажи, как бывш. народоволец шлиссельбуржец Панкратов, бывш. редактор «Русских Ведомостей», тоже из народовольцев, Белявский-Белоруссов, бывший ссыльный и эсеровский ренегат Старынкевич, бывш. поселенец с.-р. каторжанин С. Третьяк и П. Д. Яковлев, обалдевший и обезумевший от ненависти к большевикам Шумиловский, одно время считавший себя меньшевиком. В Сибири начинается разгул хулиганской атамановщины. При сознательном попустительстве упомянутого Старынкевича учиняется расправа с теми самыми правыми эсерами, которые в своем антибольшевистском ослеплении шли навстречу колчаковщине. Арестовывают Авксентьева, Зензинова и Роговогого пытаются арестовать Виктора Чернова, который, энергично брыкаясь против Колчака, в то же время цеплялся за почти-колчаковца Авксентьева, наконец, зверски убивают, вытащив их из тюрьмы, куда их предварительно засадили, видных эсеров Фомина, Брудерера, фанатичного «оборонца» из меньшевиков Евг. Маевского и других.

Ошеломленные эсеры, получив изрядное количество тумаков, уходят в подполье, их фрондирование против колчаковского режима переходит в активную оппозицию, они начинают думать о сближении с большевиками, во всяком случае, о прекращении борьбы с ними во имя объединенной борьбы с реакцией, в порождении которой они сами и участвовали... Такого же рода эволюцию задолго до с.-р. успели уже проделать сибирские с.-д.

В Иркутск пробираются через всякие фронты эсдековские (Б. И. Николаевский и Ив. Ив. Ахматов – горячие сторонники ориентации на большевиков) и с.-р.-ские цекисты (среди них б. орловский

каторжанин Ф. Ф. Федорович). При участии политкаторжанина Бориса Друганова, старого с.-р.-ского боевика Н. Б. Калашникова, и капитана Соколова («Игоря»), впоследствии замученного на смерть в числе 31 на Байкале, – устраивается нелегальная военная организация. Вместе с соц. дем. (среди них политкаторжане, старый «искровец» Леон Гольдман и интеллигент из крестьян М. М. Константинов, ставший потом большевиком) формируется т. н. «Политический Центр»¹, который при активнейшей поддержке подпольной большевистской организации и свергает правительство Колчака, в конец дезорганизованное победоносным продвижением пятой Красной армии и действиями сибирских партизанов.

Вооруженный отряд с.-р. – меньшевистского «временного» точнее, кратко-срочного, правительства («Политич. Центра»), возглавляемый политкаторжанином М. С. Фельдманом, арестовывает, при пассивном содействии чехо-словацкого военного командования, самого

¹ Вдохновители «Полит. Центра» носились тогда с широкими планами внедрения системы, впоследствии известной как «нэп», не только в область экономики, но и в область политики. В поучение большевикам они хотели доказать возможность существования республики, осуществляющей социализм мирными, чисто «демократическими», а не «террористическими» методами.

Имелось еще в виду ликвидировать атамановщину, интервенцию и блокаду путем образования формально независимого буферного государства. Один из авторов этой насквозь утопической концепции, Ив. Ахматов, потом отказался от нее; ныне он член ВКП(б).

По соображениям политической целесообразности, эту идею решили использовать (но лишь на время и лишь для определенного участка Сибири) многие сибирские коммунисты, напр., А. Краснощекое и особенно предреввоенсовета 5 армии Иван Никитич Смирнов, вообще полагавший, что зажиточное сибирское крестьянство скорее лишний груз для пролетарского государства, чем соучастник именно в социалистическом строительстве. По стратегическим и тактическим соображениям Москвой (в том числе и Лениным) санкционировано было вскоре после описываемых событий образование т. н. «буфера», т.-е. демократической Дальневосточной Республики. Просуществовав 2½ года, ДВР самоликвидировалась, приняв конституцию советского типа (*примечание И. И. Генкина*).

Колчака. Вскоре, при участии иркутских левых с.-р. (д-р М. Левинсон, М. Хайновский и др.), перешедших почти целиком к большевикам, адмирал Колчак и его главный министр Пепеляев расстреливаются. Словом, в Иркутске происходят знаменательные события, и партийные товарищи Кругликова играют в них не последнюю роль.

Но Кругляков, несмотря на свой темперамент, старается держаться от них подальше.

Еще в Омске колчаковщина и антиколчаковщина одинаково не пришлись ему по вкусу, он подал в отставку, снова ушел от большой политики и поступил в кооператоры: к услугам Кругликовых всегда были готовы учреждения, в роде Иркутского отделения Московск. народного банка.

Если эсеровская политика объективно породила колчаковщину, то правозэсеровские кооператоры Западной Сибири не только объективно, но и вполне сознательно поддерживали в первое время правительство Колчака; немало денег было ухлопано на эту поддержку, не говоря уже о моральном и организационном «вспомоществовании». Тем не менее кооперации при Колчаке жилось весьма-таки неважно. Не удовлетворившись своим положением (скромным в смысле оклада и влияния) в кооперации, Кругликов поступает на службу к крупному иркутско-харбинскому купцу и спекулянту Камову...

...Конец Кругликова таков. Когда в 1922 г. советские войска взяли г. Владивосток, находившийся в то время в руках белогвардейцев японской ориентации, то вместе с остатками белогвардейщины большевиками были арестованы и выходец из крестьян ген. Болдырев, и А. Н. Кругликов. Оба они когда-то работали с Колчаком, оба ушли от него, когда адмирал начал видите ли, «изменять» принципам демократии, и оба они потом на Дальнем Востоке образовали группу «беспартийных демократов», выступавших против белогвардейцев столько же, сколько и против большевиков. Из эсеровской партии Кругликов еще задолго до этого официально вышел. Генерала Болдырева впоследствии амнистировали и он добросовестно работал в сибирских советских учреждениях. Кругликов же заболел в тюрьме сыпным тифом и умер. Смерть в советской тюрьме прервала дальнейшую карьеру этого незаурядного, но вихрем событий отброшенного далеко в сторону от революции бывшего революционера и политкаторжанина.

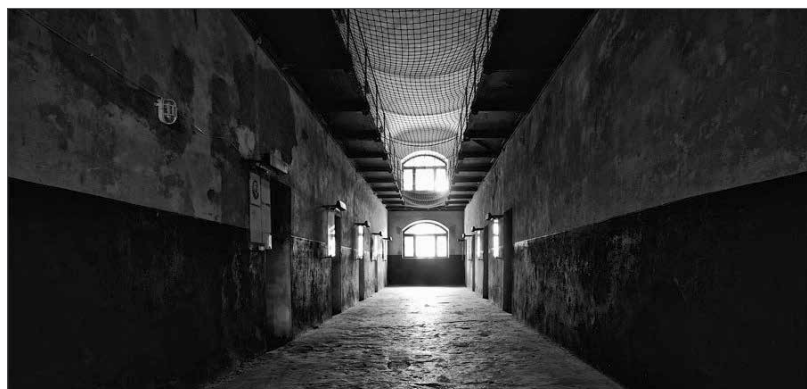
* * * * *

Итак, 20 ноября 1907 г. Петербургский Военно-окружной суд признал подсудимого Кругликова виновным в том, что в 1907 г. он «вступил в преступное сообщество, боевую организацию при ЦК партии эсэров, с целью изменить образ правления в России...». Как пишет Генкин, *«получил всего лишь восемь лет каторги, для отбывания коих и сослан был в Шлиссельбург»*.

Шлиссельбургская крепость (Орешек) расположена на небольшом острове Ореховом в истоке Невы из Ладожского озера. Крепость основана новгородцами в 1323 г. С XVIII в. носит название Шлиссельбург, «город-ключ». Так Петр I назвал старый Орешек после того, как он был отвоеван у шведов в 1702 г. в ходе Северной войны. После этого она в течение 200 лет была политической тюрьмой. Первые узники — члены царской семьи; затем — революционеры. В крепости имелось 6 бастионов, солдатские казармы, монетный двор, собор, колокольня. Стены крепости 14 м в высоту. В 1798 г. казармы были перестроены в Старую тюрьму или Секретный дом. Узниками ее были декабристы и Герцен. Новая тюрьма была построена в 1884 г. и состояла из 40 одиночных камер. Сюда были переведены народовольцы из Петропавловской крепости. С 1884 по 1906 гг. в Шлиссельбурге отбывали наказание 69 человек (из них 15 были казнены, 16 умерли от болезней, 8 сошли с ума, 3 покончили с собой). После революции 1905 г. был создан каторжный централ, перестроены «Старая тюрьма» и бывшие казармы. В 1911 построен новый 4-этажный корпус на 600 заключённых. В период с 1907 по 1917 узниками были матросы Севастополя и Кронштадта, солдаты восставшего Киевского гарнизона, эсеры, большевики.

Сейчас около камер висят портреты бывших узников, в том числе и Аполлона Николаевича Кругликова. Он прибыл сюда 15 марта 1908 г. из Петропавловской крепости и был помещен в камеру №18...

Справа: Шлиссельбургская крепость; 3-й (народовольческий) корпус; внутри корпуса (современные фотографии).

Из воспоминаний В. Я. Ильямса¹

Нашу партию принял начальник крепости Василий Иванович Зимберг. Он произнёс большую речь о том, что мы опасные люди, присланные для исправления. Сношения с внешним миром здесь наладить невозможно, а ваши протесты услышат только стены, да невские волны. Затем меня повели через крепостной двор, остановились у невысокой каменной ограды. Надзиратель позвонил, калитка открылась, и я вошёл в другой дворик и прямо перед собой увидел знаменитую народовольческую тюрьму. Ничто абсолютно не изменилось в её внешнем облике. Двухэтажная, с маленькими окнами, с крыльцом посередине. Поднявшись на ступени, мы вошли в коридор. И там было всё, как описывали в своих воспоминаниях народовольцы. Надзиратель указал мне одиночку и захлопнул тяжёлую, окованную железом дверь. Внутренний вид одиночки удивил меня своим необычным устройством. В камере было шесть углов. Дабы заключённый не укрывался от взоров стражи, передние два угла срезаны. Окно в камере расположено так высоко, что, стоя на полу, можно было видеть только клочок неба. Железная подъёмная кровать прикована к стене. Напротив — вделанные в стену железный столик и табурет. В левом углу от входа — водопроводный кран, раковина и уборная. Отопление было паровое, но зимой и осенью было очень холодно — 8-12 градусов. Над столом висела небольшая электрическая лампочка. Пол когда-то был выкрашен в красный цвет, но за долгие годы в нём выбили широкую дорожку, и краска осталась лишь в углах. Что поразило меня, так это тишина в корпусе. Лишь изредка был слышен слабый звук кандалов.

Из воспоминаний Ф. И. Петрова

3-й корпус состоял только из одиночек, но во многих камерах сидели по два человека. Корпус был исключительный по составу заключённых; сидел тут народ авторитетный, крепкий, находившийся на особом счету у начальства... Весной нам разрешалось

¹ прибывший в Шлиссельбург в том же 1908 году и помещённый в 3-й корпус.

работать на огороде, созданном ещё нашими предшественниками — народовольцами. Работали с большой охотой, выращивали овощи и цветы. Заключённые занимались сушкой цветов, которыми обклеивали специально нарезанные картонки вроде почтовых открыток и посылали своим родным. Тюремная цензура пропускала такие открытия сверх нормированного листка для письма... В больших общих камерах выбирался староста камеры, а в относительно малом 3-м корпусе, состоявшем из одиночек, выбирался староста корпуса. Старостой 3-го корпуса в 1908 году был А. Н. Кругликов...

Из воспоминаний Виктора Колосовского

Режим тюрьмы предусматривал полуголодное существование заключённых. Поэтому каждый имел право тратить 4 рубля в месяц из денег, получаемых от своих родных или заработанных в мастерских на махорку, мыло, марки, еду. На приобретение книг средства не ограничивались, и некоторые ежемесячно выписывали литературу на 10 — 15 руб.

Из воспоминаний В. М. Зензинова:

Как ни покажется это странным, в нашей тюремной жизни¹ были и поэтические минуты, даже целые вечера. В числе тюремных сидельцев был студент московского университета Аполлон Кругликов, пропагандист нашего Комитета, обладатель прекрасного баритона. Родом он был из Красноярска, из Сибири. А как раз этажом ниже сидела его землячка, из того же Красноярска, Маруся Монюшко² — хорошее сопрано. И они часто устраивали вдвоем настоящие концерты — пели дуэты из разных опер, романсы и народные русские песни. Вся тюрьма в эти минуты замирала и с наслаждением слушала прекрасное пение...

¹ Здесь речь идет о Таганской тюрьме (Московской губернской уголовной тюрьме).

² речь идет о Елене Владимировне Монюшко, арестованной в числе группы эсеров по "пистолетному делу" — за нелегальное приобретение в Туле и доставку оружия в Москву в январе 1905 г.

*Из писем Аполлона Николаевича Кругликова
Варваре Петровне Ермаковой¹*

Март 1909 г.

...Пока же мы живём ладно, без особых тревожностей. Наша семья (3 корпус) — 36 человек. Группировки определяют, по обыкновению, партийность и личные симпатии. Я и мои идейные единомышленники живём как всегда и везде самой дружной и тесной группой, но нас очень мало, 5—6 человек. Наших принципиальных друго-врагов вдвое больше, остальные — неопределённая сборная масса, тяготеющая к разным лагерям, но вообще предпочитающая ругать всех и вся без разбора и оснований. Громадное удобство нашей жизни — возможность быть предоставленным самому себе, иметь в своём полном обладании «отдельное помещение». Но это только в нашем маленьком корпусе (№ 3). Большинство населения острова обитает в двух других корпусах, изолированных от нашего, в обстановке и условиях значительно худших. Вопросы питания решаются не в зависимости от наших потребностей и вкусов, но в размере и качестве, достаточных для того, чтобы не подорвать организм в корень. Что касается лично меня, то я почти мирюсь с нашим «столом», не избегая, впрочем, возможности дополнить его выпечкой, не считая крайне редких «передач» (сахар, чай).

¹ В этом разделе использованы письма и фотографии из архива Галины Ивановны Маяковской, внучки А. Н. Кругликова и В. П. Ермаковой.

Ермакова Варвара Петровна — дочь Петра Яковлевича Ермакова, коллежского советника по лесному ведомству, и Юлии Дмитриевны Дидевич. Родилась в Киеве в 1885 г. С Аполлоном Николаевичем Кругликовым познакомилась в Красноярске, куда П. Я. Ермаков с семьёй переехал в связи с переводом по службе. В 1906-1907 А. Н. по заданию ЦК эсэров часто бывает в Киеве; там он поддерживает тесные отношения с Ермаковыми. После его ареста в Киеве в 1907 г. за Варварой Петровной была установлена слежка, а в 1908 г. она была арестована по обвинению в хранении нелегальной литературы и провела 2 месяца в тюрьме.

Только на Рождество и Пасху бывает обилие всяких приятных штучек, привозимых из Питера, создающих иллюзию постоянного праздника, который долго предвкушался, а затем долго вспоминается. При этом состояние моего организма гораздо лучше, чем было не только у «Петра и Павла» (Петропавловская крепость), но и вообще в последние годы жизни на воле. Из 36 обитателей, я, кажется, один из первых по здоровью и силе. Право, я давно уже не чувствовал себя таким бодрым и свежим...

...Полтора года! За это время я успел растерять большинство своих товарищей и некогда близких друзей, — «иных уж нет, а те — далече». И если они, когда-то тепло относившиеся ко мне, забыли меня, то я на них не в претензии. Будет время, и мы вернёмся в жизнь с той же верой и надеждой на торжество правды — истины и правды — справедливости, мы опять будем в кругу старых друзей, с которыми связана наша юность, наши лучшие годы. И хочется уверить вас всех, друзей и близких наших, что мы придём к вам не менее сильными и бодрыми, чем ушли. Мы не будем упрекать старых друзей в забвении нас, ибо уже в своё время мы получили от них тепло и ласку, горячий привет и братскую поддержку, и сейчас, изгнанники жизни, в воспоминаниях о них мы черпаем и отраду, и утешение.

...Идёт весна и скоро опять — в огород. Буду с наслаждением копать в грядках, даже подумываю о том, что маленький огородишко разобью самостоятельно (т.е. «вне учреждения»), когда получу возможность на то. 20 мая сего года, т. е. через 2 месяца, я могу быть причислен в отряд «исправляющихся» (это зависит, в основном, от отбытого срока), тогда же с меня должны снять кандалы, которые я пока благополучно таскаю на своих ноженьках. В звании «исправляющегося» я продолжу отбывать срок, причём с каждого дальнейшего года мне могут отбрасывать по 2 мес, а это в сумме 13 мес. Так что я могу быть освобождён и причислен к «ссыльно-поселенцам» через 6 лет и 9 мес, т. е. 20.10.1914. Из такого посёлка я отлучаться не смогу; на это я получу право только в 1915 г. и тогда вся Сибирь будет в моём распоряжении. Но мне не пристало просить кого бы то ни было о применении ко мне вышеуказанных льгот. Но «всяк счастья своего кузнец», и я не упущу случая воспользоваться «законом» тем путём, который не будет для меня компромиссом.

Апрель 1909 г.

Чем я живу? Можно было бы указать на книги. Наиболее интересными и волнующими моментами являются именно книжные. Все мы явились сюда недоучками, все мы сознаём бедность нашего теоретического багажа и необходимость пополнить его. Но у разных лиц разные интересы даже в теоретической сфере: есть специалисты по философии, естествознанию, лингвистике, а я, например, захватывая концентрическими кругами все сферы знаний в пределах «энциклопедической» программы Карпова, особенное внимание останавливаю на вопросах социальных. Я не порвал со своим прошлым и полагаю, что здесь я, так сказать, «в отпуску», «на отдыхе» и что моя обязанность возвратиться в жизнь не только не менее энергичным и сильным, но и более работоспособным с прочным теоретическим фундаментом. Теперешняя моя задача — подготовиться к той серьёзной и ответственной работе, к которой я рано или поздно возвращусь. Вопросам абстрактным, как например философия, я мало посвящаю времени и внимания, но не потому, конечно, что мало ценю их, а исключительно и только потому, что меня сильнее притягивает к себе жизнь человеческая, жизнь практическая, с её подъёмами и падениями общественных настроений, с её борьбой за лучшее будущее. А Именно интерес к жизни вообще и лучшей жизни для человечества, включая в него и меня самого, как отдельную единицу, и обуславливает круг моих теоретических интересов. Социология, экономика, право, политика — вот те науки, к которым особенно лежит моё сердце. Но это и есть та сфера, на которую здешние «олимпийцы» взирают сугубо подозрительно, почему и выписываемые мной книги из Питера часто не пропускаются, застряв в нашем чистилище — контроле. Тем не менее, составленный подбор книг, представляет значительную ценность. Я написал Веньке, чтобы он прислал мне программу университета и института. Думаю, что я уже счерпал теоретическую часть наук последнего курса Московского университета юридического факультета перед арестом) и любопытно было бы устроить себе экзамен. Против всякого ожидания оказалось, что многое из того, что я слышал в Петербургском университете и изучал в Московском — прекрасно сохранилось в памяти.

25.09.1909 г.

Дорогая моя Варко! До глубины души меня тронули твои письма. И сейчас, приступая к беседе с тобой, я хочу одного — чтобы совесть моя, искренность и правдивость со всей возможной силой и полнотой отразились в этом письме... Прежде всего, о том, что вызвали во мне твои письма. Ты меня так любишь, дорогая! Ты так надеешься на счастье со мной! Дам ли я и могу ли я дать тебе его, судить не могу, но если моё желание и моя воля могли бы содействовать этому, то я со всей силой направил бы их к твоему счастью, я сам был бы счастлив твоим счастьем, и если есть Бог, то пусть он засвидетельствует искренность моих слов и поможет мне сделать тебя счастливой. И здесь я опять должен поставить и ставлю себе вопрос — люблю ли я тебя? Если моё глубокое желание тебе счастья — любовь, то я тебя люблю. Если нежность, которой полна моя душа — любовь, то я люблю тебя. Только тебя я могу так близко, так глубоко пустить в свою душу, только от тебя я хочу той нежности, той чуткой ласки, которой я хочу с такой болью, с такой тоской. Только от тебя я хочу поддержки, молчаливой духовной поддержки лично мне, хочу только твоего нежного и тёплого рукопожатия в минуту усталости и тяжёлого раздумья. Только тебя я могу представить себе моим самым близким и интимным другом. Только от тебя я хочу прощения и снисходительности к моим слабостям, в чём бы они ни проявлялись, и только от тебя я хотел бы поддержки и силы против всякой слабости. Только тебя я хотел бы иметь своим ангелом-хранителем. И, наконец, только ты, мой друг моя сестра, моя ласковая и нежная звёздочка, только ты представляешься мне в образе жены, в образе спутника на всю мою, может быть, и не долгую, жизнь. Вот что говорит моя совесть. И если это — любовь, то да, моя дорогая, я люблю тебя!

Oh my! How precious the vacation of my dear
 old, yfugue at yfugue & yfugue, yfugue and yfugue yfugue
 men yfugue, many are yfugue yfugue, yfugue and
 yfugue yfugue yfugue and yfugue yfugue yfugue yfugue
 yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue
 yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue yfugue

Ноябрь 1909 г.

Дорогая моя, вот я уже и в Сибири. Она приветствует меня ярким солнцем, которое так приятно после Питеро-Шлюшинской вечной слякоти. Здоров, чувствую себя великолепно. Пиши по адресу: Иркутск, Александровская Центральная Каторжная тюрьма — заключённому мне.

В венчании, как знаешь, отказано. Что будет дальше, увижу и напишу. Не унывай, верь в лучшее будущее. Обнимаю и целую тебя несчётное число раз. По приезде напишу. Твой А...

Сентябрь 1910 г.

Хорошая моя, Варко! Вот я и в Сибири, почти на родине, в новых условиях, позволяющих мне черкнуть тебе пару слов. Всякими путями и способами дополз до места назначения и пытаюсь понемногу сориентироваться. Твёрдо уверен, что проживу здесь не хуже, а во многом — и лучше, чем в Шлиссельбурге. Тем не менее, придётся кое в чём и разочароваться и тебе и маме. Вольной команды для нашего брата нет, значит нет и возможности «зажить по-семейному», как думалось. Значит, до выхода на поселение мне осталось 4 года и 1 месяц. Всё это время я должен буду провести в тюрьме и нет, конечно, смысла переезжать тебе

в Сибирь, ибо венчание теперь будет возможно через 4 года. Да не всё ли равно, раз мы имеем возможность переписываться?! Надежды на всякие необычайные возможности пусть возникают, но не станем опираться на них, как на что-то реальное, дабы впоследствии не разочаровываться. А их и так уже было достаточно...

...Прогулки здесь происходят, к сожалению, в громадном, но совершенно пустом дворе, ни кустика, ни травки, и после Шлис-сельбургских роскошных цветников это очень неприятно. Там я насушил тебе массу хороших цветов, но теперь их надо считать пропавшими...

Боюсь, что многочисленное население камер (30-40 и более человек) явится препятствием даже для серьёзной работы. О тебе думаю часто, но, кажется, что целую вечность о тебе ничего не знаю. Сведения, которые ты даёшь моей маме о себе, крайне скудны и отрывочны. А между тем, не без оснований, опасаясь, что ты живёшь не совсем ладно. В твоих словах всегда звучит минорный тон. Это меня очень огорчает. Мне хотелось бы, чтобы ты спокойно отнеслась к той невесёлой участи, которую избрала себе. Прости, родная, но, сознавая, что тебе неладно, я поневоле упрекаю себя, как прямого виновника твоих злоключений. Пиши обо всём, не скрывай ничего. Теперь все письма до меня дойдут. А я по-прежнему ограничен одним письмом в один лист в месяц.

Из воспоминаний В. С. Войтинского¹

Российская пенитенциарная система была полна противоречий. Мрачная темница в Екатеринославе и уютная Новгородская тюрьма, пыточные камеры в Орле и самовары в Александровске. Сибирские исправительные учреждения являли собой светлую сторону общей картины. С начала XIX века они играли важную роль в процессе колонизации Сибири. Заключенные, отбыв треть срока, обычно переводились в рабочие (вольные) команды и переселялись в бараки за тюремной оградой. Большинство их было занято в полях, мастерских, на шахтах. После второй трети срока срока их могли отправить на поселение, позволив взять в пользование землю. В начале нового века численность тюремных заключенных превысила требования и возможности исправительных заведений в труде заключенных. И хотя вольные команды продолжали существовать, большая часть осужденных на исправительные работы содержалась в заключении и вынужденном безделье, в точности, как в европейской части России.

В Александровске сложилась особая система сегрегации политических заключенных. Они размещались в отдельных камерах, имели нечто в роде самоуправления, им разрешалось отбирать осужденных из прибывающих партий в члены своего сообщества, Собрания [в оригинале *The Collective*]. Своим существованием система была обязана Жданову² и Сауру... Они убедили начальника тюрьмы в том, что, дав слово чести, политические заключенные не будут предпринимать попыток к бегству. Начальник, бывший офицер, уволенный в запас при неясных обстоятельствах, был добродушным человеком и презирал себя за то, что служит тюремщиком политических заключенных, которых он уважал как образованных людей. И поскольку он считал, что его главная обязанность — предотвращать побеги заключенных, он заключил с политическими пакт. Главной привилегией политических была возможность, благодаря сегрегации, самостоятельно поддерживать чистоту камер и организовать собственный распорядок дня — так называемая "Конституция"... Существовало и соглашение о самостоятельном распределении работы среди заключенных. Наше Собрание имело еще две привилегии: политическим позволялось иметь самовары и пить чай после вечерней

¹ *Stormy Passage: A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905-1960. W. S. Woytinsky. The Vanguard Press, Inc., NY. 1961 (Перевод Ред.)*

² Владимир Анатольевич Жданов (1869-1932) адвокат, общ. деятель; Саур—псевдоним Николая Андрониковича Снегульского (1881-1915).

поверки; а также распоряжаться тюремной библиотекой, которая состояла из книг, подаренных родственниками и друзьями. Все книги были рассортированы по нескольким разделам, а те, что относились к экономике и социальным тематикам, заносились в каталог отдельно и помечались звездочкой на обложке. Жандармы узнали и о самоварах в камерах политзаключенных, и о существовании особого "крапленого" раздела в библиотечном каталоге. Вызванный для дачи объяснений в жандармское управление, начальник тюрьмы все отрицал. Не удовлетворившись, жандармы направили жалобу в Иркутскую тюремную инспекцию. Так началась удивительная война между тюремным инспектором, поддерживаемым жандармами, и начальником тюрьмы, поддерживаемым Генерал-губернатором Князевым.

Тюремный инспектор хотел арестовать самовары и запрещенную литературу, поймав нас "с поличным". Но его офис находился в Иркутске, и, чтобы добраться до Александровска, ему нужно было пересечь на пароме Ангару. А все паромщики были из числа бывших, и были проинструктированы начальником тюрьмы – сообщать ему по телефону о каждом вражеском приближении. Предупрежденная тюремная охрана имела время убрать из камер самовары, а из библиотеки "крапленые" книги. После показательной экскурсии по тюрьме начальник приглашал инспектора в тюремный клуб, где вечер завершался выступлением хора балалаечников-уголовников. И неизменно, в середине концерта начальник тюрьмы находил возможность позвонить начальнику охраны: "Верните политическим самовары!"

*Варвара Петровна к Аполлону Николаевичу.
Август 1914 г. Киев.*

...Друг мой дорогой!
Сегодня у меня свободный вечер и я им пользуюсь для беседы с тобой. Свободный потому, что я некстати заболела. Простудилась, возвращаясь рано утром с ночного дежурства в госпитале. Такое ужасное время мы переживаем, что положительно стыдно сидеть сложа руки, устыдилась и я, и всё своё свободное время, лишь изредка давая себе отдых, посвящаю уходу за ранеными, которых в Киев привозят тысячами. Теперь такая нужда в рабочих руках, что принимают даже таких,

ничего не умеющих, как я. Раньше я думала, что не смогу быть сестрой милосердия, но теперь ничего, держу себя в руках и жалею только, что не поступила на курсы раньше. Помогаю, чем могу, ухаживаю за ранеными, готовлю материал к перевязкам, операциям, начинаю и сама делать лёгкие перевязки, дежурю по ночам. Ужасов насмотрелась вдоволь, но всё же легче работать, сознавая, что приносишь хоть маленькую пользу, чем стоять в стороне от всего этого. Приходится удивляться терпению наших солдатиков: приходят на перевязку, показывают самые ужасные раны, и редко услышишь от них стон.

*Аполлон Николаевич к Варваре Петровне.
Сентябрь 1914 г. Александровский централ.*

Мои товарищи, вышедшие раньше на поселение и хорошо зарабатывавшие, нынче вынуждены «сосать лапу». О них, тоже патриотах, положивших свою жизнь, молодость и счастье на благо Родины, теперь некому думать. Всех захватила война. И даже наше либеральное общество, прежде столь чуткое к нуждам политических ссыльных, нынче полно воинственного азарта, громит на словах Германию и немцев и возмущается зверствами немецкими, забывая об ужасах родных, столь недавних по времени и с неизбежностью грядущих в близком будущем. И чем ярче и громче вопли «объединяющегося» общества, тем горче и глубже будет отрезвление, тем стыднее и обиднее будет сознание своего падения. Но — теперь время стихийное, и стихийный захват овладел всеми, голос рассудка поневоле остаётся втуне.

Я говорю, конечно, не о роли «объединений» русского общества, которое направлено на смягчение ужасов войны, к уходу за жертвами войны, нет, это — святое и великое дело. А о том «объединении», которое имеет своей целью раздувание человеконенавистничества, воинственного жара, презрение к человеческой жизни, хотя бы и немецкой...

Ты, моя добрая и милая Варварушка, конечно, совершенно права, сейчас надо что-нибудь делать, и ты правильно избрала род деятельности. Я даже за себя не ручаюсь, удержусь ли, не приму ли какого-нибудь участия в общем деле, и очень хотел бы пристроить к нему сестру. Может быть, посмотрев на чужие страдания, она стала бы менее чувствительной к своим.

Как самый факт войны, есть глубокое противоречие с тем, что в наше время принято называть «культурой», «братством народов» и т. д., так и отношение к войне неизбежно носит в себе противоречие. Всеми силами души протестуя против войны, я в то же время от всего сердца и ума желаю разгрома германского милитаризма, но если бы этот разгром мог произойти без пролития океанов крови и Монблана из трупов.

Безумно тяжёлое время психологически, бесконечно интересное — политически.

Январь 1915 г.

Милая Варварушка! Вот уже второй месяц, как я на свободе, живу в Иркутске и мог бы пользоваться всеми благами воли и культуры, если бы к тому была охота и досуг. Вошёл в жизнь так спокойно и просто, как будто бы и не выходил из неё. Нет ни острых впечатлений, ничего такого, что казалось бы совершенно новым и чуждым. Сообщения моих корреспондентов о том, что в жизни произошли большие сдвиги и что мы, изъятые, возвратившись в жизнь, не узнаем её, оказались в значительной степени преувеличением. Жизнь оказалась прежней, подлой и благородной, мерзко-тусклой и упоительно-прекрасной, т. е. сотканной из тех же контрастов и противоречий, что и раньше. Иначе и быть не может...

...Могу поделиться с тобой несколькими забавными, но верными наблюдениями. Почти 8 лет провёл я вне жизни. Мы варились «в собственном соку», консервировались и ныне являемся в свет, по духу, психологии и навыкам весьма близкими к тому состоянию, в коем ушли из жизни. Наша линия жизни — через неволю, оказалась более прямой, чем путь зигзагов, обходов, уклонов, пройденный нашими сверстниками, прожившими эти годы на воле. Поэтому мы, прошедшие свою дорожку, несмотря на разницу в возрасте, образовании и развитии, гораздо более понятны и близки друг другу, чем наши старые знакомые и друзья, даже из идейных единомышленников, проживших эти годы на воле. Выходит так, что нас неволя не состарила, а сберегла, и мы по настроениям, по духу — гораздо моложе наших «вольных» сверстников. Наша «внутренняя молодость» меня не огорчает,

Иркутск, 1903-1910 гг.

Московские Ворота (Триумфальная арка, см. фото) построены в 1811 году иркутским губернским архитектором Яковом Алексеевичем Кругликовым. Но, по-видимому, он относился к другому роду; возможно, он относился к роду основателя Умревинского острога Алексея Кругликова (Ред.).

но создаёт странное положение: наши сверстники для нас староваты, а молодёжь — слишком зелёная, и мы остаёмся обществом вне людей. И мы группируемся в более естественные и однородные ячейки из старых товарищей и близких по духу людей. Что касается связей ссыльных со здешним обществом, то они весьма широки. Сибирское общество испокон веков привыкло видеть в «ссылке» лучших людей, в своё время много поработавших на пользу Сибири и её развития, и это традиционное отношение сохранилось и доныне. Лично у меня в Иркутске создались довольно обширные знакомства, как среди представителей свободных профессий — врачей, адвокатов и т. д., так и среди здешней буржуазии. И, не будучи даже очень тонким человеком, вижу и чувствую, что ко мне относятся сердечно и с долей известного уважения. Я этих знакомств не ищу, но я даю уроки в буржуазных домах (и цены беру безбожные; стыди меня, материалиста).

...В Александровском у меня восстановилась переписка со старыми друзьями, но пройденные 8 лет спаяли меня с новыми людьми. Я посылаю тебе фотографию, снятую сразу по приезду в Иркутск. Это мой близкий друг, чрезвычайно ко мне привязанный, которому я плачу той же монетой. Это Владимир Войтинский, личность в революционных и литературных кругах довольно известная. Он — автор многих научных статей, публицистических и художественных произведений, печатавшихся в разное время в наших толстых журналах...

Войтинский и Кругликов.

Цветник в Александровском центре.

... Сейчас мне необходимо думать о создании материальных условий жизни семьи. Многое мне пришлось сделать, чтобы добиться того, что сейчас имею. Первейшей моей заботой было подыскание работы и квартиры, чтобы обеспечить моим дамам тот минимум удобств, без которых нельзя обойтись. И то, и другое мне удалось. Квартира тёплая, светлая и просторная; близка к центру города, что особенно важно для меня, т. к. близка к моим ученикам. Что касается уроков, то и здесь, как говорят мои товарищи, я «устроился». Сейчас у меня уроков на 200-250 руб. в месяц. Таким образом, внешняя и материальная сторона жизни довольно благоприятна. Я могу лечить моих дам и приблизил жизнь к тому уровню, который мне представляется необходимым. Но такой исключительно высокий для ссыльного заработок даётся не даром. Я занят уроками целый день с 9 утра до 10 ч. вечера с перерывами. Утомления пока не вижу. Да и вообще, я устроен так, что утомление мне не свойственно. Спасибо тебе, милая, за заботу о моём здоровье, но ему не угрожает никакая опасность, тем более работа.

*Из письма Анны Васильевны Кругликовой¹
В. П. Ермаковой в Киев. Декабрь 1914 г.*

Дорогая моя, любимая, Варвара Петровна! С каким бы удовольствием я поздравления с днём Ангела и пожелания высказала бы лично и крепко, крепко прижала мою любимицу к сердцу, которое её выбрало в подруги жизни к единственному любимому сыну. Но злой рок разбил мечту и радость ожидания превратилась в страдание.

Мы с Соней 20 сентября 1914 г., ровно за месяц до освобождения Аполлона, переехали из с. Александровское в Иркутск, где я и возбудила ходатайство о разрешении моему сыну остаться на жительство в Иркутске, в виду болезни сестры. Я предоставила медицинское свидетельство о её болезни и о том, что она требует серьёзного и систематического лечения.

¹ Мать Аполлона Николаевича. Отец Николай Аполлонович умер рано, поэтому Анна Васильевна сама работала и растила детей. Причем за отлично выполняемую работу была награждена медалью, что было почетно для женщины-служащей. А затем она всюду следовала за сыном – и на каторгу, и на поселение. Сестра Софья Николаевна также последовала за братом в Сибирь из Москвы, где она тогда жила.

Анна Васильевна с детьми.

Софья Николаевна.

Слава Богу, всё удалось сделать, как я хотела и сообразно с желанием Аполлона.

В 12 ч. дня 20-го октября 1914 г. Аполлон был освобождён; а в 12 ч. ночи этого же дня мы встречали его в Иркутске. В Александровском все друзья умоляли его остаться на день, чтобы достойно обедом и разными развлечениями отметить выход на свободу, но Аполлон не захотел и на несколько часов остаться и с первым же поездом из Усолья выехал в Иркутск, в свою родную семью. У нас, понятно, в доме всё было убрано и приготовлено, как к светлому празднику — стены его комнаты были увиты зеленью, на столах живые цветы, а в столовой — горячий ужин с бутылкой портвейна. Приехал Аполлон в холодном пальто и летней кепке, а мороз был около 30 градусов, но он не простудился. А 23 октября, когда открыли магазины и он купил себе всё тёплое — надел, вспотел и простудился. Слёг с большой и высокой температурой, оказалась инфлюенция. А потом и я заразилась, а для моих больных лёгких это очень тяжело. Врач боялся за мою жизнь, но Аполлон объявил доктору, что его мать живуча, как кошка. Столько болезней перенесла, и всякий раз врачи не верили, что я встану с постели. И на это раз я победила смерть и встала. Да сейчас не так страшно, если я и умру, Аполлон на свободе, и есть кому посмотреть за Соней¹.

Слава Богу, Аполлон сейчас зарабатывает более 100 руб. в месяц, занимается с ребятишками, даёт уроки. 7 ч. утра он уже на ногах, пьёт чай и в 8 ч. — первый урок на дому, а в 9.30 — бежит на следующий урок, в 2 ч. приходит обедать, а в 3 ч. — бежит на другой конец города. Так и бегаёт до 9 ч. вечера. Устаёт, конечно, но доволен, что может устроить более покойную жизнь старой матери и больной сестре. Главную дороговизну жизни здесь составляют квартира и дрова, остальное в той же цене, что в деревне. Мы за свою хорошую трёхкомнатную квартиру с передней и кухней платим 45 р. в мес, дров идёт 3 сажени по 5 р. зимой, электричество — 5 р. в месяц, прислуга девочка — 5 р. Остальные заработанные

¹ У Софьи после осуждения Аполлона развился невроз и острое малокровие.

Аполлоном деньги пойдут на стол и лечение Сони. Вот видите, родная, Аполлон стал нашим кормильцем.

25 р. Ваших я получила, они принесли существенную и большую пользу, придя как раз перед выходом Аполлона, когда нужна была каждая копейка. И всё-таки, моя родная, не нужно было этого делать, мы бы обошлись, а Вы урезаете свой бюджет, обездоливаете себя, может быть, ко вреду Вашему, а это для меня тяжело. Но то, что вы заботитесь обо мне, как родная дочь — примите мою глубокую, сердечную благодарность. Крепко Вас прижимаю к сердцу, целую и призываю на Вас благословение Божие. Пусть он, всевидящий души человеческие, пошлёт мир и тишину на душу моей любимицы. Соня поздравляет милую, дорогую, всегда ей симпатичную Варварушку и шлёт ей самые сердечные пожелания всего наилучшего. Крепко обнимаю Вас и целую, как родную любимую дочь.

Март 1915 г. Из письма А. В. к В. П.

Живётся нам всем тяжело. Не хотелось мне Вас тревожить, ведь я знаю, у Вас не больно радостно на душе, а тут ещё я со своим горем. Судьба так жестоко издевается надо мной. Люди не виноваты в том, что я страдаю всю жизнь. Соня давно больна. Все меры принимаем для её лечения, но всё тщетно. Состояние её не улучшается, хотя созданы все условия — отличная квартира и питание — яблоки, виноград, пирожные. Аполлон — редкий брат и заботится о Соне больше, чем заботился бы родной отец. Он проявляет к Соне массу внимания и этим трогает меня до слёз.

Да и я проболела всю зиму, и так отчаянно, что не только дети, но и врачи потеряли надежду на моё выздоровление. В январе-феврале я была между жизнью и смертью, с постели не поднималась. Аполлону пришлось ухаживать за двумя больными и бегать по урокам. И он сам заболел нервным расстройством, граничащим с потерей ясного сознания. Чего не смогла сделать каторга, с успехом сделала семейная жизнь. Пришлось обращаться к доктору, который сказал, что нужно немедленно устранить причины, волнующие его и дать ему

абсолютный покой. Что мне оставалось делать, как решить этот трудный вопрос? Решили увезти Софью в лечебницу. Но оказалось, что в Москве лечебница доктора Грушевского отдана под раненых. Поэтому наша поездка была отложена. Сейчас Соня совершенно изолирована от Аполлона — живут в разных частях дома. Лечит его тот же доктор, что и Соню. Он принимает стрихнин и фосфор, утром холодное обтирание. Похудел ужасно, никогда таким изнурённым не был и в тюрьме. Нервничает и раздражается на каждом шагу. Не было дня, чтобы я не плакала. Втихомолку, по ночам. Правый глаз совсем плохо видит. Горе будет, если я ослепну, что будет с Соней. Когда кончится война, увезу её в Питер в лечебницу. Если Бог даст и она выздоровеет, то будет работать, а если нет, поместим её в какое-нибудь богоугодное заведение для неизлечимых. Только бы дождаться окончания войны, больно уж я слаба телом, а духом оказалась сильнее своих детей. Их жизнь измяла, и они совсем поникли к долу, как цветы в знойный день. На Соню я ещё не так удивляюсь, но Аполлон — этот колосс, который не гнулся во время страшных бурь — изнемог и поник. Это мы его доконали, наши болезни и стоны, отравили душу и отняли богатырские силы. Но я не теряю надежды, что его организм поборет нервную болезнь и наш Аполлон опять будет весёлым и жизнерадостным. Вот в таких условиях приходится доживать последние дни. Вы, своей чуткой душой, всё поймёте, во всём разберётесь и не осудите меня за молчание. Хорошо, родная моя, писать приятные вещи, а о таких жизненных невзгодах — и рука не поднимается...

* * *

В. С. Войтинский к В. П. Апрель 1915.

Глубокоуважаемая В. П.!

...Аполлона я наблюдаю каждый день и понимаю его не хуже, чем он сам себя.

Может быть Вы будете неприятно поражены моим вмешательством в Ваши личные дела, но, по моему убеждению, Вы должны привести в исполнение планы и приехать этим летом в Сибирь. Это будет хорошо и для Аполлона, и для Вас. На письма и телеграммы Аполлона, в которых он противится Вашему приезду, не обращайтесь. Это всё от зря ума. Ему хочется, чтобы Вы приехали. Он превосходно знает, что прошлое не кончено...

Желаю вам счастья — Вам и Аполлону! И выйдет всё по-моему!

В. С. Войтинский к А. Н. Май 1915.

Ты будешь безнадёжным остолопом, разиней, идиотом, рохлей, растяпой и дурнем, еслипустишь В. П. раньше осени. Если ты способен мыслить, как разумное существо, то не должен повторять свои старые ошибки. А старая твоя ошибка — что не сразу слушался умных, опытных, проницательных, глубоко-мысленных и истинно благородных людей — когда такие светлые личности давали тебе мудрые советы относительно жизни. Надеюсь, ты докажешь всем, что у тебя под черепом не так пустынно, как над ним!.. Серьезно предлагаю тебе на 1-2 недели заменить тебя на уроках, а ты с В. П. сможешь на это время уехать куда-нибудь...

Варвара Петровна к А. Н. 8 Мая 1915.

Дорогой Аполлон, пишу тебе последнее письмо перед отъездом. Итак, я еду к тебе несмотря на все преграды, которые ты передо мной поставил...

Дорог каждый день. Я не буду писать, как случилось, что я получила возможность приехать к тебе... Увидимся — обо всём поговорим. Счастлива, что скоро увижусь с вами, мои дорогие!

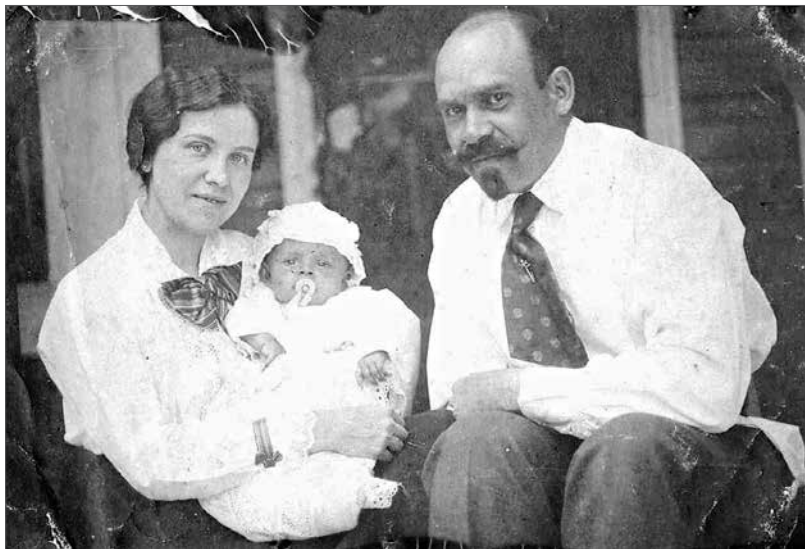
Войтинский — молодец! И будет всё по его! Я еду! Я вполне убедилась, что не смогу быть не только счастлива, но даже относительно спокойна, пока не увижу, не удостоверюсь, существует ли «тот Аполлон», по которому так тоскует моя душа.

А тебя, мой дорогой, прошу в заключение — не философствуй ты много, ради Бога, по-крайней мере по отношению ко мне! И всё будет хорошо! До скорого радостного свидания...

Больше писем этого периода нет, так как Варвара Петровна приехала к Аполлону Николаевичу и его семье в Иркутск. И у них все вышло по-Войтинскому.

Варвара Петровна, Аполлон Николаевич, Анна Васильевна, Софья Николаевна. Иркутск, лето 1915 г.

А 2 апреля 1916 года у них родилась дочь — Варвара.

Анна Васильевна уехала с Софьей в Москву, где Софью подлечили, и она смогла работать машинисткой.

А затем была революция, съезды РСД, Учредительное собрание, поездки Аполлона Николаевича в Петроград и Москву, затем работа в Иркутске, сибирском правительстве, поездка во Владивосток, Харбин... И снова письма, письма и телеграммы домой...

Но это уже другая глава в почтовом романе¹
Аполлона Кругликова.

¹ Эту переписку, а также полный рассказ о судьбе А. Н. Кругликова, его родных и близких, вы найдете в издании: *Г. И. Маяковская. С любовью и гордостью. Род Кругликовых в истории и судьбе России. Краснодар: изд. «Кубанькино», 2011.— 132 с.*

Семья Кругликовых. Иркутск, 1917 г.

ДРЕВО РОДА КРУГЛИКОВЫХ IV—VIII КОЛЕНА

Кругликов Венедикт Александрович (1717-1811)	IV
♀ Страшкеева Анастасия Осиповна	
Кругликова Анна Венедиктовна (1735-1809)	V
Кругликова Софья Венедиктовна	
Кругликов Александр Венедиктович (1757-1824)	
♀ Волкова Мария Николаевна	
Кругликов Николай Александрович (1788-1868)	VI
♀ Повало-Швейковская Марья Васильевна (около 1790-...)	
Кругликов Василий Николаевич (1809-1894)	VII
♀ Иванова Екатерина Павловна (1801-1863)	
Кругликова Мария Васильевна (1833-...)	VIII
Кругликов Павел Васильевич (1834-1836)	
Кругликов Николай Васильевич (1836-позднее 1886)	
Кругликова Лидия Васильевна (1837-...)	
♀ Дрилль Варвара Алексеевна (...-1913)	
Кругликов Александр Николаевич (1810-...)	VII
Кругликов Лев Николаевич (1825-1900)	
♀ Любавская Елизавета Степановна (1835-...)	
Кругликов Владимир Львович (...-1908)	VIII
Кругликов Петр Львович	
Кругликова Екатерина Львовна (1861-1942)	
♂ Яблочков Владимир Михайлович	
Яблочков Николай Владимирович	IX
Яблочков Сергей Владимирович	
Яблочкова Наталья Владимировна (1879-1922), стр. 85	
Кругликов Сергей Николаевич (1832-1910)	VII
♀ Нейман Ольга Юльевна (1836-1922)	
Кругликов Николай Сергеевич (1861-1920), стр. 67	VIII
Кругликова Елизавета Сергеевна (1865-1941), стр. 18	
Кругликова Ольга Сергеевна (1869-1942)	
♂ Кованько Сергей Александрович (1868-1935)	
Кругликова Мария Сергеевна (1871-1941)	
Кругликова Наталья Сергеевна (1874-1911)	

- VII Кругликов Михаил Николаевич
 ♀ ... Александра Тимофеевна
- VI Кругликов Венедикт Александрович (1791-1815)
 Кругликов Сергей Александрович (1793-ранее 1830)
- VII ♀ Токмачева Татьяна Яковлевна (около 1793-1867)
- VIII Кругликов Николай Сергеевич (1821-1901)
 ♀ Озерова Настасья Семеновна (1823-1896)
- IX **Кругликов Семён Николаевич** (1851-1910), стр. 6
 ♀ Леонтович Екатерина Георгиевна
 Кругликов Сергей Николаевич (1853-...)
 Кругликова Мария Николаевна (1861-1933)
- VI Кругликова Анна Александровна (1796-...)
 Кругликова Екатерина Александровна (1800-1859)
 ♂ Урусов Степан Дмитриевич (1794-1852)
- VII Урусова Мария Степановна (1825-1879)
 Урусов Дмитрий Степанович (1826-1846)
 Урусов Александр Степанович (1827-1898)
 Урусов Николай Степанович (1829-...)
 Урусова Софья Степановна (1830-...)
 Урусов Владимир Степанович (1833-1835)
 Урусов Сергей Степанович (1835-1862)
 Урусов Аполлон Степанович (1837-1919)
- ♀ Войнухова Вера Семеновна
- VI Кругликов Павел Александрович (около 1806-ранее 1849)
 Кругликов Дмитрий Александрович (1807-1855)
 ♀ ... Мария Федоровна
- VII Кругликова Александра Дмитриевна
 Кругликов Леонид Дмитриевич
 Кругликова Мария Дмитриевна
 Кругликова Ольга Дмитриевна
- VI Кругликов Аполлон Александрович (1814-1874)
 ♀ ... Анна Николаевна
- VII Кругликов Николай Аполлонович (1838-1890)
 ♀ ... Анна Васильевна
- VIII **Кругликов Аполлон Николаевич** (1883-1923), стр. 192
 ♀ Ермакова Варвара Петровна (1885-1974)
 Кругликова Софья Николаевна (позднее 1884-...)
- VII Кругликов Леонид Аполлонович (1839-...)

Кругликов Павел Венедиктович (...-1823)	V
♀ ... Варвара Александровна	
Кругликов Александр Павлович (1806-...)	VI
Кругликов Николай Павлович (1812-1878)	
♀ Лунина Елизавета Александровна (1823-1844)	
Кругликов Николай Николаевич (1840-1841)	VII
Кругликова Варвара Николаевна (1841-позднее 1860)	
Кругликов Георгий Николаевич (1842-1907), стр. 182	
♀ Гульковская Любовь Михайловна	
Кругликова Лидия Георгиевна (около 1869-...)	VIII
Кругликова Еликонида Георгиевна (1871-1942)	
♂ Ратаев Анатолий ...	
Кругликова Любовь Георгиевна (1873-1936)	
♀ Гульковский Константин Авенирович	
Кругликов Венедикт Георгиевич (1877-1943), стр. 174	
♀ Сорокина Надежда Осиповна (около 1873-1959)	
Кругликова Ганания Георгиевна (1880-...)	
Кругликова Нина Георгиевна (1882-...)	
Кругликова Мария Николаевна (1843-1925)	VII
♂ Певницкий Николай Григорьевич	
♂ Людоговский Николай Львович (1822-1907)	
Людоговская Александра Николаевна (1873-1943)	VIII
Людоговский Сергей Николаевич (1874-1937)	
Людоговская Елизавета Николаевна (1876-1921)	
Людоговский Николай Николаевич (1877-1878)	
Людоговская Софья Николаевна (1879-1956)	
Людоговский Лев Николаевич (1881-1882)	
Людоговский Борис Николаевич (1882-1965)	
Людоговский Николай Николаевич (1885-1973)	
Людоговский Лев Николаевич (1888-1890)	
Кругликов Павел Николаевич (1844-1916)	VII
♀ Гутовская Варвара Кирилловна	
Кругликов Александр Николаевич (1844-1878)	
Кругликов Сергей Николаевич (1848-1904)	
Кругликов Виктор Николаевич (1852-...)	
Кругликов Дмитрий Николаевич (1854-позднее 1910)	
♀ Бунцлер Клавдия Егоровна	
Кругликова Александра Николаевна (1867-позднее 1890)	

- Кругликов Петр Николаевич (1869-1894)
 Кругликов Лев Николаевич (1870-...)
- VI Кругликова Екатерина Павловна (1815-...)
 Кругликов Дмитрий Павлович (1818-...)
 Кругликов Сергей Павлович (1821-...)
- V Кругликов Иван Венедиктович (около 1766-1851)
 ♀ Дедюлина Александра Ивановна (...-около 1794)
 ♀ Власьева Екатерина Сергеевна (около 1774-1843)
- VI Кругликов Сергей Иванович (1796-1848)
 Кругликова Анастасия Ивановна (1798-...)
 ♂ Каблуков Владимир Васильевич
 Кругликов Александр Иванович (1801-1841)
 ♀ Зарина Мария Андреевна (1808-ранее 1863)
- VII Кругликов Николай Александрович (1830-...)
 Кругликов Александр Александрович (1831-1886)
 ♀ Трофимова Мария Петровна (около 1835-...)
- VIII Кругликов Василий Александрович (1858-...)
 ♀ фон Витте Екатерина Густавовна (1863-...)
 Кругликова Мария Васильевна (1884-...)
 Кругликов Гавриил Александрович (1860-...)
 ♀ Зильке Елена Федоровна (1868-...)
 Кругликов Георгий Александрович (1860-1895)
 ♀ Ушаковская Софья Николаевна
 Кругликов Петр Александрович (1862-1914)
 ♀ Ломжинская Мария Францевна (около 1866-...)
 Кругликова Екатерина Александровна (1867-1916)
 ♂ Нагин Андрей Павлович (1860-...)
 Кругликов Александр Александрович (1871-...)
- VII Кругликов Иван Александрович (1840-...)
 Кругликов Петр Александрович (1841-позднее 1905)
 ♀ Тарасенко-Отрешкова Любовь Аполлоновна (...-1883)
- VIII Кругликов Александр Петрович (1871-1941)
 ♀ Паздзерская Клара Адольфовна (1875-1944)
- VII Кругликов Павел Александрович (1842-...)
- VI Кругликова Софья Ивановна (1802-1864)
 Кругликов Павел Иванович (1805-1871)
 ♀ Волкова Анна Аполлоновна (1809-1856)

Кругликов Аполлон Павлович (1829-1892)	VII
♀ Родзянко Софья Платоновна (1831-1903)	
Кругликова Анна Аполлоновна (1859-позднее 1925)	VIII
♂ Притвиц Александр Иванович (...-1918)	
Кругликова Екатерина Павловна (1830-1913)	VII
♂ Пустошкин Павел Иванович (1826-1863)	
Пустошкина Александра Павловна (1854-...)	VIII
Пустошкин Константин Павлович (1859-1922)	
♀ Познанская Лидия ... (1864-1857)	
Кругликов Иван Павлович (1831-1874)	VII
Кругликов Венедикт Павлович (1832-1904)	
♀ Покровская Ольга А.	
Кругликов Николай Павлович (1833-1870)	
♀ Урусова Анна Николаевна (1848-1911)	
Кругликова Ольга Николаевна (1867-...)	VIII
Кругликов Григорий Николаевич (1868-1918)	
Кругликов Авенир Николаевич (1870-1913)	
Кругликова Вера Павловна (1835-1875)	VII
♂ Задолинный Александр Ефимович	
Задолинная Анна Александровна (1865-...)	VIII
Кругликов Владимир Павлович (1836-1907)	VII
♀ Траковская Олимпиада Дмитриевна (...-1892)	
Кругликов Павел Владимирович (1867-...)	VIII
Кругликов Петр Владимирович (1868-1909)	
♀ Кишкина Екатерина Михайловна (1863-...)	
Кругликов Борис Владимирович (1869-...)	
Кругликов Николай Владимирович (1871-1930), стр. 124	
♀ Стойкова Анна Михайловна (...-1947)	
Кругликова Екатерина Владимировна (1876-...)	
Кругликов Сергей Павлович (1838-...)	VII
Кругликова Надежда Павловна (1839-1840)	
Кругликова Софья Павловна (1840-1916)	
♂ Тимрот Егор Александрович (1831-1909)	
Тимрот Александр Егорович (1860-...)	VIII
Тимрот Иван Егорович (около 1862-...)	
Тимрот Сергей Егорович (1863-1915)	
Тимрот Софья Егоровна (1868-ок.1936)	
♂ Свербеев Дмитрий Александрович (1859-...)	

- IX Свербеева Софья Дмитриевна (1892-ок.1962)
 ♂ Шаховской Лев Сергеевич (1892-1918)
 ♂ Тимрот Дмитрий Львович (1902-1992)
- VIII Тимрот Владимир Егорович (1872-1887)
 Тимрот Инна Егоровна (1872-ранее 1925)
 Тимрот Анна Егоровна (1876-около 1930)
 Тимрот Лев Егорович (1877-1937)
 Тимрот Дмитрий Егорович (1879-1946)
- VII Кругликова Наталья Павловна (1842-1911)
 Кругликова Мария Павловна (1845-1911)
- VI Кругликов Федор Иванович (1807-...)
 Кругликова Елизавета Ивановна (1809-...)
 Кругликов Дмитрий Иванович (1810-...)
 ♀ Змеева Мария Дмитриевна
- VII Кругликова Елизавета Дмитриевна (1845-...)
 Кругликова Александра Дмитриевна (1847-...)
- VI Кругликов Николай Иванович (1813-...)
 ♀ Шустамская Варвара Николаевна

*Древо создано общими усилиями участников
 генеалогического форума рода Кругликовых:
<http://forum.vgd.ru/7/2648>
 Подробную поколенную роспись см. в части I
 данного выпуска.*

ПЕРЕЧЕНЬ УПОМЯНУТЫХ ФАМИЛИЙ

Абашидзе, Елена Дмитриевна — рожд. Свербеева	
Апрелева, Екатерина Павловна (1801-1863) — рожд. Иванова	
Баньолесси, Елена Евгеньевна	150
Бахрушин, Юрий Алексеевич (1896-1973)	166
Волошин, Максимилиан Александрович (1877-1932)	39
Вяземский, Орест Полиенович (1839-1910)	69
Гапеев, Александр Александрович (1881 — 1958)	164
Горчаков, Дмитрий Петрович (1758-1824)	181
Давиденко, Елизавета Николаевна (1867-...)	39, 40
Дитерихс (Толстая), Ольга Константиновна (1872-1951)	162
Дорошевич, Влас Михайлович (1865-1922)	17
Иванова Екатерина Павловна (1801-1863)	90, 92, 94
Картацци, Татьяна Иосифовна — рожд. Федорович	
Кругликов	
Василий Николаевич (1809-1884)	94
Георгий Николаевич (1842-1907)	169
Лев Николаевич (1825-1900)	96, 110
Николай Александрович (1788-1868)	19
Николай Владимирович (1871-1930)	124
Николай Сергеевич (1861-1920)	45, 67, 122
Семён Николаевич (1851-1910)	7, 45, 87
Сергей Николаевич (1832-1910)	19, 110, 122
Кругликова	
Анна Михайловна (...-1947) — рожд. Стойкова	
Екатерина Львовна (1861-1942)	85
Екатерина Павловна (1801-1863) — рожд. Иванова	
Елена Николаевна (1900-1985)	142
Елизавета Сергеевна (1865-1941)	18, 108
Елизавета Степановна (1835-...) — рожд. Любавская	
Лидия Васильевна (1837-...)	90, 92
Мария Васильевна (1790-...) — рожд. Повало-Швейковская	
Мария Васильевна (1833-...)	90
Мария Сергеевна (1871-1941)	19
Ольга Юльевна (1836-1922) — рожд. Нейман	
Софья Павловна (1840-1916)	161

Любавская, Елизавета Степановна (1835-...)	90, 96
Любавский, Степан Федорович (1785-1860)	96
Мусоргский, Модест Петрович (1839-1881)	96
Нейман, Ольга Юльевна (1836-1922)	29, 122
Николев, Николай Петрович (Николя де Мануар)	179
Пальчинский, Петр Иоакимович (1875-1929)	150, 156
Повало-Швейковская, Мария Васильевна (1790-...)	93, 95, 120
Римский-Корсаков, Николай Андреевич (1844-1908)	12
Свербеева, Софья Дмитриевна (1892-ок.1962)	161
Свербеева, Софья Егоровна (1868-ок.1936) — рожд. Тимрот	
Скочинский, Александр Александрович (1874-1960)	156
Стойкова, Анна Михайловна (...-1947)	143
Тимрот, Александр Дмитриевич (1915-2005)	162
Тимрот, Софья Дмитриевна (1892-ок.1962) — рожд. Свербеева	
Тимрот, Софья Егоровна (1868-ок.1936)	161
Толстая, Ольга Константиновна (1872-1951) — рожд. Дитерихс	
Толстая, Софья Андреевна (1900-1957)	162
Толстой, Алексей Николаевич (1883-1945)	21, 50
Федорович, Иосиф Иосифович (1875-1937)	142, 156
Федорович, Татьяна Иосифовна	150
Фортинский, Сергей Петрович	19
Шаховская, Софья Дмитриевна (1892-ок.1962) — рожд. Свербеева	
Шаховской, Георгий Львович (1918-1987)	162
Шаховской, Лев Сергеевич (1892-1918)	162
Яблочкова, Наталья Владимировна (1879-1922)	85
Яблочков, Владимир Михайлович (1849-1922)	85

ПЕРЕЧЕНЬ УПОМЯНУТЫХ УСАДЕБ КРУТЛИКОВЫХ

Васильевское	98
Малые Горки	178
Торóпово	161, 162
Чегодаево	120

Перечень обнаруженных опечаток в предыдущих изданиях

Тороповские страницы. Выпуск 1. Ярославль, 2009.

Стр. 59. Фото 7 – рядом с Софьей Дмитриевной Шаховской не Лев Сергеевич Шаховской (*возможно, отец, Дмитрий Александрович Свербеев, 1859-...*).

Стр. 87. Фото 74 – Георгий Дмитриевич Тимрот.

Стр. 106. На фото 116 не Лавр Николаевич Андреев. Фотографию В. Н. Андреева см. в Выпуске 2, стр. 163.

Тороповские страницы. Выпуск 2. Ярославль, 2010.

Стр. 55. Подпись под фотографией: Софья Павловна Тимрот.

Благодарим за предоставленные
архивные материалы

Кругликову Екатерину Георгиевну,
Маяковскую Галину Ивановну,
Мурганову Нину Иосифовну,
Сошальскую Ольгу Николаевну,
Хрулеву Розу Павловну

Благодарим за предоставленные
музейные предметы

Государственный Исторический музей,
Музей-усадьбу «Лопасня-Зачатьевское»,
Российскую национальную библиотеку, С.-Пб.,
Ярославский Художественный музей

Благодарим авторов статей

Маяковскую Галину Ивановну,
Михайлова Максима Сергеевича

а также:

Лазареву Наталью Михайловну,
Мурганову Наталью Георгиевну,
Савинова Александра Борисовича,
Сигейкина Владислава Игоревича,
Ситникову Людмилу Васильевну

за большую помощь в подготовке сборника.

В сборнике использованы сокращения:

[Пус]	архив Павла Ивановича Пустошкина
[Сош]	архив Ольги Николаевны Сошальской
[Фед]	архив Нины Иосифовны Мургановой (Федорович)
[Куп]	архив Владимира Петровича Купченко

Литературно-художественное издание
Тороповские страницы
/сборник статей и воспоминаний/
Выпуск 3. Род Кругликовых. Часть 2
2013

Редактор сборника Алексей Владиленович Соколов

Е-mail: abc@wedge.ru
Сайт проекта <http://toropovo.wedge.ru>

Подписано в печать 5.03.2013
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.
Гарнитуры “Литературная” и “Old Standard”.

Тираж 300 экз.
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150000 г. Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано в ООО “Аверс Плюс”
150040, г. Ярославль, пр. Октября, 34/21
Тел. (4859) 976 922